40 ЛѢТЪ

ПОСТОЯННОЙ ОХОТЫ

ИЗЪ

ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО ОХОТНИКА.

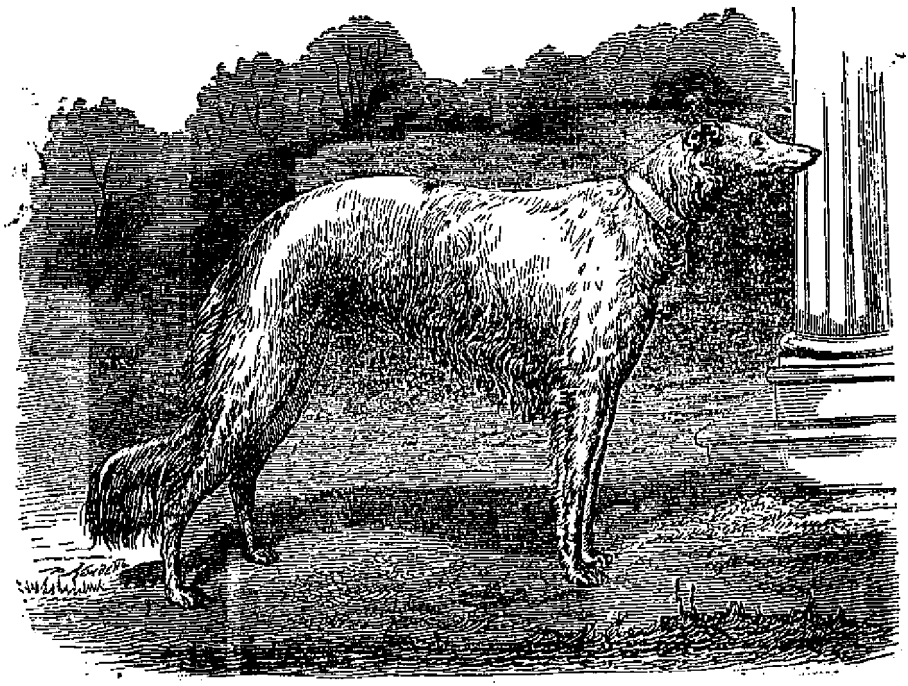
РАЗСКАЗЫ

посвященные собрату К. М. Фролову.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія А. В. Кудрявцевой.
1875.

Тип. А. В. Кудрявцевой, Софійская набережн. д. Котельниковой № 2.



Любезный 3-й.

Дозв. Цензур. Москва, 3 мая 1875 г.

Тип. А. В. Кудрявцевой.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Первое изданіе предлагаемой книги, напечатанное въ 1856 г. въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, по желанію автора вовсе не было въ продажѣ. Покойный Кирѣевскій печаталъ свои отрывочныя записки только для своихъ близкихъ знакомыхъ и товарищей по охотѣ и эта книга въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

Это обстоятельство въ связи съ интересомъ представляемымъ самой книгой и личностью автора и побудило насъ напечатать ее. Воспоминанія Н. В. Кирѣевскаго, извѣстнаго всѣмъ охотникамъ средней Россіи, хотя бы по наслышкѣ, несмотря на то, что не представляютъ стройнаго систематическаго цѣлаго и имѣютъ эпизодическій характеръ, а потому и почти лишены научно-охотничьяго значенія — дороги какъ псовымъ, такъ и ружейнымъ охотникамъ,

его знавшимъ, такъ какъ въ нихъ ясно очерчиваются какъ грандіозныя охоты нашихъ отцовъ и дѣдовъ, такъ и личность этого послѣдняго изъ нашихъ Могикановъ, всю жизнь свою посвятившаго на служеніе охотѣ и тратившаго на нее громадныя деньги. Кто изъ охотниковъ не слыхалъ о выѣздахъ на охоту, о псарномъ дворѣ и о крайнемъ педантизмѣ и знаніи дѣла Кирѣевскаго во всемъ, что касалось охоты.

Вотъ почему, при бѣдности нашей охотничьей литературы, ограничивающейся или спекулятивными переводами и компиляціями по Аксакову, Вакселю, Основскому—мы полагаемъ, что трудъ Кирѣевскаго, какъ оригинальный и самостоятельный, не лишенъ значенія и будетъ радушно принятъ охотниками.

ВОСПОМИНАНІЯ ОХОТНИКА,

съ 1815 по 1856 годъ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой....

Первый выстрѣлъ по сидячей птичкѣ рѣшилъ мою участь: съ похода 1815 года я сдѣлался страстнымъ ружейнымъ охотникомъ,—но, увы, начало мое было самое горькое. Отъ Петербурга до Вильны я стрѣлялъ изъ одноствольнаго ружья (Мединтера), но стрѣлялъ безуспѣшно. Единственная выбитая изъ стаи кряква, и та не досталась въ мои руки: встрепенулась и улетѣла. Такая неудача не укротила однако моей страсти къ охотѣ: воротившись зимой въ Петербургъ, я купилъ нѣсколько ружей, въ числѣ которыхъ одно было отличное (извѣстнаго ружейника Грунтова).

Весной съ товарищемъ я ѣздилъ казнить невинныхъ птичекъ въ Новую Деревню и Колымаги. Я началъ шататься по Лахтинскимъ болотамъ и по взморью. Вначалѣ я ѣздилъ на утокъ, на своемъ яликѣ, по Невѣ, по взморью, но и тутъ, по незнанію дѣла, совершенно безуспѣшно. Потомъ я сталъ ходить съ егеремъ—мужикомъ, отличнымъ стрѣлкомъ; и тутъ только увидалъ я, какъ говорится, свѣтъ, и хотя рѣдко, но гаршнепы и бекасы начали попадать въ мой яхдташъ. Такъ прошло время до 1818 года. Стрѣлялъ же я все еще неудачно.

Сдѣлавшись ремонтеромъ, вопреки желанію и знанію дѣла, я былъ за это вознагражденъ возможностію охотиться до-сыта и на чудныхъ болотахъ. Купивъ лягавую собаку незадолго до отъѣзда изъ столицы, я имѣлъ средство серьезнѣе ознакомиться съ болотной охотой.

Купленая собака, по имени *Каронъ*, была совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ: отлично выдресирована, неутомима, съ отличнымъ чутьемъ и крѣпкой стойкой. Все это для молодаго охотника было чистымъ кладомъ,—и не прошло года, какъ я уже могъ называть себя стрѣлкомъ и бивалъ по 7 и 8 бекасовъ безъ промаха; но стрѣлялъ и стрѣляю почти на вскидку постоянно.

На охоту, въ теченіе круглаго года, мнѣ не нуж-

но было отъѣзжать далѣе 8 верстъ,—и я охотился страстно и безъ отдыха.

Наконецъ настали морозы. Долгоносыя покинули свои кормныя болота,—но страсть не покинула меня. Какъ сидѣть большую часть года въ деревнѣ и не охотиться? И вотъ судьба, вопреки желанію, породила во мнѣ другую наклонность. Псовая охота, при моей страсти къ ружью, была мнѣ противна, и къ тому же совершенно незнакома. Одинъ близкій сосѣдъ какъ-то насильно навязалъ мнѣ борзаго щенка, котораго и выкормилъ мой старый отцовскій псарь. Кличка этому щенку была *Пальванъ*. Окажись *Пальванъ* собакой пустой, я бы, можетъ быть, и не вписался въ ряды псовыхъ охотниковъ,—ну, а тутъ судьба рѣшила иначе,—за что я, впрочемъ, приношу ей искреннюю благодарность. *Пальванъ* вышелъ собакой одиночной, бѣгу ничему не было, въ чемъ я могъ не разъ удостовѣриться. Рѣзвость *Пальвана* уничтожила во мнѣ антипатію къ псовой охотѣ,—и къ веснѣ у меня уже было 16 гончихъ и нѣсколько своръ борзыхъ. Поѣздка по службѣ въ Полтаву позволила мнѣ заѣхать къ Л.... вичамъ. Тамъ я досталъ лихаго коня и псовыхъ собакъ породы кн. Щ....ва, славившейся не въ одномъ своемъ околодкѣ.

Родоначальниками моихъ борзыхъ были *Любезный*, бѣлый псовый кобель, и купленная щенкомъ сучка

Украса (псовая). Обѣ эти собаки весьма замѣчательны. Первый—красотой и прытостью, вторая—рѣзвостью. Пометъ отъ нихъ состоялъ изъ 10 красивѣйшихъ собакъ, какихъ только я когда-либо имѣлъ.

Новая страсть нисколько не изгнала во мнѣ первоначальной. Сначала весны стрѣльба, потомъ кратковременное полеваніе съ гончими и борзыми, а во время дневокъ—опять стрѣльба.

До 1 сентября псовая охота отдыхала, но когда я выѣзжалъ въ отъѣздъ, ружье и лягавые псы не были забыты.

Такъ продолжалось до 1852 года, когда я оставилъ псовую охоту по слѣдующимъ причинамъ: дальніе отъѣзды сдѣлались тягостны; стая гончихъ пришла въ упадокъ; борзыя тоже. Зайцовъ стало мало и я отказался отъ нихъ.... Но ружье осталось и останется вѣрнымъ спутникомъ стараго стрѣлка, покуда ему будутъ служить руки и ноги.

Теперь постараюсь припомнить и разсказать нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ, случившихся во время моей продолжительной охоты.

Когда я былъ еще ремонтеромъ, въ самый Покровъ, мнѣ случилось отправиться на заранѣе отысканный въ большомъ *отъемѣ* выводокъ волковъ. Это было мое первое звѣриное поле.

Островъ былъ окруженъ сворами борзыхъ съ надлежащей тишиной; гончихъ завели снизу; я сталъ въ головѣ *острова*, на короткомъ перелазѣ, изрѣзанномъ волчьими тропами. Гончихъ бросили безъ порсканья, вблизи волчьихъ норъ (слово „норы“ не соотвѣтствуетъ своему названію, но такъ принято на охотничьемъ языкѣ). Гонцы скоро отозвались, начали подваливать, и стая закипѣла. Погода стояла тихая, гоньба была слышна далеко.... Тогда-то мурашки пробѣжали у меня по тѣлу и сильно забилось молодое сердце. *Островъ* оканчивался длинной, узкой полосой *мелочей*, тянувшейся къ мѣсту, которое избралъ я. Гоньба близилась ко мнѣ; наконецъ улюлюканья стали слышны, и вдругъ, въ *мелочахъ*, открылся фрунтъ доѣзжачихъ, несущихся во всю прыть, съ поднятыми арапниками; сомнѣваться болѣе было невозможно—звѣрь катитъ. На сворѣ у моего стремяннаго были двѣ собаки—*Любезный* и красивѣйшая изъ всѣхъ сукъ—*Цыганка* (породы собакъ г. Кривцова). Не могу передать, что тогда происходило во мнѣ!... Вотъ крики все ближе и ближе; наконецъ послышалось: „Баринъ, береги, въ ноги“! И въ слѣдъ за этимъ, волкъ, сѣрый врагъ поселянъ, выкатилъ ко мнѣ съ поднятой дыбомъ шерстью. „Пускай!“ крикнулъ я стремянному. Въ одно мгновеніе *Цыганка* съ поперечу

хватила грудью жданаго гостя, полетѣвшаго кубаремъ; *Любезный* принялъ въ шиворотъ, —и ножъ очутился въ боку звѣря. Восхищеніе охотника, въ первый разъ затравившаго волка, не-къ-чему описывать: охотники поймутъ мой восторгъ.

Стаю сбили, завернули, и не прошло получаса, какъ другой экземпляръ былъ выставленъ на то же мѣсто и такимъ же образомъ второченъ. Рядомъ со мной, съ лѣвой стороны, стоялъ сосѣдъ, пристрастившій меня къ охотѣ (тотъ самый, что подарилъ мнѣ *Пальвана*). Это былъ добрый старикъ.... но въ какое доброе сердце не западетъ частичка зависти!... Онъ поздравлялъ меня, но послѣдствія доказали, что поздравленія эти не были искренними.

Въ тоже время другой волкъ былъ соструненъ изъ-подъ гончихъ, третій изъ-подъ борзыхъ (о чемъ донесли мнѣ доѣзжачіе). За тѣмъ стали опять по своимъ мѣстамъ, опять бросили стаю и опять у меня заколотилось сердце. Не долго ждали мы: вновь показались псари, послышалась гоньба, и гоньба по волку съ подлаемъ. Еще разъ высунулся противъ меня сѣрый; но тутъ сосѣдъ не выдержалъ, улюлюкнулъ и толкнулъ свою лошадь, хотя ни онъ, ни собаки не могли поспѣть къ звѣрю. Волкъ, изломя ногу, верть въ мелоча. Закипѣло мое молодое сердце и злость взяла меня на сосѣда. Я былъ на ли-

хомъ донскомъ конѣ, толконулъ донца, стремянный къ счастью спустилъ собакъ во-время, и я мигомъ показалъ бѣглеца своей сворѣ. Волка растянули, и я, съ приспѣвшимъ стремяннымъ, сострунилъ его сворой. Такъ кончилось поле, продолжавшееся не болѣе полутора часа. 5 волковъ, изъ которыхъ 3 живыхъ, лежали на дрогахъ; и хотя волки были прибылые, но ранніе и крупнѣе всѣхъ борзыхъ моей охоты. Волки эти, какъ видно, ходили уже на добычу, ибо мы только-что передъ этимъ нечаянно наѣхали на нихъ за нѣсколько верстъ отъ постояннаго ихъ жилища. Это обстоятельство заставило насъ отыскивать гнѣздо, что, къ моему счастью, и удалось. На другой день и шестой волкъ, который слѣзъ въ это поле, затравленъ былъ охотникомъ.... Но назавтра мнѣ должно было ѣхать сдавать ремонтъ: охотникъ пойметъ, какъ тяжело было для меня разстаться съ охотой послѣ такого славнаго поля! Скрѣпя сердце, сѣлъ я въ коляску и покатилъ по первобытной петербургской дорогѣ въ Питеръ; для сдачи сомнительнаго ремонта, купленнаго пріятелемъ.

Но описанная охота имѣла сильное вліяніе на мою будущность.

Трехъ-лѣтній покой и веселая охотничья жизнь охладили мое рвеніе къ военной службѣ въ мирное

время. Отвычка отъ фрунтовой службы, предчувствіе непріятностей и прижимокъ по ремонту, наконецъ разгарающаяся страсть къ охотѣ, все это вмѣстѣ навело меня на мысль объ отставкѣ, и эта мысль въ шестидневное путешествіе укоренилась во мнѣ еще сильнѣе; къ тому же я былъ оторванъ отъ осенней ѣзды—лучшаго охотничьяго времени.

Полковой командиръ своими слишкомъ тонкими разсчетами окончательно рѣшилъ мое раздумье.

Послѣ многихъ переговоровъ мнѣ пришлось заплатить за 9 забракованныхъ лошадей 13000 руб. ассиг., получивъ на ремонтъ всего 2700 р. Но о деньгахъ я не жалѣлъ: свобода дороже ихъ.... И такъ, въ концѣ 1820 года, въ декабрѣ, я вернулся домой. Зима тогда была снѣжная. Выѣхавъ изъ Питера, я съ радостнымъ сердцемъ возвратился въ свой скромный домикъ, лишенный комфорта.... но здоровье и молодость—лучшій комфортъ. Разумѣется, что на другое же утро, при 25° мороза, при страшныхъ субояхъ, я все-таки выѣхалъ на охоту, не чувствуя холода, и протравливалъ русаковъ. Въ цѣлый день мнѣ удалось съ большимъ трудомъ затравить одного изъ нихъ,—и я былъ счастливъ. Впрочемъ, не одинъ заяцъ былъ жертвой этого поля: отпущенный для закуски жирный гусь весь отправился въ мой, молодецкой тогда, желудокъ.

Въ апрѣлѣ 1821 года я получилъ отставку. Счастье, какъ говорится, не приходитъ одно: такъ случилось и теперь. Вслѣдъ за отставкой, мнѣ прислали двухствольное ружье (работы Быкова — ученика Грунтова). Иные читатели, пожалуй, скажутъ: что же за счастье въ ружьѣ? Да, кто не стрѣлокъ, съ тѣмъ я согласенъ, согласенъ даже и съ охотникомъ, который не видалъ боя этого ружья; но кто знаетъ, что можно было дѣлать съ этимъ ружьемъ, даже не въ искусныхъ рукахъ, тотъ поймете меня. Я и теперь храню его, — хотя давно уже оно негодно къ употребленію и составляетъ только одно изъ пріятныхъ воспоминаній моей прежней стрѣльбы.

Вѣрная служба *Карона* продлилась не долго.

Въ 21 году мнѣ удалось по сосѣдству и по наслышкѣ купить, за 150 р. ассиг., другую собаку— *Фельдмана*. По моей горячности на охотѣ, не остывшей и до сихъ поръ, *Фельдманъ* для меня былъ лучшей собакой: не дурной наружности, сухой, съ умными глазами, оправдывавшими въ полѣ его понятливость,—*Фельдманъ* вполнѣ понималъ мои приказанія и, не колеблясь, выполнялъ ихъ. При мнѣ онъ ходилъ подъ ружьемъ и съ другимъ стрѣлкомъ. Ему были извѣстны всѣ мои жесты. Иногда мнѣ случалось, какъ и всякому грѣшному, дать промаха три, четыре и даже болѣе,—и этой неудачи доста-

точно было для того, чтобы *Фельдманъ*, вперивъ въ меня глаза свои, застоналъ, какъ будто понимая, каково у меня на сердцѣ.

Охотившись съ 1821 года постоянно въ большой компаніи случалось иногда, что нѣсколько собакъ погонятъ за пропуделянной птицей; тогда *Фельдманъ* оборачивался ко мнѣ, вилялъ хвостомъ, какъ будто насмѣхаясь надъ невѣжливыми собаками, а можетъ быть и надъ плохими стрѣлками. Я жестами управлялъ *Фельдманомъ*: куда показывалъ, туда онъ и шелъ пріискивать. Такъ же не разъ случалось мнѣ отзывать его со стойки по зрячей птицѣ однимъ движеніемъ руки.... Что съ нимъ дѣлывалъ одинъ проживавшій у меня товарищъ по охотѣ—долго было бы разсказывать. Онъ пѣлъ съ нимъ дискантомъ и басомъ—какъ вздумается; клалъ ему на носъ кусочикъ хлѣба и разсказывалъ анекдоты, а незабвенный *Фельдманъ*, какъ бы внимательно слушая его, не пропускалъ минуты, когда ему приказывали схватить хлѣбъ—и никогда не сбивался.

Къ несчастью отъ *Фельдмана* я не пріобрѣлъ породы. Отъ *Карона* она также скоро перевелась.

Были у меня собаки замѣчательныя, той же клички, въ числѣ ихъ и *Шляхтичъ*; послѣдній былъ неуклюжъ и имѣлъ непостижимую способность самъ

добывать себѣ кормъ; подобной стойки и чутья, какія были у *Шляхтича*, я рѣдко видалъ; онъ неразъ съ убитымъ дупелемъ останавливался по другому; искъ былъ у него однако, плохъ и стойка некрасивая, потянулъ по птицѣ, часто даже въ галопъ, далеко и вѣрно, ошибки никогда не было. Его у меня уходили—кто? не добился, и притомъ въ самую нужную пору—передъ Петровымъ днемъ... Чтобы не заслужить упрека въ пристрастіи къ стрѣльбѣ отъ псовыхъ охотниковъ, возвратимся къ ихъ охотѣ; о двухъ же послѣднихъ собакахъ я скажу въ послѣдствіи еще нѣсколько словъ.

Родоначальницей моихъ красивыхъ и рѣзвыхъ борзыхъ была *Украса*; шерсть ея уже извѣстна. Куплена она была 5-ти мѣсячнымъ щенкомъ за 50 р. ассиг., и не смотря на сильнѣйшую чуму и безмѣрный пріемъ turpet. mineral. (вычитанное средство отъ этой болѣзни, составляющей несчастіе истинныхъ охотниковъ), *Украса* осталась жива и здорова и погодовала въ осень описанной волчьей охоты. *Украса* ходила на сворѣ у одного изъ моихъ стремянныхъ, и въ первое время не догоняла зайца,— но я не унывалъ и дожидался. Первый ея подвигъ былъ по возвращеніи моемъ на покой послѣ кратковременной службы.

За страшными морозами наступила оттепель и дож-

ди; снѣгъ почти совсѣмъ согнало; только кой гдѣ въ лощинкахъ бѣлѣлись еще клочки прежнихъ напосовъ. Я выѣхалъ на порошу на луга и въ рѣдкій лѣсъ, гдѣ еще была возможность съѣзжать.

Въ верстѣ отъ села, на бугрѣ, доѣзжачій откуналъ матераго русака; дожидаться себя я не заставилъ; но не скоро могъ разсмотрѣть зайца: онъ былъ цвѣлой и сливался съ клоками уцѣлѣвшаго снѣга, наконецъ я возрился, подъѣхалъ къ русаку, а собакъ велѣлъ взять на свору. Поле было чистое, зелень подсклизла, зайцу бѣжать хорошо. Хотѣлось попробовать собакъ. *Украса* была въ числѣ ихъ.... Хлопъ!—не бѣжитъ, въ другой разъ—жмется косой. Въ третій разъ—я уронилъ арапникъ; Цыганокъ (такъ назывался доѣзжачій) слѣзъ съ лошади и подалъ его мнѣ; а русакъ все лежитъ, пожимается. Вышелъ я изъ терпѣнья, стеганулъ по немъ. Покатилъ молодецъ. Собакъ спустили; все бросилось; но я только и видѣлъ, какъ одинъ изъ моихъ охотниковъ, не справивъ лошадью, наскакалъ на меня съ попереку, и вашъ покорный слуга полетѣлъ съ коня кубаремъ. Одному только удивляюсь, какъ всѣ охотники не ускакали и не бросили меня; не помню кто-то сталъ подымать меня, что было бы совершенно излишне, еслибъ я только не вывихнулъ ногу. Подбыли еще охотники послѣ затравленія русака;

полчились, разумѣется, вопросы: „что у васъ, батюшка?“ Кто спрашивалъ изъ усердія, кто изъ подчиненности; а я только кричалъ: „что *Украса*?“ Единогласный отвѣтъ былъ: „завладѣла одна русакомъ, версту цѣлую жить не дала, по косогорамъ, кочкамъ—такъ и покатилась съ нимъ черезъ голову“. Это былъ ея первый подвигъ.... Спрошу у васъ: страстный ли я былъ охотникъ, если вмѣсто того, чтобъ воротиться домой, я проѣздилъ все поле верхомъ, еще разъ упалъ, и когда привезли меня, то ужъ сапогъ нужно было разрѣзать — такъ опухла нога? Къ счастью на другой день заковало, а то не знаю улежалъ ли бы я дома.

Съ этихъ поръ *Украса* служила 7 осеней и только два раза, за ушибомъ ноги, не ходила въ поле. Къ числу ея особенностей принадлежало между прочимъ то, что она никогда не вмѣшивалась въ кучу собакъ, откуда бы ни приспѣла; а приспѣвала она всегда, если подержится русакъ: околеситъ, бывало, толпу и черезъ голову съ нимъ. Не понимаю, какъ она не убивалась, когтей не рвала, пятокъ не подрывала. Рыскъ у ней былъ всегда передній; вѣжливость примѣрная; но лисицъ не брала, даже неохотно догоняла ихъ. Былъ у меня хорошій пріятель, зачнетъ бывало травить и какъ скоро завидитъ спѣющую къ нему *Украсу*, начинаетъ браниться. Брань

эту заслужила *Украса* тѣмъ, что вырветъ бывало непремѣнно русака.

Отъ *Украсы* и *Любезнаго*, я имѣлъ много красивыхъ и рѣзвыхъ собакъ.

Любезнаго я пріобрѣлъ слѣдующимъ образомъ. Бывъ въ гостяхъ у Л.....чей, я поѣхалъ съ ними къ сосѣду ихъ, кн. Щ.....ову. Князь былъ страстный охотникъ и радушный хозяинъ; онъ подарилъ мнѣ брата *Любезнаго* половопѣгаго кобеля, съ переломленной ногой; *Любезнаго* же отдать не соглашался, не смотря на всѣ просьбы наши; онъ ему былъ нуженъ для породы. Но князь былъ охотникъ до разныхъ бездѣлушекъ, а у меня въ то время была на часахъ сердоликовая печать, съ изображеніемъ медали 12 года. Князь возрился на нее и, вечеромъ, черезъ одного изъ Л.....чей, сдѣлалъ мнѣ предложеніе промѣнять печать на *Любезнаго*. Разумѣется, что я тотъ часъ же отцѣпилъ свою медаль и послалъ ее къ старику, который очень утѣшился, и носилъ ее на груди вмѣстѣ съ лентой Св. Владиміра до самой смерти своей и даже былъ похороненъ вмѣстѣ съ нею.

Покойникъ былъ любезный человѣкъ; *Любезный* тоже былъ хорошъ.

Еще слово въ похвалу *Фельдману* и *Шляхтину* Несмотря на мой горячій характеръ, я могъ хладнокровно стрѣлять изъ подъ обѣихъ собакъ вмѣстѣ.

Охотясь однажды на обширномъ болотѣ, я далъ *Шляхтичу* волю рыскать гдѣ хочетъ—такъ былъ я увѣренъ въ его стойкѣ (нужно замѣтить, что птица никогда не уходила, когда *Шляхтичъ* стоялъ: онъ своимъ взглядомъ, какъ бы приковывалъ ее на мѣстѣ). Въ этотъ разъ *Шляхтичъ* убѣжалъ впередъ сажень за 200. Болото было открытое; я шелъ съ *Фельдманомъ* неторопясь; вдругъ слышу голосъ кучера: „собака стоитъ!“ Пошелъ я; убиваю по дорогѣ дупеля, другаго, вылетаетъ третій, перемѣщается, и также отправился въ яхдташъ. А *Шляхтичъ* стоитъ; наконецъ подошелъ я къ терпѣливому животному и вижу, что на молодой отавѣ два дупеля не лежатъ, а стоятъ, и песъ мой только что поводитъ глазами отъ одного къ другому, а они какъ будто окаменѣли. Долго я любовался этой картиной; а *Шляхтичъ* все стоялъ и не трогался съ мѣста. Налюбовавшись, двинулся я между двухъ крылатыхъ жертвъ—и удивляюсь, какъ еще убилъ обѣихъ.

Еще разъ эти же собаки, въ виду товарищей, стали одновременно по разнымъ птицамъ. „Авансъ!“ Дупель и бекасъ полетѣли. Опять (дубль-ку)—и каждая собака подала свою добычу. Много доставляли мнѣ удовольствія *Шляхтичъ* и *Фельдманъ!*

Обращаюсь опять къ псовой охотѣ.

Въ одно время съ *Украсой* была у меня еще на-

хальная сученка *Миловидка*, по прозванію крючокъ (отъ правила). Сука эта была тоже подаркомъ сосѣда, который былъ страстный охотникъ, веселый товарищъ и сущій профессоръ псовой охоты. Объ охотничьемъ дѣлѣ онъ говорилъ особеннымъ языкомъ, по своему краснорѣчиво, и не пропускалъ ни одного уклоненія отъ правилъ. Сосѣдъ охотился лѣтъ 70, игралъ въ карты и былъ большой и счастливый, какъ говорилъ, волокита. Соскучиться съ нимъ было нельзя; но по охотѣ надувалъ и жилилъ страшно, гдѣ бы и чѣмъ бы ни пришлось. Дарилъ щенковъ и собакъ,—первыхъ отъ дуръ или ублюдковъ, вторыхъ—чистыхъ дуръ. За то любилъ продавать собакъ, особенно за хорошую цѣну. Сосѣдъ этотъ не могъ отказать мнѣ, по нѣкоторымъ отношеніямъ, въ щенкѣ, отъ ожидаемаго въ то время у него помета. Что же онъ сдѣлалъ? На другой день, какъ ощенилась сука (это было зимой), прислалъ онъ ко мнѣ щенка въ лукошкѣ, надѣясь, что щенокъ погибнетъ,—но ошибся, скиляжникъ! Сучку выкормили рожкомъ, она погодовала, и не разъ сосѣду приходилось плакать и рвать на себѣ волосы отъ своего же подарка. Сучка вышла самая рѣзвая изъ всего помета; служила осеней 7; не знала, что такое колоть, но, тоже не брала лисицъ. Разъ, правда, удалось ей, вмѣстѣ съ *Украсой*, поймать лисицу на воздухѣ.

Наткнулась *кума* на ихъ, хотѣла перепрыгнуть; онѣ подхватили лисицу,—но все таки, не подоспѣй злобный кобель, который ее заловилъ, полагаю, что лисица ушла бы. Мать этой сучки (породы Н..... изъ Твери) я тоже купилъ у сосѣда. Долго онъ не рѣшался ее продать, но все таки продалъ подъ пьяную руку. Съ *Миловидой* я купилъ у него еще 15 гончихъ, большей частью молодыхъ, красивыхъ и добрыхъ собакъ, за 750 р. ассиг. Купленая сука была статная и рѣзвая, и всѣ три собаки были комнатныя. Отъ вновь купленой суки и *Любезнаго* выродился у меня только бѣлый кобель, *Любезный* 2-й, но о немъ скажу послѣ. Упомяну здѣсь еще о *Покрывалъ*-выжлецѣ. Это была огромная, краснобагряная, бѣлоголовая собака, и имѣла одинъ изъ самыхъ толстыхъ бошуровъ, какой я когда либо слыхалъ. *Покрывай* былъ звѣрогонъ и изъ подъ него не разъ струнили волковъ. Однажды задавилъ онъ матерую рысь, какъ кошку; отъ медвѣдя, котораго я убилъ, и о которомъ рѣчь будетъ впереди, насилу его оторвали. Говоря о гонцахъ, я долженъ упомянуть также о выжловкѣ—*Доборкѣ:* съ нею я началъ охотиться (она тоже подарокъ сосѣда и родственника). Едвали была на свѣтѣ собака *вырне* ея? упалаго у ней не было, и она же всегда правила стаей; разъ даже ощенилась на гоньбѣ. Чудная была выжловка!

Въ 1822 году я имѣлъ уже стаю изъ 60 собакъ, и охота во всѣхъ отношеніяхъ была барская: костюмы, доѣзжачіе, донскія лошади, два аккорда подстроенныхъ роговъ, въ которые звали удовлетворительно. Страсть кипѣла отъ барина до послѣдняго выжлятника. Ѣзда была благородная, опушниковъ я не терпѣлъ, взлишней скачки тоже,—что не совсѣмъ нравилось волонтерамъ ,—за то былъ порядокъ, и въ товарищахъ, на дальніе отъѣзды, недостатку не имѣлось. Мѣста были чудныя, зайцевъ гибель, слѣдовательно, гоньбы и травли много. Послѣ сытнаго обѣда начинались споры, разсказы и карты. Первый товарищъ мой, скиляжникъ, умѣлъ всегда поджечь, и кто ему попадался на зубокъ, цѣлъ не выходилъ,— особливо когда онъ возвращался не съ пустыми тороками. Счастливое то было время!

Чтобы не подумали, что я измѣнилъ ружью, отдохнемъ отъ псовой охоты. Я разскажу вамъ случай изъ охоты ружейной.

Однажды чей-то человѣкъ принесъ ко мнѣ продавать ястреба, изъ породы балобановъ. Какъ не пойти и не попробовать! Жнива же были недалеко, а ястребъ, по словамъ продавца, все ловитъ. Отправились втроемъ, взяли ружья и *Фельдмана*, съ тѣмъ, чтобы пройдти въ близь-лежащія мелоча. Тогда я еще носилъ ружье на погонѣ. Перепеловъ было до-

вольно и собака скоро остановилась. „Авансъ!“ Вавака полетѣлъ, но ястребъ и не поглядѣлъ на него. Хозяинъ однако не сконфузился и просилъ сыскать другаго перепела. Фельдманъ выставилъ и другаго, — но тоже невниманіе со стороны ястреба. Наконецъ, отыскали еще, но хищная птица и не смотритъ, а хозяинъ все проситъ еще попробовать. Я согласился, но въ послѣдній разъ. Ружья сначала мы носили въ рукахъ, но уставши повѣсили ихъ за спины. Отправились къ послѣднему перелетѣвшему перепелу съ тѣмъ, чтобы, послѣ этой пробы, прогнать продавца ястреба. Потянулъ *Фельдманъ*, сталъ, ястреба подняли. „Авансъ!“ Собака ни съ мѣста. Повторяю приказаніе: дрожитъ, но не трогается. Надоѣло мнѣ, я ее толкнулъ, и вообразите наше удивленіе: изъ рѣдкаго притоптаннаго жнива, среди трехъ стрѣлковъ, изъ подъ *Фельдмана* вылетѣла дрофа. Мы не опомнились сначала и не знали, что это за чудо; да и немудрено: ждемъ перепела, а вдругъ такая махина изъ подъ ногъ! Разумѣется, покуда мы сняли ружья, взвели курки, выстрѣлили, дрофа была уже внѣ выстрѣла. Долго не выходила она у меня изъ памяти, даже во снѣ часто грезилась. Это пойметъ страстный охотникъ. Ружейный погонъ былъ сорванъ, и 30 слишкомъ уже лѣтъ, какъ у меня на ружьяхъ не къ чему его и прицѣпить.

Разумѣется, продавца ястреба прогнали, а сами съ носами вернулись домой,—и долго, долго не было другаго разговора, какъ о дрофѣ. Три раза въ жизни мнѣ приходилось стрѣлять по этимъ птицамъ и всегда неудачно. Разъ наѣхали на дорогѣ на матку съ семействомъ, но сидѣвшій подлѣ меня чужой егерь помѣшалъ выстрѣлить, самъ же онъ не взвелъ курковъ. Молодыя дрофы ушли въ рожь, мы же, уславъ экипажъ, засѣли во ржи. Дрофа, спустя немного, пролетѣла очень низко; я выстрѣлилъ изъ двухъ стволовъ, но оба заряда были слабы (вѣроятно, отошла картечь, потому что ружье, всегда отдававшее, на этотъ разъ даже нисколько не толкнуло). Разумѣется, дрофа улетѣла. Третій разъ, въ сентябрѣ, возвращался я съ дальняго визита; ружье, бывшее со мной, заряжено было крупнымъ бекасинникомъ; картечь была въ запасѣ, потому что, подъѣзжая къ дому, на моемъ полѣ было пристанище большому стаду дрофъ. Не успѣлъ я въѣхать въ свое владѣніе, какъ кучеръ остановилъ лошадей и показалъ на дрофъ, сидѣвшихъ около межника, по которому мы ѣхали. Выскочить изъ тарантаса было недолго, ружье изъ чехла вынуть тоже, но вспомнить о картечахъ, какъ видно, не было суждено. Вѣтеръ былъ настоящая буря, и притомъ на насъ. Я приказалъ ѣхать шагомъ, а самъ шолъ сзади со

взведенными курками и съ бьющимся сердцемъ. Подъѣхали мы наконецъ къ дрофамъ шаговъ на 40, но убить все таки было трудно—развѣ въ голову. Пафъ! Дрофы ни съ мѣста. Я бросился къ нимъ—тогда онѣ только что побѣжали. Я выстрѣлилъ въ другой разъ—и дрофы улетѣли. Видно, не суждено мнѣ убить дрофу! До Вакселя мы не знали, какъ вкусна эта громадная птица. Онъ научилъ повара ее вымачивать и подавать какъ божанину съ густымъ, сладко-кисловатымъ, краснымъ соусомъ. Кусокъ дрофы, такъ приготовленной,—мое почтенье!

Разсказы о загонѣ ихъ въ гололедицу на дворы—подтвердились. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дальніе сосѣды, которымъ мужикъ привезъ только-что убитую палкой дрофу, сѣли на лошадей, безъ ружей, и привезли 7 штукъ. Къ счастью, что такихъ молодцовъ мало было, а то истребили бы всѣхъ. Подобной гололедицы, впрочемъ, никто и не запомнитъ. Перестаю говорить о дрофахъ, но не перестану ихъ ѣсть à la Ваксель.

Перехожу опять къ борзымъ.

Лучшія суки отъ *Любезнаго* и *Украсы* были бѣлыя: *Голубка, Завидка, Отмѣнка, Любка, Каспица и Милка.* Въ этихъ собакахъ были соединены красота и рѣзвость. Бывало, при съѣздахъ, выводка собакъ была первой просьбой гостей. Выводились

своръ 10, одна другой лучше, и любовались ими всѣ безъ исключенія, даже и не охотники. Одинъ старый сосѣдъ отъ зависти ногти грызъ и отыскивалъ къ чему бы придраться, да не находилъ, надъ чѣмъ бы можно было излить свою желчь. Сколько разъ онъ пробовалъ сажать своихъ собакъ съ моими,— и всегда мои обрывали. Разъ онъ держалъ пари въ 50 р. ассиг. (для скряги это былъ отчаянный поступокъ), но, какъ и всегда, проигралъ и, не смотря на страшную мятель, уѣхалъ домой. Но не одинъ онъ испивалъ эту горькую чашу....

Разъ въ жаркомъ разговорѣ объ охотѣ, я сказалъ, что съ удовольствіемъ дамъ 500 р. ассиг. за собаку, которая оскачетъ трехъ моихъ сукъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ глубокую зиму, одинъ бывшій мой сосѣдъ, но переѣхавшій уже въ другую губернію, является ко мнѣ. Я обрадовался гостю; человѣкъ онъ былъ неглупый и къ тому же охотникъ. Отогрѣвъ его чаемъ, я развязалъ сосѣду языкъ и узналъ причину его пріѣзда: онъ не забылъ сказаннаго мною и напомнилъ мнѣ слова, произнесенныя въ жару. Мнѣ оставалось одно: подтвердить ихъ, тѣмъ болѣе, что онъ за 200 верстъ нарочно пріѣхалъ сажать собаку. Къ досадѣ моей, въ то время всѣ мои три суки пустовали и, слѣдовательно, съ кобелемъ сажать ихъ было нельзя. Кромѣ этого,

былъ сильный черепъ,—собака проваливалась, а русакъ бѣжалъ какъ подмѣтенный. Сосѣдъ началъ говорить кой кому, что онъ на тройкѣ привезъ собаку, бывъ увѣренъ въ моихъ словахъ,—что онъ небогатый человѣкъ и проч. и проч. Разговоры эти дошли до меня. Я предложилъ посадить его собаку съ сукой изъ охотничей своры. Собака это (сестра *Украсы*) была не красива и не изъ самыхъ рѣзвыхъ. Тульскій помѣщикъ сначала было обидѣлся за мое предложеніе, но потомъ принялъ его. Вся компанія отправилась на выгонъ, куда повели и собакъ. Сосѣдъ привезъ сѣраго, рослаго, широко скованнаго, прямостепаго кобеля. Скипяжникъ, пріятель туляка, былъ назначенъ судьею. Когда пріѣзжій спросилъ судью, каковъ его кобель, то судья отвѣчалъ: „охъ, братъ, широкъ, хоть въ бостонъ на немъ играй (преферансъ и эралашъ тогда еще не были извѣстны)„. Владѣлецъ привезенной собаки замѣтилъ, что кобель безъ его охотника не поскачетъ. Рѣшили, что его стремянному показывать русака. Мой же Астафъ, которому принадлежала сука, стоялъ поодаль, сидя на конѣ. Должно еще замѣтить, что собака моя никогда прежде не бывала на садкахъ. При командѣ: „пускай!“ кобель заловилъ русака, сука же бросилась назадъ и ужь только на атуканье звонкаго голоса Астафа заметалась къ со-

перинку. Русакъ попался молодецкой, на выгонѣ догнать себя не далъ, перепрыгнулъ черезъ канаву и покатилъ жнивами. Въ то время *Красотка* (такъ звалась моя собака) поровнялась съ иногородным соперникомъ. Кобель началъ обрываться, сука тоже, но была уже впереди его. Наконецъ бостонный кобель сталъ, а *Красотка*, русакъ и Астафъ скрылись изъ виду. Мы поворотили оглобли и отправились домой. По пріѣздѣ, разумѣется, начались толки о достоинствѣ собакъ. Что сука рѣзвѣе—сомнѣнія не было. Прометавшись сначала, она приспѣла и даже выѣхала вонъ изъ-за кобеля и, покуда можно было сказать—догоняла русака. Обрывались же обѣ собаки. Тулякъ сталъ утверждать, что его собака тяжела,—чему я и не противорѣчилъ; а чтобы успокоить бывшаго сосѣда, предложилъ ему, на другой день, еще посадить собакъ на удобнѣйшемъ мѣстѣ. Онъ согласился, но все-таки не переставалъ оправдывать своего кобеля черепомъ и говорилъ, что невозможнаго отъ собаки требовать нельзя. Скиляжникъ трунилъ надъ другомъ во время этихъ разговоровъ.... Вдругъ *Красотка* вскочила въ комнату, и вслѣдъ за ней вошелъ Астафъ съ русакомъ. „Какъ? что?“ полетѣло со всѣхъ сторонъ отъ охотниковъ. „Да за двѣ версты отъ мѣста садки, по горамъ и лугамъ, осилила половая косаго, вздернула-съ.“

Тутъ скиляжникъ вскрикнулъ, забывъ, что собака моя, и что онъ за нее уже заплатилъ разъ 50 р.: „Каковы, братъ, у насъ собачки!“ Отвѣту не было; другой садки тоже. Въ ночь, даже не простясь, тульскій баринъ уѣхалъ во свояси.

Стая моя доходила всегда до 60 собакъ, славно гнавшихъ. Кто со мной ѣзжалъ, тотъ помнитъ какъ это, такъ и лихую ѣзду моихъ доѣзжачихъ.

Отъѣзды мои бывали далѣе ста верстъ, даже въ пограничныя губерніи. Общество было всегда многолюдное и веселое. Число лошадей всякаго рода, своихъ и гостинныхъ, равнялось почти числу эскадрона. Квартирьеры заготавливали впередъ квартиры для успокоенія охотившихся. Все шло какъ по маслу и съ возможнымъ комфортомъ. Отъѣзды продолжались по мѣсяцу; ѣзда прерывалась только морозами, къ досадѣ охотниковъ.

Самая добычливая осень была въ 1822 году. Жертвами нашей страсти пали 2 медвѣдя, 1 рысь, 6 волковъ, 42 лисицы, 5 барсуковъ и слишкомъ 900 зайцевъ. Изъ медвѣдей одного убилъ я, изъподъ стаи; но этотъ эпизодъ уже описанъ въ извѣстномъ журналѣ (*). Другаго медвѣдя загоняли

(*) Подробности этой достопамятной охоты помѣщены въ концѣ книги.

гончія, а убилъ его мой егерь, въ упоръ, сидящаго. Медвѣдь навѣрно былъ бы зарѣзанъ охотниками, которые въ досадѣ на егеря чуть не приололи его. Не могу забыть при этомъ одного смѣшнаго происшествія, бывшаго съ однимъ изъ моихъ добрыхъ товарищей. Когда бросили гончихъ въ отъемъ не очень большой, думая потѣшиться зайцами (лисицы тогда были рѣдкостью; нынѣче все измѣнилось: зайцевъ стало мало, а лисицъ много), вдругъ услышали мы тревогу на медвѣдя. Все, разумѣется, взволновалось: каждый ожидалъ — вотъ вывалитъ *миша*.... Надежда была на однихъ гончихъ и доѣзжачихъ: съ ними медвѣдю и раздѣлываться. Но гоньба длится, а *миши* нѣтъ. Наконецъ доѣзжачій прискакалъ доложить, что медвѣдь нейдетъ изъ острова. Къ несчастью, на этотъ разъ бѣляковъ встрѣтилось много, и они мѣшали гончимъ. Я велѣлъ охотникамъ примкнуть къ доѣзжачимъ, сбивать гончихъ, если сколются, и подваливать ихъ къ *Покрываю* и *Загоняю*, о которыхъ говорилъ выше. На полѣ остались одни господа, кромѣ горяченькихъ, которые не боялись потерять своихъ тупицъ. Я наслаждался гоньбой и, между тѣмъ, торочилъ зайцевъ. Вдругъ ко мнѣ скачетъ вышеназванный пріятель и кричитъ: „Медвѣдь слѣзъ! Вы поймете мое положеніе въ эту минуту. Я при-

нялся подавать голосъ, и, наконецъ, выскакалъ старикъ доѣзжачій. „Медвѣдь, кричу, слѣзъ, сбивай гончихъ!“ „Помилуйте, батюшка! сей часъ подъ лошадью у меня былъ, гончія славно держутъ по немъ.“ И съ этимъ словомъ старикъ ускакалъ отъ меня. Спорить съ нимъ было нечего, да и невозможно: конь унесъ его въ островъ. Долго еще продолжалась гоньба и улюлюканье; не одинъ косой попалъ мнѣ въ торока. Перелазъ былъ большой, а своръ мало; собаки надежныя: близко ли, далеко ли — ничему уходу не было, тѣмъ болѣе, что все почти попадались бѣляки. Всему этому положили конецъ два выстрѣла и зовъ гончихъ. Тогда и я въѣхалъ въ островъ полюбоваться рѣдкой добычей. Медвѣдь, окруженный охотниками и псами, лежалъ пораженный пулями Григорія. Лѣсъ оживленъ былъ общимъ громкимъ и восторженнымъ говоромъ. Тутъ я, обрадованный такой успѣшной охотой, спросилъ товарища: почему ему показалось, что медвѣдь слѣзъ? Отвѣтъ былъ: „А чортъ его знаетъ, я не разглядѣлъ, медвѣдь ли это, волкъ ли, или собака, но что-то слѣзло.“ Вышло на повѣрку, что отбившаяся гончая свела зайца.

Медвѣдь былъ пестунъ, т. е. по другому году, а, можетъ, и по 3-му. Признаюсь, памятенъ мнѣ этотъ день, какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ въ

жизни. Это понятно страстнымъ охотникамъ. Шкура этого медвѣдя долго служила мнѣ чепракомъ и чуть-ли не существуетъ еще и теперь.... Увы! она пережила мою страсть, которая, я думалъ, кончится только съ моей жизнію.

Въ уѣздѣ у насъ большихъ охотъ было двѣ, а малыхъ множество. Я уѣзжалъ въ дальнія мѣста, не желая мѣшать соотчичамъ, не имѣвшимъ средствъ и возможности оставлять хозяйство. Случалось мнѣ съѣзжаться съ двумя вышеупомянутыми большими охотами. Одна изъ нихъ, при началѣ моей ѣзды, была въ жалкомъ положеніи относительно стаи. Владѣлецъ ея, случайно со мной познакомившійся, предложилъ мнѣ соединить наши стаи и охотиться въ его мѣстахъ, съ обѣщаніемъ потѣшить меня. Но тутъ былъ разсчетъ: мои 16 собакъ гоняли хорошо, а его 12 были дуры. Слѣдовательно, вся выгода была на его сторонѣ; а обѣщаніе доставить мнѣ удовольствіе, какъ увидите, исполнено не было.

Бывъ охотникомъ молодымъ, неспособнымъ ко всѣмъ продѣлкамъ старыхъ шкурятниковъ, я съѣхался съ пригласившимъ меня—вблизи моего села. Охотникамъ моимъ приказано было отнюдь не мѣшать никому и не спорить даже за звѣря. Характеръ новаго моего знакомаго и сотоварища по охо-

тѣ скоро обозначился. Въ первое поле охотникъ мой затравилъ лисицу, а охотникъ сосѣда отбилъ ее и отдалъ своему барину, хотя его собакъ тутъ и не было. Сосѣдъ изъ-далека видѣлъ, что поймалъ сѣрый кобель, и это была правда, но сѣрый кобель принадлежалъ моему охотнику и, несмотря на подтвержденіе собственнаго ловчаго, онъ рѣшилъ, что лисица все-таки его. Приказъ не спорить, особливо съ бариномъ, прекратилъ дѣло, и лисица была зажилена. Я ни слова не намекнулъ новому пріятелю о несправедливости, и вечеръ прошелъ въ ладу. Пошли въ его резиденцію, изобилующую отъемами; онъ приставилъ ко мнѣ человѣка, знающаго лазы, чтобы меня потѣшить и угостить какъ слѣдуетъ. И точно, меня ставили на лазахъ и зайцы просились въ мою сторону, но чужіе доѣзжачіе отхлопывали ихъ къ своему барину,—въ противную отъ меня сторону. Я цѣлый день не травилъ; вечеромъ я намекнулъ о ѣздѣ его доѣзжачихъ. Любезный хозяинъ не хотѣлъ этому вѣрить и опровергалъ мои слова. Изъ вѣжливости къ хозяйкѣ, и полагая, что это случилось нечаянно, я замолчалъ. Когда мы были въ постеляхъ съ однимъ тоже сосѣдомъ и сослуживцемъ, онъ мнѣ подтвердилъ замѣченную мною продѣлку доѣзжачихъ. На другой день маневръ былъ тотъ же. Примѣръ этотъ подѣйствовалъ и на моего

сослуживца; началъ онъ травить лисицу съ общимъ сосѣдомъ старичкомъ, страстнымъ охотникомъ. Лисицу поймали двѣ собаки, въ виду у меня; обѣ онѣ были чернопѣгія. Сотоварищъ мой второчилъ лисицу и когда старикъ съ пѣной у рта прискакалъ, клянясь, что поймала его *Цыганка*, что было и въ самомъ дѣлѣ, соперникъ его препокойно доторочивалъ звѣря, утверждая прехладнокровно противное. Наконецъ старикъ предложилъ ему, чтобы я, какъ свидѣтель травли и поимки, рѣшилъ дѣло. Тотъ сейчасъ согласился, вѣроятно думая, что я поддержу сослуживца; но я отвѣчалъ по справедливости, что лисицу поймала *Цыганка*. Старикъ задушилъ было меня въ своихъ объятіяхъ и уже лѣзъ къ чужимъ торокамъ за кумушкой: но хладнокровный мой сослуживецъ остановилъ его и сказалъ:—„я подчиняюсь рѣшенію, но лисицы все таки не отдамъ.“ Бѣдный старикъ со слезами на глазахъ уѣхалъ и до самой смерти не могъ забыть эту обиду. Наконецъ, соскучившись тѣшить безсовѣстнаго моего новаго знакомаго, я предложилъ податься къ моему жилью, съ твердымъ намѣреніемъ, если еще будутъ отъ меня отбивать звѣря, разъѣхаться. Не нужно было долго дожидаться этого. Перваго русака стая повела прямо ко мнѣ въ ноги, но вражескій доѣзжачій заскакалъ и выставилъ его къ своему барину.

Тутъ ужь я не выдержалъ, толкнулъ лошадь и, прискакавъ къ ихъ барину, повторилъ свое неудовольствіе на подлую ѣзду его охотниковъ. Отвѣтъ былъ тотъ же:—„Какъ это можетъ быть!“ Что тутъ было говорить; я рѣшился разъѣхаться, но прежде мнѣ хотѣлось отомстить. Молодцамъ моимъ, которые давно уже кипѣли злобой, не нужно было повторять приказаніе. Подъѣхавъ къ отъему, гдѣ всегда, по словамъ сосѣда, бывали лисицы, я сталъ къ большой дорогѣ, а онъ къ другой сторонѣ — къ крѣпкому острову, на самомъ лазу. Гончихъ напустили, онѣ натекли скоро, и голосъ по красному звѣрю былъ поданъ. Доѣзжачіе мои построились на косорогѣ, противъ общаго врага, и арапники дружно захлопали. Кума, просившаяся было туда, встрѣченная такимъ привѣтствіемъ, позабыла лазъ и повернула въ мою сторону. Подлѣ меня стоялъ однополчанинъ, не выждалъ, показалъ своей собакѣ, и лисица ушла назадъ въ островъ. Кобель его увелъ и моихъ собакъ. Хищный звѣрь обманулъ въ кустахъ псовъ нашихъ и покатилъ черезъ большую дорогу. На зовъ мой выметался злобный мой кобель, а куму пришлось травить мой камердинеръ сучками рѣзвыми, но небравшими лисицъ. Поле было большое, конь подо мной лихой, кобель съ осилкомъ: я выпустилъ и травля скоро открылась ему. Половой замѣшался

и, приспѣвъ къ лисѣ, вздернулъ ее какъ тряпку. Матерую *куму* велѣлъ я камердинеру второчить себѣ и ѣхать за мной. Гончихъ въ это время вызывали. Вся охота собралась на столбовой дорогѣ. Подъѣзжаю я съ импровизированнымъ стремяннымъ моимъ къ распорядителю охоты; встрѣчаетъ онъ вопросомъ: гдѣ дѣлась лисица?—„Въ торокахъ“ отвѣчалъ я. Кирила поворотилъ коня и лисица представилась глазамъ жаднаго охотника. Перемѣнившись въ лицѣ, сосѣдъ сказалъ:—„Странно, всегда бѣжитъ, бывало, туда, гдѣ я стоялъ.“ Минута мщенія настала. „Вы правы, отвѣчалъ я:—лисица просилась къ вамъ, но доѣзжачіе мои отхлопали ее.“ „Какъ же это можно?“—„Оно дѣйствительно не хорошо, но я приказалъ такъ сдѣлать потому, что и ваши охотники отхлопывали отъ меня звѣря.“ „Послѣ этого ѣздить нельзя“, проворчалъ сквозь зубы шкурятникъ.—„Съ этимъ я совершенно согласенъ“, отвѣчалъ я, снялъ фуражку, поклонился и потянулъ съ охотой къ дому.

Долго мы не съѣзжались послѣ этой размолвки; а когда и случалось съѣзжаться, то разставались уже по какимъ-либо законнымъ причинамъ. Гадко ѣздилъ сосѣдъ, но охотникъ былъ страстный: больнаго его, бывало, вываживали въ поле. Охота у него была всячинкой, и онъ, можно сказать, не травилъ, а душилъ звѣря. Впрочемъ, у всякаго свой вкусъ!...

Возвратимся къ ружейной охотѣ.

Первую половину всей моей охоты съ ружьемъ, я не зналъ всѣхъ болотъ въ уѣздѣ, и въ тѣ благословенныя времена, когда всякой дичи было изобиліе, лучшія болота не попирались ногой стрѣлка. Сколько потеряно удовольствія! за то никто мнѣ въ то время и не мѣшалъ: тогда были утятники, стрѣляли тетеревей изъ шалашей, но эта мужицкая охота меня не тревожила. Какой переворотъ теперь: мужики стрѣляютъ изъ пистонныхъ ружей и бьютъ дупелей. Чиновники, бравшіе тогда взятки лишь съ просителей, теперь берутъ ихъ и съ болотъ. Все ополчилось. Мастеровые шатаются по болотамъ съ весны до заморозовъ; конечно они болѣе пугаютъ дичь, нежели бьютъ, но и за это спасибо нельзя сказать. Самыя болота измѣнились и пересохли; лѣса истребляются, выводныя мѣста тоже; годъ отъ году охота дѣлается хуже. Кажется, мы послѣдніе представители ружейной охоты. Представлю примѣръ изобилія дичи въ собственныхъ дачахъ.

Въ началѣ моего пребыванія здѣсь, я жилъ съ дядей (онъ же былъ и попечитель мой). Заѣхалъ къ нему однажды сосѣдъ и дальній родственникъ,— славный и любезный человѣкъ и всегда, по видимому, озабоченный дѣлами; забѣжитъ на часокъ, а проживетъ три дни: всякое утро бывало сбирался

уѣхать—и ни съ мѣста. И такъ, заѣхалъ онъ около полудня,—на минутку. Старикъ мой дядя уговорилъ его остаться; а для этого нужно было только показать карты. Дядя, обернувшись ко мнѣ, спросилъ: покормлю ли я ихъ дупелями? Я взялся за это съ условіемъ: если они согласятся обѣдать не ранѣе 4 часовъ. Картежникамъ до ѣды ли, когда игра начнется! Заложили дроги, я взялъ съ собой одну собаку и трехъ егерей. Одинъ изъ нихъ былъ только настоящій стрѣлокъ, и покойный Ваксель считалъ его однимъ изъ лучшихъ, какихъ онъ встрѣчалъ. Мѣста были въ трехъ верстахъ отъ дому и черезъ полъ-часа мы были тамъ. Не помню вернулись ли мы въ 4 часа, или позднѣе, но нашли игроковъ за тѣмъ же ломбернымъ столикомъ, не помышлявшихъ объ обѣдѣ; опомнились они, когда я имъ выложилъ 52 штуки дупелей, бекасовъ, молодыхъ тетеревей и другой дичи. Это можно почесть сказкой, если судить по нынѣшнему времени; но это было такъ; даже не очень еще давно, въ пролетъ, до обѣда, бивали по 50 паръ дупелей, въ чемъ свидѣтельствуетъ мой охотничій журналъ и живые свидѣтели....

Еще слово о миломъ сосѣдѣ. Старикъ любилъ красное словцо, хоть и не былъ охотникомъ. Урожай у него былъ всегда мѣркой изъ копны болѣе, нежели у другихъ. Однажды общій нашъ зна-

комый, находящійся еще и теперь въ живыхъ, довелъ его, съ утра къ вечеру, до 16 мѣръ изъ копны ржи. Разговаривая о фруктовыхъ деревьяхъ, онъ сказалъ также, что у него во Владимірѣ было два огромныхъ вишневыхъ дерева, и съ каждаго снималось по нѣскольку четвертей ягодъ. Хорошо! Но и этимъ онъ не удовольствовался и продолжалъ:— „Пьемъ мы разъ съ отцомъ кофе на балконѣ, прилетѣла ворона, сѣла на вишню, и покуда мы выпили свои чашки, ни одной вишни не осталось: проклятая матрена всѣ поѣла.“ Въ послѣдствіи я купилъ ихъ имѣніе и пишу теперь на принадлежавшей нѣкогда имъ землѣ; но вишенъ такихъ у меня нѣтъ, а вороны боятся ружей.

Въ послѣдствіи у меня повелась порода собакъ французскихъ (г. Извольскаго, тульскаго помѣщика и славнаго стрѣлка). Родоначальницу этой породы видѣлъ я въ 1819 году въ болотѣ подъ Тулой; звали ее *Контесой*—славно работала. Лѣтъ черезъ 10, одинъ искренній пріятель подарилъ мнѣ стараго кобеля, одного изъ ея потомковъ—чудная была собака! Я повелъ отъ него породу, которая служитъ и до сихъ поръ, и лучшихъ собакъ имѣть не желаю. Были у меня понтера, сеттера, и мало ли еще какихъ породъ. Проскакивали собаки и хорошія, но лучше потомства *Контесы* мнѣ не нужно. Бѣшеный

искъ англійскихъ собакъ для меня противенъ, особливо въ компаніи и въ знакомыхъ мѣстахъ. Это хорошо для городскихъ охотниковъ, для незнакомыхъ, гдѣ всякій имѣетъ право перебѣгать изъ стороны въ сторону и перегонять другъ друга; тогда польза, можетъ быть, есть отъ этого, но и то развѣ для промышленника. Охота должна составлять удовольствіе, а не работу.

Послѣ ружей работы Быкова и Грунтова, стрѣлялъ я изъ дѣланныхъ дома. Стволы прежде обдѣлывались изъ французскихъ карабиновъ, потомъ употреблялись тульскіе. Ружья эти были превосходныя, но недолго служили, потому что, для легости, стволы высверливались тонко, да и уходъ за ними былъ дурной. Было ружья два, которыя выдержали однако 10 лѣтнюю службу. Потомъ я началъ выписывать ружья французскія, позднѣе—англійскія; но всѣ они были мнѣ какъ то не по рукѣ и тяжелы. Кончилъ я заказомъ ружья (Пурде) въ $6^1/_3$ фунта; съ нимъ теперь постоянно и охочусь. Есть еще другое ружье по рукѣ, работы Ренета. Этихъ двухъ ружей, надѣюсь, на мою жизнь хватитъ.

Однажды возвращались мы съ болота домой на длинныхъ, десяти-мѣстныхъ дрогахъ. Поперекъ насъ летѣло стадо большихъ рыболововъ. Я велѣлъ остановиться и предложилъ разрядить ружья по нимъ.

Сдѣлали залпъ, рыболововъ было 8 штукъ, и всѣ они упали. Странное расположеніе дроби ни одного не пощадило. Былъ еще довольно странный случай на этой же дорогѣ. Григорій принадлежалъ къ числу егерей самыхъ суевѣрныхъ и, между прочимъ, считалъ ворона колдуномъ. При выѣздѣ нашемъ, на выгонѣ, видимъ, сидитъ на бугоркѣ Григорьевъ колдунъ.—„Господа! залпъ по немъ!“ Стали взводить курки (ружья тогда, правда, были еще съ кремнями), одинъ Григорій оставилъ ихъ въ покоѣ“ ворча про себя:—„не убьете“. Что же случилось: всѣ ружья осѣклись. Колдунъ улетѣлъ и Григорій до самой смерти остался при своемъ убѣжденіи о воронѣ.

Вотъ еще странный случай. Надо замѣтить, что въ 40 лѣтъ, какъ я живу въ деревнѣ, два раза только показывались здѣсь стрепета. Послалъ я однажды Григорья вмѣстѣ съ другимъ стрѣлкомъ отыскивать эту малознакомую птицу. Цѣлый день они проѣздили съ собакой, и, подъ вечеръ, возвращались домой съ пустыми яхдташами. Сидитъ сова на кустѣ; Григорій началъ трунить надъ товарищемъ, что тотъ не убьетъ совы. Остановились. Стрѣлокъ прицѣлился и выстрѣлилъ: сова полетѣла, а подъ кустомъ что-что затрепеталось. Бросились туда и нашли двухъ убитыхъ стрепетовъ. Если бы я не ѣлъ ихъ, то, разумѣется, и самъ бы не повѣрилъ этому.

Разъ мы, съ постояннымъ моимъ товарищемъ по ружейной охотѣ, сговорились съѣхаться къ одному общему знакомому, жившему въ верховьѣ чуднаго болота, о которомъ я уже говорилъ, разсказывая про *Шляхтича*. Товарищъ мой, жившій за 100 верстъ, явился въ назначенное мѣсто къ обѣду. Хозяинъ прежде жилъ долго у меня, былъ славный охотникъ съ собаками, но придерживался также и ружья. Онъ былъ инвалидъ 12 года и раны не позволяли ему за нами всюду поспѣвать. Старикъ былъ человѣкъ серьезный, съ грузинской физіономіей, хотя былъ чистый хохолъ; не ужился у меня, на старости лѣтъ влюбился, и долженъ былъ переѣхать къ себѣ. Къ позднему обѣду я къ нему нагрянулъ съ компаніей. Ветеранъ, съ рюмкою шипучаго въ рукахъ, поздравилъ насъ съ отличнымъ наступающимъ полемъ, говоря, что онъ ходилъ въ это утро пощупать болото и убилъ нѣсколько паръ, и что дичи много. Съ восторгомъ юноши разсказалъ онъ также, что ему въ первый разъ въ жизни удалось убить двухъ дупелей однимъ выстрѣломъ. Случай бывалый со всякимъ старымъ стрѣлкомъ, и потому я бы не включилъ его въ число странныхъ случаевъ, еслибъ не окончаніе его, которое, дѣйствительно, было довольно странно и со мной болѣе не повторялось.

Рано мы поднялись на другой день: вошли въ бо-

лото и начали съ копаней. Полетѣли турухтаны, бекасы, утки, попадались и дупеля. Но это было только еще увертюрой. Наконецъ разровнялись мы по широкому болоту. Хозяинъ шелъ опушкой, рядомъ со мною. Пройдя съ полверсты, онъ подозвалъ меня. «Вотъ здѣсь-то вчера я убилъ пару однимъ выстрѣломъ», сказалъ онъ. Я внутренно ругнулъ его за старую новость; но не успѣлъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ собака моя потянула и стала. «*Авансъ!*» Полетѣлъ дупель, раздался выстрѣлъ и *Бекасъ* бросился подать убитаго дупеля, а въ нѣсколькихъ шагахъ, впереди, бился другой. И другой выстрѣлъ, подобный вчерашнему, хозяйскому, былъ сдѣланъ на томъ же самомъ мѣстѣ: согласитесь, что дѣло не совсѣмъ обыкновенное.

Поле было чрезвычайно удачно и кончилось смѣшной сценой. По выходѣ изъ болота, всѣ мы усѣлись на дроги и поѣхали въ уѣздный городъ, окруженный также болотами. Вдругъ взлетѣло и перемѣстилось огромное стадо турухтановъ. Закричали „стой!“ Одинъ мой пріятель, не любившій эту птицу и любившій быть le roi de la chasse, противился общему желанію идти на турухтановъ, но на него не посмотрѣли, и, засѣвъ поперегъ болота, послали егеря, нѣмца, служившаго въ то время у меня, загнать ихъ на насъ, что онъ и выполнилъ съ нѣмец-

кой аккуратностью. Стая налетѣла сперва на меня; я выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ и вышибъ семерыхъ. Пошла перепалка, и штукъ около 40 было убито. A le roi de la chasse, любившій быть первымъ, попалъ въ послѣдніе, страшно за это прогнѣвался и всю дорогу ворчалъ. На другой день горе, разумѣется, было забыто, но антипатія къ турухтанамъ усилилась еще болѣе.

Вотъ еще одинъ, довольно замѣчательный, случай изъ псовой охоты. Мы ѣздили въ чудныхъ мѣстахъ, принадлежащихъ графу Ку.....у. Въ одномъ довольно большомъ острову, ловчій услыхалъ, что подлаиваетъ гончая. Боясь—нѣтъ ли въ островѣ скота (хотя стая была и вѣжливая), онъ поскакалъ на голосъ, и когда прибылъ къ мѣсту, то собаки, бывшія съ нимъ, бросились въ кустъ—и пошла возня. Соскочивъ съ лошади, онъ увидѣлъ, что онѣ приняли волка; разумѣется, старый охотникъ сей часъ же ему ножъ въ бокъ и принялся торочить; но, чудо!—волкъ безъ заднихъ ногъ, онѣ, видимо, были отрублены и давно зажили. Такъ какъ волковъ торочатъ не по заячьи, то бѣда была еще не велика, но хотѣлось узнать — кто совершилъ операцію сѣрому другу? На дневкѣ стали доискиваться,—и вотъ какъ объяснилось дѣло. Поздней весной, одинъ крестьянинъ, бывшій въ томъ лѣсу, нашелъ волчье гнѣз-

до; волченятъ всѣхъ перебилъ, а одному изъ нихъ отрубилъ ноги и бросилъ его на мѣстѣ; у всякаго барона своя фантазія.... Вышедъ изъ лѣса, операторъ побрелъ въ свою деревню; вдругъ его нагнали родители избіенныхъ и начали пощипывать. Бородачъ съ начала отмахивался топоромъ, но едва ли бы уцѣлѣлъ, еслибъ не подоспѣлъ къ нему на помощь пастухъ съ собаками. Пищу, необходимую для волченка, старики могли носить, но какимъ образомъ они доставляли ему воду, безъ которой, какъ извѣстно, волкъ не можетъ существовать — не понятно.

Скиляжникъ меня часто баловалъ; я тоже у него въ долгу не оставался. Собирались мы однажды въ отъѣздъ; стая въ то время была добрая. Вдругъ онъ мнѣ говоритъ:—„Отецъ, купи стаю, которая продается у Д. И. Кар....., лихія собаки! Дневокъ тогда не будетъ; всякій день полевой, мѣстъ же здѣсь достаточно, намъ будетъ на всю осень. Утѣшь старика!“ О стаѣ, точно, отзывались съ похвалой. Дневки, подъ старость необходимыя, считались тогда потеряннымъ временемъ. „Да денегъ нѣтъ“, отвѣчалъ я ему (и точно лишнихъ не было). „А скоро ли будутъ?“ спросилъ онъ. „Надѣюсь получить скоро.“ „Ну такъ вели, отецъ, сѣдлать лошадь и пиши письмо; деньги вечеромъ я пришлю.“ Надо было

согласиться. Послали съ Акимомъ письмо и деньги (1000 р. ассиг.), и чрезъ недѣлю привели 46 сухихъ, статныхъ, большей частью черно-подпалыхъ собакъ. Прикатилъ скилялжникъ пробовать ихъ. Собаки гнали стайно, были параты и голосисты.— „Ну что, я тебѣ говорилъ, отецъ! Слушайся впредь старика; дурнаго не присовѣтуетъ!“... Досталось, однако, въ послѣдствіи старику за добрый совѣтъ. Стая точно гнала отлично, но по всему, даже по лошадямъ, такъ что трудно было и сбить, и я вынужденъ былъ велѣть всѣхъ собакъ перевѣшать. Къ сожалѣнію, деньги я скоро возвратилъ скилялжнику, а не мѣшало бы помучить его. Продавецъ стаи былъ мой хорошій знакомый и владѣлецъ 2000 душъ, а поступокъ его все-таки нельзя назвать благороднымъ. Съ этихъ поръ старикъ ужъ совѣтовъ мнѣ больше никогда не давалъ.

Нельзя не вспомнить объ *Укрси*, говоря объ эпохѣ, въ которую она меня такъ много тѣшила. Нахальная была собака! Разъ мнѣ случилось ѣхать поздней осенью, послѣ оттепели, въ ноябрѣ, въ новыхъ мѣстахъ. Гуртъ, пасшійся въ площади, и дожди выгнали изъ нея зайцевъ въ поля. Мы разравнялись жнивами. Послышался знакомый и пріятный для уха охотника возгласъ: „Оту-его!“ Я не замѣшкалъ явиться къ отукавшему и затравилъ русака;

не успѣлъ еще я и второчить его, какъ опять послышалось: „Оту-его!“ и другой русакъ былъ мною затравленъ. Словомъ сказать, въ это поле, сряду, безъ перемежки почти, отукали 7 разъ, и *Украса*, не отдыхая, поймала шестерыхъ, а седьмаго, перекувырнувшись, спустила и его подхватили другія собаки. Ѣздилъ со мною въ то время жившій у меня славный старикъ иностранецъ. Скачетъ онъ ко мнѣ и кричитъ: «Mon cher! j'ai trouvè un ènorme lièvre, tout près d'ici.„ Поѣхали. Старикъ былъ толковый, мѣсто замѣтилъ хорошо и какъ разъ отыскалъ его. Гляжу и не понимаю: лежитъ что-то странное, треугольникомъ; вглядываюсь—и что же? лежатъ два русака, прижавшись другъ къ другу почьками (задками). Со мной кромѣ *Украсы* были два ветерана для лисицъ и волковъ: *Любезный* 1-й и *Цыганка*. Подбудили русаковъ; покатили они въ разныя стороны. Одного заловила *Украса*, а другаго старики. Я поскакалъ за послѣдними; съ *Украсой* разсчетъ былъ короткій: рѣдко догоняла два раза. Вспомнили и старики свою молодость, начали косаго другъ другу передавать, но увы! недалеко была опушка, въ которую и ускользнулъ русакъ, *Украса* же своего вздернула. Побѣжи косые въ одну сторону,—она, вѣроятно, поспѣла бы на помощь къ старымъ товарищамъ, потому что поле было боль-

шое. Въ этотъ трехъ-дневный отъѣздъ, въ 25 верстахъ отъ дома, мы затравили 102 русака и 2 лисицы. Можно было держать стаю!...

Теперь нѣсколько словъ о порошахъ. Въ настоящее время мы обыкновенно говоримъ: нѣтъ больше порошъ! Неужели же климатъ измѣнился? Нѣтъ, не климатъ, а лѣта и страсть стали не тѣ. Въ прежнее время каждый выпавшій снѣжокъ казался отличной порошей; не разбиралось тогда—ловко ли скакать собакамъ и хорошо ли съѣзжать,—все было ловко и, благодаря рѣзвости собакъ, травили много; такъ продолжалось, бывало, всю зиму. Были пороши, въ которыя я травливалъ на свою свору по 18 русаковъ. Мудрено ли, послѣ этого, что я сидѣлъ всю зиму въ деревнѣ? Ожиданіе пороши не пускало въ столицы, и такъ я высидѣлъ 10 лѣтъ—и не скучалъ. Правда, что въ тѣ блаженныя времена стояла въ нашей губерніи кирасирская дивизія, и служащіе въ ней, начиная отъ Г. Г. до младшаго корнета, всѣ, безъ исключенія, посѣщали мой домикъ; а многіе офицеры, квартировавшіе по близости, почти не выѣзжали изъ него. При скромномъ моемъ жилищѣ находился погребъ, который, надо сказать правду, не постыдилъ бы и любой княжескій замокъ. Погребъ этотъ нагружалъ сначала извѣстный въ старину Васимонъ, а въ послѣдствіи Депре. Мо-

лодежь тогда была еще непзбалована: ни одинъ гость не нуждался въ особой комнатѣ: всѣ, бывало, спали въ повалку; но за то всѣ веселились, играли, пили, охотились и никогда не скучали: Зима не шла, а катилась; бывало и не замѣтишь какъ прилетятъ вальдшнепы.

Со всѣми возможными *шнепами* познакомился я, пріѣхавъ въ свое имѣніе; въ Питерѣ же встрѣчалъ ихъ только на блюдахъ,—жареныхъ.

Можете вообразить мое восхищеніе и вмѣстѣ отчаянье, когда я въ первое поле, на болотѣ, въ лозахъ, напалъ паръ на 10-ть этихъ красивыхъ птицъ, приводящихъ меня, при взлетѣ своемъ, и до сихъ поръ въ волненіе? *Каронъ* всѣхъ ихъ по очереди привѣтствовалъ стойкой, а я пуделялъ. Къ вечеру товарищъ мой, кривой артиллерійскій подпоручикъ, убилъ сидячаго; въ летъ онъ не стрѣлялъ.

Въ этотъ же памятный день знакомства моего съ вальдшнепами, былъ я свидѣтелемъ пролета,—за дальностью не могу навѣрно? опредѣлить, — дроздовъ, или скворцовъ, полагаю, что послѣднихъ. Пролетъ этотъ былъ въ родѣ тѣхъ, которые описываются въ романахъ Куппера и которымъ многіе не вѣрятъ; жаль, что невѣрующіе не находились въ то время со мной: надъ лѣсомъ тянулось черное полотно птичекъ, какъ туча, несшаяся нѣсколько минутъ.

Не знаю—живъ ли еще мой кривой товарищъ, а ему я былъ обязанъ два раза. Во первыхъ, онъ мнѣ рекомендовалъ *Фельдмана*, а во вторыхъ, доказалъ, что честность съ бѣдностью чуть ли не чаще сходится, чѣмъ съ богатствомъ. Оставляя съ ротой нашу сторону, онъ занялъ у меня 300 р. ассиг., которыми я ссудилъ его съ удовольствіемъ. Прошли года, когда я забылъ даже и о должникѣ, какъ въ одинъ прекрасный вечеръ (я уже перешелъ на новую усадьбу) зазвенѣлъ колокольчикъ—предвѣстникъ либо члена Земскаго суда, либо дальняго гостя. Доложили о пріѣхавшемъ артиллерійскомъ капитанѣ. „Проси!“ сказалъ я. Гость вошелъ. Кривой глазъ сейчасъ напомнилъ мнѣ о старомъ товарищѣ по охотѣ, но о долгѣ я совершенно забылъ, потому что съ тѣхъ поръ прошло много времени. Послѣ ужина, послѣдовавшаго за картами, съ которыми гость мой управлялся лучше, чѣмъ съ дичью на лету, начали прощаться на сонъ грядущій; артиллеристъ отозвалъ меня на пару словъ; поблагодаривъ со слезами на глазахъ за довѣріе, онъ подалъ мнѣ свой долгъ, о которомъ я только въ ту минуту вспомнилъ.... Мнѣ не случалось встрѣчать такой памяти къ долгамъ, даже въ людяхъ съ состояніемъ!...

Изъ всей знакомой мнѣ дичи я не встрѣчалъ въ нашихъ мѣстахъ кулика-сороку. Птица эта очень

красива и названіе ея служитъ ей описаніемъ, — прибавьте только красныя ноги и клевъ (послѣдній величиной равенъ дупелиному). Однажды только, въ сосѣдней губерніи, убитъ былъ при мнѣ одинъ экземпляръ этого кулика. Прочая же дичь во множествѣ водилась и въ моихъ мѣстахъ. И при этомъ-то изобиліи дичи, въ цѣломъ уѣздѣ, настоящій охотникъ и стрѣлокъ былъ одинъ лишь я. Тетеревиныхъ мѣстъ было много;—тетеревей вдоволь. Случалось въ утреннее поле бить паръ по 18-ти; по 10 выводковъ отыскивали на одной верстѣ, и притомъ еще въ рѣдкихъ мелочахъ. Блаженныя были времена. Теперь чисто тетеревиной охоты нѣтъ болѣе, какъ бывало въ старину: случайно развѣ наткнешься; это я говорю про свои и близь лежащія мѣста; въ сплошныхъ же лѣсахъ и теперь еще можно повеселиться на тетеревовъ, но за то сколько труда, чтобъ отыскать ихъ, да и стрѣльба притомъ не всегда удобна.

Я всегда любилъ добывать дичь выстрѣломъ, а покойникъ *Каронъ* переловитъ бывало большую половину тетеревей живьемъ,—что многимъ нравится,— я же всегда за это сердился. Приближаясь къ выводку, *Каронъ* всегда ползъ. Славно также работалъ по тетеревамъ и *Фельдманъ*. Прежде, стрѣляя тетеревей, я горячился также, какъ и по вальдшнепамъ, но потомъ началъ ихъ стрѣлять съ прицѣломъ

и выдержкой—и рѣдко промахивался. Увы! не могу сказать того же о другой дичи, особливо о вальдшнепахъ: въ глазахъ мутится, когда вылетитъ, и болѣе 15 штукъ въ одно поле я ихъ не билъ.

Одинъ разъ только мнѣ удалось убить молодаго глухаря, а мать улетѣла; спасъ ее проклятый лозовый кустъ. Въ это же поле покойникъ Ваксель, хорошій и хладнокровный стрѣлокъ, напалъ на другой выводокъ глухарей и пропуделялъ старуху: вотъ что значитъ охотничій азартъ! Упомяну еще объ одномъ забавномъ случаѣ. Товарищъ мой, С. И. Я., въ молодости былъ страстный охотникъ на рябчиковъ и ѣзжалъ за ними верстъ за 90 и далѣе, подвергая не разъ опасности свое здоровье и даже самую жизнь, при переѣздахъ черезъ разлившіяся рѣки; однимъ словомъ, испытывалъ всѣ непріятности ѣзды по нашимъ дорогамъ ранней весной. Удалось ему однажды подойти къ токовавшему тетереву; выстрѣлилъ онъ изъ обоихъ стволовъ, а глухарь продолжалъ свою заунывную пѣсню до тѣхъ поръ, пока мужикъ, бывшій вожатымъ моего знакомаго, не повалилъ пѣвца изъ своего двухъ-рублеваго ружья. Надо замѣтить при этомъ, что пріятель мой стрѣлялъ очень хорошо. Говоря объ этой тяжелой охотѣ, я вспомнилъ нѣсколько случаевъ, разсказанныхъ тѣмъ же С. И. Я.; вотъ они.

Встрѣча съ медвѣдями не составляла еще большой важности и опасности для охотника. Звѣрь этотъ, какъ извѣстно, боится человѣка и бѣжитъ отъ него; но, кромѣ медвѣдя, въ лѣсахъ ставятъ самострѣлы, петли, капканы и роютъ ямы; всѣ эти западни очень опасны и наткнуться на нихъ не очень-весело. Еще очень недавно одинъ мой добрый сосѣдъ, вздумавшій отвѣдать лѣсной охоты, наткнулся на самострѣлъ и бѣжалъ безъ оглядки изъ лѣсу, покинувъ свою дачу, изобилующую лѣсной дичью, и успокоился тогда только, когда очутился за 100 верстъ отъ нея въ своемъ тепломъ домикѣ.

Пріятель мой, С. И. Я., находясь въ лѣсу, услыхалъ однажды крикъ своего вожатаго; думая—не медвѣдь ли напалъ на него, бросился на помощь, хотя ружье было заряжено мелкой дробью; прибѣжалъ—и что жъ увидѣлъ: товарищъ его, захваченный петлей за ногу, висѣлъ на макушкѣ березы. (Извѣстно, что березу макушкой наклоняютъ къ землѣ, къ которой привязываютъ силокъ изъ веревки, вздергивающій кверху жертву, неосторожно на него ступившую).

Самъ я только два раза пробовалъ охотиться на рябчиковъ. Первая охота кончилась тѣмъ, что мужикъ, бывшій нашимъ проводникомъ, убилъ двухъ рябчиковъ, которыхъ наши глаза не могли разсмот-

рѣть. Второй охотѣ за этой дичью я обязанъ тѣмъ, что былъ свидѣтелемъ жестокаго урагана.

Это было въ 183... году. Рано утромъ отправились мы въ болото, которое наканунѣ насъ очень потѣшило. Помнится мнѣ, что убито было паръ 80 разной дичи. Посреди безконечнаго болота находился островокъ, бывшій нашимъ пристанищемъ во время завтрака. Названіе этому острову было *колобріасъ*,— почему?—долго разсказывать. (Кто помнитъ покойнаго К..., мужа К.... Г..., тѣшившаго Московскую публику своими балами и странностями, тому не нужно объясненіе слова: *колобріасъ*). Съ колобріаса отправились мы черезъ моховое, томительное болото (изобилующее змѣями, а не дичью) въ лѣсъ— искать рябчиковъ, выславъ предварительно въ объѣздъ верховыхъ лошадей для возвращенія нашего на станъ. Водилъ насъ въ то время казенный мужикъ, тезка мнѣ по имени, а по лжи—извѣстному Гасконскому барону Крикъ-Кракъ. Не понимаю какъ, зная способность этого плута надувать всѣхъ, рѣшились мы за нимъ слѣдовать? Наконецъ, вошли мы въ дремучій лѣсъ, начали лазить черезъ пни и колоды и очищать носами паутину, что очень непріятно, не говоря уже о сплетшихся сучьяхъ, хлеставшихъ по лицу; рябцовъ нѣтъ какъ нѣтъ; а плутъ вожатый все обѣщаетъ навести на нихъ. Поле кон-

чилось однако одними лишь обѣщаніями. Измученные, добрались мы наконецъ до своихъ коней и поплелись за нашимъ нахальнымъ лгуномъ къ стоянкѣ—*попали*. Лѣсъ огибалъ рукавъ болота, съ такимъ трудомъ перейденнаго нами утромъ. Мы слѣдовали опушкой лѣса и наѣхали на станъ косцовъ, убиравшихъ скверное болотное сѣно и оживлявшихъ пѣснями мертвую тишину сплошнаго лѣса. Поющее пернатое сословіе, выкормивъ своихъ птенцовъ, тогда уже отлетѣло въ теплыя страны встрѣчать новую весну и учить своему языку новое поколѣнье пѣвцевъ. Мы сдѣлали привалъ и, доставъ хлѣба съ солью, ѣли его съ удовольствіемъ, запивая водой, потому что приготовленный завтракъ былъ уничтоженъ еще прежде. Взятыя нами бутылки также были пусты и позвенивали у нашего вожатаго въ мѣшкѣ, вмѣсто обѣщанныхъ рябчиковъ, которыми онъ сулилъ набить его. Подкрѣпивъ немного силы и отдохнувъ, я предложилъ отправиться къ колобріасу рукавомъ болота. Предложеніе мое было принято безъ возраженій. Но чтобъ охотиться, а не топтать только болото, я предложилъ также переждать находившую на насъ тучу. Кто курилъ трубку (тогда еще сигары не были въ общемъ употребленіи, а о папиросахъ и понятія не имѣли; курили чистый табакъ, не примѣшивая къ нему тряпокъ, собираемыхъ по навоз-

нымъ кучамъ), кто подшучивалъ съ крестьянскими дѣвками и бабами. Но вотъ и тучи обрисовались. Разнообразнѣе никогда не видалъ я колеровъ, собравшихся на небосклонѣ: черные, синіе, дикіе и, наконецъ, розовые.... Все быстрѣе и быстрѣе неслись къ намъ скопившіяся густыя тучи. Одинъ изъ моихъ товарищей, по прозванью нѣмецъ, хотя въ немъ не было и капли нѣмецкой крови, принялся убирать лежащія вокругъ насъ ружья; собравъ ихъ въ одинъ изъ шалашей, мы стали ожидать готовившуюся разразиться надъ нами грозу. За поляной, на которой устроены были шалаши косцовъ, посреди рѣдкаго казеннаго лѣса, красовался холмъ, покрытый вѣковыми елями, осинами и ольхами. Мы расположились напротивъ этого холма, саженяхъ въ 50. Большая часть изъ насъ была на ногахъ; нѣкоторые лежали; казенный лгунъ потѣшалъ насъ своими разсказами.... Вдругъ, послѣ наступившей въ воздухѣ мертвой тишины, засвисталъ предвѣстникъ бури—вѣтеръ; въ отдаленіи блеснула молнія и глухой раскатъ грома долетѣлъ до нашего слуха. Мы стояли лицомъ къ холму, уцѣлѣвшему отъ топора, какъ будто нарочно, для доставленія намъ грандіознаго зрѣлища, какого я, вѣроятно, болѣе не увижу. Ожиданіе готовившейся разразиться бури остановило разговоры, согнало улыбку и даже притупило плодови-

тый и лживый языкъ нашего проводника. Вдругъ надъ макушками лѣса показалось розовое облако, несшееся прямо на насъ. „Ложись!“ вскрикнулъ, или, лучше сказать, заоралъ нашъ балагуръ. Понять не могу до сихъ поръ дѣйствія этого слова. Всѣ мы повалились ничкомъ. Ураганъ заревѣлъ. Я едва успѣлъ схватиться за поля своей шляпы, какъ разъяренныя стихіи вступили въ бой со всѣмъ, имъ сопротивлявшимся. Гигантскія сосны и ивы валились какъ карты, на которыя дунулъ ребенокъ. Деревья въ полтора обхвата были вырываемы съ корнями или переламывались также быстро и легко, какъ несся самъ ураганъ. Сзади насъ наметана была порядочная скирда крупнаго сѣна, половину ее срѣзало какъ ножомъ. Посреди шалашей, въ которые забились бабы, торчала высохшая береза; я не терялъ ея изъ виду и каждую секунду ждалъ, что вотъ она повалится и бабы выпорхнутъ изъ своей засады, какъ испуганный перепелиный выводокъ. Напрасно ждалъ я. Безжизненное дерево трещало, гнулось во всѣ стороны, но уцѣлѣло. Думать о стрѣльбѣ было нечего; насъ промочило до костей и идти версты три или четыре по лѣсному, незнакомому болоту было неразсчетливо, тѣмъ болѣе, что время клонилось къ вечеру. И такъ, взобрались мы на промокшія же сѣдла и рѣшились на рысяхъ спѣшить къ нашему

стану. Вотъ мы тронулись, но о рыси нельзя было и помышлять, потому что лѣсная дорожка была завалена вырванными и смоманными бурей деревьями. Неудача охоты и усталость вознаградилась великимъ, рѣдкимъ зрѣлищемъ природы. Въ станъ нашъ ураганъ тоже завернулъ и сорвалъ палатку, въ которую мы удалялись на ночь, потому что въ избѣ, взамѣнъ обѣщанныхъ рябчиковъ, были милліоны клоповъ. Вотъ чѣмъ кончился нашъ трехъ-дневный отъѣздъ въ лѣса, которые, въ настоящее время, едва ли и существуютъ. Единственная жертва, заплатившая жизнію въ этотъ памятный день — была крестьянская лошадь, убитая громомъ. Чтобы дать понятіе о бывшемъ тогда ураганѣ, достаточно сказать, что въ городѣ Мещовскѣ, на который направился ураганъ, была снесена половина каменной колокольни.

Судьбѣ угодно было бросить насъ вторично на колобріаса. Охота опять была неудачна. Но за то опять я былъ свидѣтелемъ... только не величественнаго, а смѣшнаго эпизода.

Разстояніе колобріаса отъ города, около котораго мы полевали, было верстъ 18. Явился Николка-лгунъ съ увѣреніемъ, что дичи много и переходъ на болото устроенъ хорошо. Надо замѣтить, что до чистаго болота тянулась опушка коряваго березника. По мху, кочкамъ и по топи положены были клад-

ки изъ тонкаго лѣса, что дѣлало дорогу довольно сносною для привычнаго ходока; но намъ, степнякамъ, одѣтымъ въ большіе болотные сапоги и безъ привычки, даже съ шестами въ рукахъ, путь этотъ казался труднымъ. Этотъ-то переходъ Николка обѣщалъ исправить,—и опять солгалъ. За нами до перехода ѣхала телѣга, запряженная парою лошадей и нагруженная сытнымъ завтракомъ и разнымъ питьемъ. Кучеръ былъ очень молодой, но взрослый малый. Наканунѣ лгунъ Николка набилъ ему голову разсказами о шатающихся около этого болота медвѣдяхъ. Съ мыслями о медвѣдяхъ кучеръ повезъ припасы и нѣкоторыхъ лѣнивыхъ моихъ товарищей къ болоту, хотя до него было всего версты полторы. Наконецъ всѣ мы собрались у труднаго перехода и увидали, что обѣщанное исправленіе было лишь на языкѣ у лгуна: трудности перехода остались тѣже. Для неловкихъ въ эквилибрическихъ занятіяхъ были вырѣзаны шесты. Я принадлежалъ къ числу неловкихъ. Кое какъ наконецъ, не безъ приключеній, выбрались мы на болото и пошла работа, но не стрѣльба. Ожидать многаго и нельзя было, потому что болото было выводное, а время года позднее. Для компаніи съ нами находился одинъ воинъ Суворовскихъ временъ, веселый и добрый старикъ, большой хоть и не всегда счастливый, какъ пока-

жетъ мой разсказъ—шутникъ. Костюмъ его состоялъ изъ сѣраго кафтана и овчинной, на персидскій манеръ, шапки. Росту онъ былъ большаго и переправлялся черезъ кладки также ловко какъ и я, съ помощію двухъ шестовъ. Старикъ, уставъ и соскучившись бродить напрасно по болоту, убрался съ двумя товарищами прежде насъ еще въ станъ, т. е. къ тому мѣсту, гдѣ находилась телѣга. Вскорѣ и мы послѣдовали этому благому примѣру: опять потянулись къ трудной переправѣ, которая на этотъ разъ, послѣ усталости и неудачи, показалась еще труднѣе. Вожатому сыпались со всѣхъ сторонъ ругательства, — и всѣ мы подвигались впередъ, какъ черепахи. Но вотъ открылись и твердый берегъ, и тощая трава, на которую мы готовились броситься для отдохновенія, съ надеждой заняться запасами, бывшими въ телѣгѣ. Но, увы! телѣги нѣтъ. Сначала полагали мы, что кучеръ отъѣхалъ подъ тѣнистое дерево, изъ любви къ лошадямъ и къ собственной своей особѣ, и никакъ не воображали, что намъ готовился сюрпризъ.

Наконецъ перебрались мы совсѣмъ; на сердцѣ стало легче; ногамъ тоже. Я закричалъ: „Афанасій!“ Нѣтъ отвѣта. Повторилъ зовъ — молчаніе. Услужливый вожатай нашъ вызвался отыскать бѣглеца, но не успѣлъ онъ побѣжать, какъ на встрѣчу ему вмѣс-

тѣ съ кучеромъ цѣлая толпа народу, предводимая старикомъ, отцомъ Николки. Старикъ былъ славный медвѣжій охотникъ; онъ шелъ съ ружьемъ, а за нимъ слѣдовалъ меньшой сынъ его, ребенокъ лѣтъ 12, съ топоромъ въ рукахъ. Афанасій былъ блѣденъ какъ мертвецъ. Въ толпѣ находились также разныя лица нашей прислуги. Всѣ мы вскочили и спросили въ одинъ голосъ: что это значитъ? Отвѣтъ послѣдовалъ тоже единогласный: „медвѣдь!“ Какъ, гдѣ? „Медвѣдь у васъ въ болотѣ!“ Какимъ образомъ и кто видѣлъ? Тутъ Афанасій, снявъ шапку, сталъ креститься, и не совсѣмъ понятнымъ отъ страха языкомъ бормоталъ: «ей-Богу, медвѣдь, большой, сѣрый медвѣдь, сломалъ телѣгу, содралъ съ меня кафтанъ, дай Богъ умереть, ей Богу медвѣдь.» Мы были охотники не молодые, но никому и въ голову не пришло, что медвѣдя тутъ никакого не было, а что, просто, кучеръ заспался, лошади чего нибудь испугались, рванулись, выкинули его изъ телѣги, а все остальное ему показалось спросонья. Первое движеніе наше было преглупое—отыскивать медвѣдя; помнится, что нѣкоторые запустили даже ужь и пули въ стволы; а виновники всей этой суматохи препокойно валялись на постеляхъ и хохотали надъ нами. Походивъ немного въ крѣпи, т. е. поискавъ медвѣдя, я наконецъ опомнился и пред-

ложилъ ѣхать домой. Телѣги уже были высланы, народъ шелъ за нами, а испуганный Афанасій продолжалъ еще божиться; испугъ его былъ такъ великъ, что онъ поспѣлъ на станъ въ одно время съ взбѣшенными лошадьми, оторвавшими у телѣги колесо. По пріѣздѣ на квартиру, мы раздѣлись и мало-по малу успокоились; но во время общаго говора я замѣтилъ, что двое изъ-подтишка посмѣивались. Привязался я къ нимъ, долго они отмалчивались и отнѣкивались; а лицо ветерана въ это время вытягивалось; вдругъ одинъ изъ смѣявшихся вскочилъ и, показавъ на стараго воина, воскликнулъ: „Вотъ вамъ и медвѣдь—самъ на лицо!“ Какъ? что? посыпалось со всѣхъ сторонъ при общемъ хохотѣ. Предатель объяснилъ дѣло слѣдующимъ разсказомъ. Старикъ вздумалъ попугать кучера, который въ то время дремалъ, а, можетъ быть, и бредилъ о медвѣдѣ, и, пробираясь по кладкамъ съ шестами въ рукахъ, началъ раскачиваться изъ стороны въ сторону и заревѣлъ по медвѣжьи, забывъ о лошадяхъ. Лошади рванулись, оборвали поводъ, оторвали колесо, которое, вѣроятно, попало по спинѣ Афанасья, лежавшаго на землѣ. Прибавьте къ этому сѣрый кафтанъ, овчинную шапку и рекъ: мудрено ли послѣ этого было подумать кучеру, что онъ дѣйствительно находится въ когтяхъ *«мишки.»* Я увѣренъ, что онъ

и теперь еще сомнѣвается въ истолкованіи происшествія и не признаетъ роли, такъ удачно сыгранной старымъ полковникомъ. До самой ночи шутнику не было покоя,—иначе его и не называли какъ «*мигша*»; дѣло дошло до того, что старикъ началъ сердиться не на шутку и собирался уѣхать домой; ужинъ и сонъ положили конецъ шуткамъ.

Съ тѣхъ поръ мы въ польцѣ не были; а не совсѣмъ ловкій шутникъ недавно покинулъ этотъ свѣтъ, или, лучше сказать, заснулъ вѣчнымъ сномъ, прослуживъ много лѣтъ вѣрно и, что дается не всѣмъ, честно своему отечеству, за что и былъ любимъ всѣми порядочными людьми. Миръ праху твоему, добрый старикъ! Онъ былъ страстный охотникъ до конца своей жизни, но ѣздилъ безтолково, неразбирая ни погоды, ни времени года.

Польцомъ называется выводное болото, находящееся въ засѣкѣ. Въ казенныхъ и помѣщичьихъ лѣсахъ такихъ болотъ много, но они, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Это разсадники луговыхъ болотъ. Какъ скоро возьмутся за косы, лѣсныя болота высыхаютъ и дичь сдается въ полевыя. Въ сырые годы она свои выводныя мѣста покидаетъ позднѣе; отчего и высыпки бываютъ не въ опредѣленное время; прежде этого не случалось; потому что луговыя болота своимъ характеромъ привлекали дичь. Теперь же съ каж-

дымъ годомъ они все болѣе уничтожаются какъ постоянными засухами, такъ равно и расчистками ихъ опушекъ, и, слѣдовательно, не доставляютъ дичи ни прежняго корма, ни даже возможности укрыться отъ непогоды, особливо для дичи, не совершенно еще возмужавшей. Сколько чудныхъ болотъ уничтожилось уже въ мою бытность здѣсь, болотъ, въ которыя, въ настоящее время, можно забѣжать развѣ только въ мочливый годъ.

Я пережилъ два холерныхъ года, въ которые охоты почти не было; дичь исчезла; всюду ее отыскивали, но нигдѣ не находили; выводки же были, но куда они дѣвались—загадка, которую я не берусь разрѣшить.

Не знаю, по вкусу ли читателю; особливо псовымъ охотникамъ, разсказы о колобріасѣ,—и потому перехожу къ любимой охотѣ послѣднихъ. О первоначальныхъ стаяхъ моихъ гончихъ и о борзыхъ собакахъ я уже говорилъ; но я мало сказалъ о мѣстахъ, въ которыхъ полевалъ съ товарищами.

Ѣздили мы болѣе въ Дмитріевскомъ уѣздѣ, гдѣ множество отличныхъ отъемовъ. Съ этими отъемами познакомилъ насъ старикъ скиляжникъ, прозванный такъ однимъ, тоже изъ незабвенныхъ моихъ товарищей, Екатерининскимъ капраломъ, типъ котораго въ настоящее время совершенно изчезъ; но о немъ я еще поговорю въ своемъ мѣстѣ.

Лучшія мѣста, посѣщаемыя нами, принадлежатъ гг. Ку.....мъ. Сколько отличныхъ полей и пріятныхъ воспоминаній! Мѣста эти были населены 20000 душъ—есть гдѣ развернуться!... Сборный пунктъ находился у стараго пріятеля скиляжника, въ 20 верстахъ отъ моего имѣнія. Пустой и небольшой флигель, выстроенный для пріѣзда его по хозяйству, оживлялся шумнымъ обществомъ во время полеванія; и хотя мы набивались въ него, какъ сельди въ боченокъ, но никто никогда не жаловался и не скучалъ; а когда мѣста бывали всѣ обобраны, то разставанье было грустное.

Однажды веселый хозяинъ повелъ насъ въ отъемную площадку, довольно узкую, тянувшуюся версты на двѣ, въ которой мы еще не бывали. Пять верстъ скоро были пройдены полями и мы подошли къ острову; островъ начинался круглой котловиной. Борзятники заѣхали; голосъ—напускать гончихъ былъ поданъ; доѣзжачіе заровнялись и запорскали; звонкій голосъ ловчаго раздался и покрывалъ прочіе голоса; гончія разсыпались и скоро послышалось: «къ нему!» и стая заревѣла по русаку взрячь. Пошла потѣха. Русаки побѣжали во всѣ стороны, и всюду началась травля; зайцовъ нашли гибель; травили все въ чистыхъ поляхъ.... Здѣсь сообщу объ одномъ замѣчательномъ случаѣ. Упомянутый мною

выше отставной Мелисинскій гусаръ, не имѣвшій своихъ собакъ, водилъ въ то время на сворѣ двухъ моихъ половыхъ кобелей, сыновей *Украсы*; мы были съ нимъ на одной сторонѣ. Одинъ изъ доѣзжачихъ привезъ мнѣ матераго русака, схваченнаго одной гончей на логовѣ за уши; мнѣ давно хотѣлось попробовать половыхъ, и потому, подозвавъ ветерана, я предложилъ ему отъѣхать въ сторону и посадить русака двумъ кобелямъ, бывшимъ у него на сворѣ, на что старикъ съ радостью и согласился. Мы условились, чтобы въ то время, когда я толкону лошадь въ противную сторону, русакъ былъ пущенъ, и чтобъ онъ травилъ его въ тихомолку, дабы не привлечь моихъ собакъ. Серьезный характеръ старика обнадеживалъ, что условіе будетъ выполнено, но случилось иначе. Я поскакалъ назадъ, русакъ былъ пущенъ и молодыя, еще не втравленныя, собаки заловили молодцами — и такъ бойко, что старикъ не выдержалъ и загоготалъ по своему. Собаки мои, разумѣется, на отуканье повернули назадъ, и такъ какъ поле было чистое, то картина травли открылась имъ какъ на ладони; натурально, онѣ замѣтались на помощь и приспѣли къ самой поимкѣ. Каково же было мое удивленіе: вижу русака въ зубахъ половыхъ кобелей, а мои собаки продолжаютъ скакать далѣе. Наконецъ пошли угонки и собаки

скучились. Посаженъ былъ одинъ русакъ, а пойманы два. Случилось такъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ пойманъ саженый русакъ, лежалъ другой и вскочилъ изъ-подъ ловившихъ кобелей въ самое то время, какъ подоспѣвали мои собаки; побѣжавъ въ сторону, онъ имъ открылся; онѣ его заловили и поймали. Чуда тутъ, конечно, никакого нѣтъ, но случай все таки довольно рѣдкій. Въ это же самое поле, русакъ, бѣжавшій на охотника, у котораго собаки лежали, ударился объ ногу его лошади и убился. Травли было очень много; помнится, что въ торокахъ висѣло около 30 русаковъ. Пройдя площадку, вся охота собралась; подъѣхалъ и скиляжникъ, прегнѣвный и съ жалобой на всѣхъ, что грѣхъ такимъ образомъ душить зайцевъ, потому что онъ въ это поле не затравилъ ни одного. Слѣзли съ коней, явились фляжки съ закуской и разсказами, кто какъ веселился. Въ это время увидали мы вдали охоту: кромѣ С. С. Ап....., не чьей быть. Хозяинъ нашъ сей часъ отправился къ ней на встрѣчу, и мы тоже поѣхали, оставивъ свою охоту на мѣстѣ, посмотрѣть собакъ, давно славившихся. Стаю нашли красивою. Балагуръ нашъ пустился въ распросы: гдѣ были? много ли травили? Вышло, что они брали часть нашихъ мѣстъ, и я какъ теперь помню слова чужаго ловчаго: „гдѣ мы прошли—какъ мет-

лой подмели.“ Нашъ болтливый хозяинъ предложилъ свалить стаи, чтобы составилось 100 собакъ. Но для этого нуженъ былъ большой островъ, а въ виду у насъ оставались только два отъема, и я не согласился. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей поѣхали посмотрѣть борзыхъ и послушать чужихъ гончихъ. Свою же охоту я услалъ въ логъ за версту и велѣлъ готовить обѣдъ. Знаменитыхъ гончихъ бросили въ ближайшій отъемчикъ: понеслись онѣ въ голоса, на пролетъ, въ другой близь лежащій отъемъ; тамъ погнали по русаку, выставили, кто-то затравилъ, тѣмъ и кончилась охота. Мы отправились обѣдать. Послѣ обѣда и небольшаго отдыха, не помню кто-то предложилъ взять острова, пройденные чужой охотой. Скиляжникъ говорилъ, что это значитъ терять попустому время, и увѣрялъ также, какъ и чужой ловчій, что въ пихъ ничего не можетъ быть; я почти соглашался съ нимъ. Многіе однако начали настаивать и большинствомъ рѣшено было взять острова. Чужая охота стояла въ то время на пригоркѣ, въ отдаленіи, какъ будто предчувствуя свой стыдъ. Гончихъ моихъ пометали и они погнали по своему; мы заѣхали и вывезли изъ двухъ отъемовъ 13 русаковъ и лисицу. Славный урокъ хвастуну чужому ловчему! На возвратномъ пути къ дому мы еще прошли площадью, еще

потѣшились, и всего въ это поле затравили 52 русака и лисицу. Хозяинъ нашъ цѣлый вечеръ ко всѣмъ придирался и твердилъ, что душить подобнымъ образомъ зайцевъ есть шкурятничество; онъ затравилъ одного прибылаго зайчишку, вся же травля была въ чистыхъ поляхъ. По этому случаю еще нельзя дѣлать заключенія, что чужая стая была плоха, но ловчій и доѣзжачіе были виноваты; собаки—молодыя, не нагоненныя, съ лежки, и, разумѣется, пронеслись; надобно было завернуть ихъ—и сраму бы не было.

Нѣсколько лѣтъ тѣшились мы въ этихъ мѣстахъ. Потомъ охота С. С. Ап..... перешла подъ управленіе скиляжника и онъ оттеръ насъ отъ мѣстъ. Въ послѣдствіи у него была уже своя стая; но ѣздилъ онъ мало, и то по близости своего дома, жалѣя тратить липній кормъ на собакъ и лошадей, и уподобился въ своихъ поступкахъ—собакѣ на сѣнѣ въ баснѣ Крылова. Къ намъ въ отъѣзды онъ пріѣзжалъ довольно часто. Странный, но забавный былъ старикъ; до конца жизни охотился и имѣлъ собакъ, но уже незавидныхъ.

Однажды, запоздавъ, возвращались мы въ его флигель. Было темно, хоть глазъ выколи; ѣхали почти ощупью, сомкнувшись, но къ счастью по знакомой дорогѣ; вдругъ слышимъ—видѣть было трудно—бор-

зыя за чѣмъ-то бросились; одинъ изъ товарищей моихъ, П. Шиш...., поскакалъ въ ту сторону, и когда мы уже, возвратясь, разоблачились, взошелъ въ комнату съ заячьимъ передкомъ; не забудьте, что гончихъ тутъ не было; надо полагать, что собаки ночью несовсѣмъ лишены зрѣнія.

Отъѣзды наши были такъ удачны, потѣшны и веселы, что къ намъ примыкали товарищи и изъ сосѣднихъ губерній, люди пожилые, полюя со мной недѣли три, четыре и болѣе. Доказательствомъ, что въ звѣрѣ недостатка не было и охота была потѣшная, былъ одинъ изъ этихъ иногородныхъ товарищей, кн. В....., пріѣзжавшій всегда съ большимъ парадомъ: самъ онъ и конь его были всегда въ богатыхъ уборахъ; собакъ менѣе шести въ сворѣ никогда не было у него. Прибывъ однажды въ извѣстный флигель, онъ повелъ остряка хозяина полюбоваться своими собаками; какъ у того, такъ и у другаго, въ сворѣ было по черной сукѣ (змѣйки). Вотъ мой князь, всегда восторженный, расхваливъ напередъ всѣхъ своихъ собакъ по очереди, обратился къ *снисходительному* зрителю, язвительная улыбка котораго предвѣщала намъ уже какую-нибудь остроту: „Ну, что скажешь о моихъ собакахъ?“ „Сыты, батюшка, ваше сіятельство!“ Вылупилъ мой князь глаза, которые и безъ того у него были на выкатѣ, и заревѣлъ: — Я тебя знаю

скипяжникъ: завтра же утру тебѣ носъ Змѣйкой, перестанешь хвастать своей!“ „Не боюсь, батюшка, я вашей собаки, она хоть и змѣйка, да безъ яду.“ Тутъ у князя показалась пѣна у рта, и напалъ онъ на старика, который ловокъ былъ уколоть, но не способенъ поддержать свою остроту; насилу мы успокоили сіятельнаго. На другой день, дѣйствительно, оказалось, что у княжеской Змѣйки яду не было. Никого старикъ не оставлялъ въ покоѣ, особенно если возвращался съ поля не съ пустыми тороками; подтрунить надъ протравившимъ охотникомъ была страсть его, и смѣху надъ жертвой было всегда въ волю. Незабвенный былъ онъ старикъ въ отношеніи охоты и невзыскательнаго мужскаго общества! Шутки его бывали хоть и остры, но не всегда приличны, а разсказы объ интригахъ очень смѣшны по изложенію; такихъ стариковъ нѣтъ болѣе въ нашемъ околодкѣ. Есть у насъ его родственникъ другаго поколѣнія, также говорливъ, такой же хохотунъ, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ; все, что имѣетъ, считаетъ лучшимъ, страстный охотникъ съ малолѣтства, но совершенно другихъ свойствъ и другаго образованія; и если старикъ покойникъ, когда призывали на защиту отечества въ 1812 году, плакалъ и отдѣлался, то племянникъ его, уже не молодой и не совсѣмъ здоровый, вызвался самъ на защиту оте-

чества *) и, въ настоящее время, переноситъ труды и лишенія храбрыхъ нашихъ защитниковъ.

Еще два оригинальныхъ лица составляли нашу компанію; одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ молодой, отставной военный, страстный охотникъ съ ружьемъ и собаками, долго жилъ у меня, охотился со мною и былъ орудіемъ многихъ смѣшныхъ сценъ. Онъ не только передразнивалъ людей, но звѣри и птицы отъ него не отдѣлывались. Это былъ живой дагерротипъ, онъ былъ очень не глупый малый, но, къ несчастью, какъ говорится, придерживался стекла, т. е. пилъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ бывалъ несносенъ. Другой нашъ товарищь, современникъ скиляжпику, былъ нѣсколько помѣшанъ и также чрезвычайно забавенъ. Страсть къ крѣпкимъ напиткамъ уходила и его прежде времени. Чудакъ этотъ былъ капралъ Екатерининскихъ временъ, никогда не служившій. Ума онъ не имѣлъ никогда, въ молодости жилъ въ Петербургѣ и въ послѣдствіи разными продѣлками родныхъ своихъ братьевъ былъ сбитъ совершенно съ толку. Въ этой-то слабой головѣ, все имъ видѣнное и слышанное смѣшалось какъ винигретъ, и выходили разсказы до слезъ смѣшные. Онъ полагалъ, напримѣръ, что гвардіи капралъ, тоже, что полковникъ

*) Это было въ 1855 г., когда была война.

арміи; что въ прошломъ столѣтіи въ гвардіи было 50000 барабанщиковъ; что матушка царица въ театрѣ метала банкъ и всякую талію мѣняла карты, а фрейлины, сидя въ ложахъ, чекотали какъ сороки. Ему даже представлялось, что онъ ходилъ въ караулъ, хотя въ то время онъ былъ еще ребенкомъ. Онъ видѣлъ все въ превратномъ видѣ и выходилъ изъ себя когда возражали ему. Такъ былъ онъ убѣжденъ въ своихъ воспоминаніяхъ! Его можно было увѣрить во всевозможныхъ нелѣпостяхъ Старикъ любилъ выпить и при умѣренномъ употребленіи былъ не замѣнимъ, особенно съ вышеупомянутымъ Ш... и скиляжникомъ, которыхъ онъ любилъ, а послѣдняго даже побаивался; и несмотря на истязанія, которымъ подвергался отъ нихъ, былъ къ нимъ привязанъ. Понятія у него были собственныя свои, и онъ безпрестанно напоминалъ, что онъ *благородный дворянинъ;* за старшаго брата и отца готовъ былъ драться со всякимъ. Перваго онъ иначе не называлъ какъ: *братецъ, покойникъ папенька, Царство ему Небесное.* „Папенька“ прибавлялся потому, что чудакъ жилъ у своихъ племянниковъ; за старшимъ изъ племянниковъ мы очень ухаживали, потому-что иначе старика трудно было къ себѣ залучить. Капралъ былъ страшный охотникъ до чужихъ писемъ, которыя разбиралъ по складамъ, не понимая, разумѣется, ихъ

содержанія. И весь этотъ хламъ хранился у него въ сундукѣ какъ драгоцѣнность. Однажды братъ чудака отдалъ ему полученное письменное приглашеніе на крестины отъ пріятеля своего и товарища по охотѣ, котораго капралъ нашъ очень любилъ. Письмо это онъ носилъ въ боковомъ карманѣ. Бывъ съ двумя пріятелями на охотѣ и травивши русака, старикъ потерялъ арапникъ, перчатки и шашку. Когда же братъ началъ бранить его за растерянныя вещи, онъ отвѣчалъ: „помилуйте, братецъ, русакъ былъ матерый, клочья летѣли, какъ же не растерять!“ Тутъ другой охотникъ Ло..... спросилъ его: а цѣло-ли письмо? Испугавшійся старикъ началъ себя обыскивать, и найдя письмо, перекрестившись, прибавилъ: „слава Богу отыскалось!“

Нѣсколько разъ выкрашивали единственную собаку, принадлежавшую чудаку, и вновь дарили ему ее; онъ никогда не узналъ собаки и удивлялся ея ласкамъ. Какъ скоро въ его желудокъ попадало рюмки три настойки, то лицо дѣлалось какъ бы калейдоскопомъ: безпрестанно измѣнялось и представляло рядъ самыхъ смѣшныхъ каррикатуръ. Онъ былъ большой волокита, готовый всю ночь шàтаться и, разумѣется, всегда безъ успѣха. Случилось, что, ѣздивъ на порошу съ своимъ племянникомъ, котораго онъ называлъ Валдайскимъ красавцемъ,

онъ во время тумана отсталъ отъ охотниковъ и прибился на мельницу, верстахъ въ трехъ отъ своего жилья; посланы были охотники отыскивать его и звать въ рога: капралъ не отыскался. На другой день онъ явился, и при вопросѣ; „гдѣ вы были? и неужели не слыхали роговъ?„ отвѣчалъ: какъ не слыхать, Митькинъ рогъ слышалъ. „Для чего же вы не пріѣхали на зовъ?“ Тутъ мой капралъ разсердился и закричалъ: глупъ ты не глупъ, развѣ я собака, чтобы на рогъ валиться?... Рожденіе его было въ сентябрѣ; лѣта же свои онъ считалъ съ 1 января. О нѣкоторыхъ частяхъ тѣла не говорится въ обществѣ, особенно въ обществѣ дамъ, но говоря о собакахъ чудакъ упоминалъ и объ сокровенныхъ членахъ, а когда его за это бранили и говорили, что это неприлично, то онъ стоялъ на своемъ, утверждая, что о собакахъ это говорить можно, и никто не могъ разувѣрить его. Нѣсколько лѣтъ ходилъ онъ съ нами по болотамъ: вмѣсто дроби ему въ патроны насыпали, бывало, сѣрую горчицу, и онъ оставался совершенно доволенъ, принимая ее за дробь: вкуса и осязанія у него совершенно не было. Однажды кто то его поподчивалъ дегтемъ съ вишнями; онъ съѣлъ двѣ ложечки и хотѣлъ взять уже третью, но я остановилъ его, сказавъ, что это деготь; чтобъ удостовѣриться, онъ попробовалъ од-

нако еще и тогда уже только началъ ругать подчивавшаго. Другой разъ, сотоварищь его по рюмкѣ Ш.,..., поджигалъ ему трубкой носъ, который былъ прездоровый; я оттолкнулъ мучителя и спросилъ капрала: неужели онъ не чувствуетъ, что его жгутъ? Онъ побѣжалъ къ зеркалу, и, когда увидалъ порядочную обжогу, разразился бранью на своего всегдашняго истязателя; но ссора между ними, по обыкновенію, продолжалось не долго: до первой рюмки. Чудакъ всѣмъ давалъ свои прозванія; „скиляжникъ“, мѣтко данное одному общему нашему пріятелю, было принято всѣми его знавшими. Какъ ни простъ былъ нашъ капралъ, но умѣлъ распознавать слабости его окружавшихъ; здоровье онъ имѣлъ желѣзное, даже и въ преклонныхъ лѣтахъ, и не дожилъ своего вѣка, потому что его простудили непозволительными шутками, а когда узнали о его болѣзни, то помощь уже опоздала. Капралъ былъ избранъ (въ шутку) въ засѣдатели, и отъ души этому вѣрилъ, и бѣда, бывало, тому, кто осмѣливался сомнѣваться. Хорошо также разсказывалъ о своемъ отцѣ, какъ тотъ живалъ и какъ ихъ воспитывалъ. По словамъ чудака, на званномъ обѣдѣ вышло у нихъ разъ 40 пудъ сахару; когда же начали опровергать это, то онъ вздумалъ доказывать тѣмъ, что обѣдало въ этотъ день 40 человѣкъ, и что все было на са-

харѣ. Кто-то спросилъ:—какъ же васъ воспитывали? „Все на сладкомъ“, отвѣчалъ капралъ. Неужели же васъ ничему не учили? «Вотъ прекрасно: учили языкамъ и всему!» Отчего жъ ты говоришь все по-русски? Тутъ оригиналъ отвѣчалъ нѣжнымъ голосомъ: «маменька насъ любила, сжалилась, пришла къ папенькѣ и сказала: не вели, батюшка, дѣтямъ языки ломать,—папенька и согласился... Ну былъ ли у тебя такой отецъ?“ продолжалъ онъ, возвыся голосъ и обращаясь къ спрашивавшему.... Капрала называли шутомъ и ошибочно: все что онъ ни дѣлалъ, все, что ни говорилъ, говорилъ и дѣлалъ пресерьзно, и потому никогда не надоѣдалъ. Я видалъ знаменитыхъ столичныхъ шутовъ; но не желалъ бы встрѣтить ихъ вторично. Наивность и составленныя понятія у нашего капрала превосходили всѣ умныя выходки шутовъ по ремеслу. Я зналъ очень умныхъ, почтенныхъ и свѣтскихъ людей, до слезъ хохотавшихъ при встрѣчѣ съ нашимъ чудакомъ. Вотъ еще одно изъ его сужденій: я, по приглашенію, привезъ его къ одной молодой, красивой барынѣ, которая усадила его возлѣ себя; но на этотъ разъ онъ былъ скученъ и не разѣвалъ даже рта, потому что не успѣлъ приложиться къ рюмочкѣ, и я ни какъ не могъ разшевелить его. Возвратясь домой, я спросилъ: какъ нашелъ онъ хозяйку? «Бозюсь Богомъ,

красавица, а по французски какъ говоритъ!» Какъ же? спросилъ я: „Повѣрите ли, совсѣмъ усыпила!“—и онъ думалъ сказать этимъ высшую похвалу. Хорошъ былъ капралъ также съ Ш ....., когда послѣдній переводилъ ему басни Лафонтена. Надо замѣтить, что переводчикъ и самъ не зналъ языка баснописца, а составилъ себѣ какой-то ломанный, и переводъ подводилъ подъ фирму, сочиняя въ тоже время, по картинкамъ, и содержаніе; безъ картинокъ капралъ не сталъ бы и слушать, хотя одна изъ нихъ, по содержанію своему (ссора и драка), обходилась ему всегда дорого. Переводчикъ, въ жару импровизаціи, увлекался до того, что дѣло кончалось подзатыльникомъ слушателю; зареветъ и начнетъ ругаться, бывало, нашъ капралъ, но гнѣвъ, а нерѣдко и слезы проходили, какъ скоро чтецъ показывалъ ему картинку съ изображеніемъ дерущихся. „Правъ, точно правъ, поршакъ! (переводчика звали Порфиріемъ):—поглядите, на картинкѣ есть.»

Говоря о чудакѣ, я отдалился отъ одного изъ главныхъ предметовъ моихъ разсказовъ — ружья, собакъ и болота; пора поговорить и о нихъ, особенно о болотахъ, окружающихъ нашъ уѣздный городъ. Тутъ я увидалъ *Шляхтича*, а хозяинъ его, молодой дворянинъ, вызвался познакомить меня съ

болотами, что и исполнилъ блестящимъ образомъ. Я помню, и журналъ мой также свидѣтельствуетъ, что въ три дня я убилъ на свое ружье 102 штуки. Въ одно изъ этихъ полей было убито 63 пары, да навѣрное столько же разлетѣлось, а, можетъ быть, и гораздо болѣе; бекасы отъ выстрѣловъ подымались стадами. Въ послѣдствіи я записалъ моего вожаку въ службу, а Шляхтичь достался мнѣ: онъ былъ отъ моихъ же собакъ. Какъ все измѣнилось теперь! тѣни нѣтъ прежнихъ мѣстъ и прежняго изобилія дичи. Одного болота доставало на цѣлый день, на пять, на шесть ружей. Чего не было тогда? водились даже въ полевыхъ болотахъ тетерева и куропатки. Но все это уже давнопрошедшее. Въ одномъ изъ этихъ болотъ (лѣсномъ) бивали паръ по 45 дупелей. Кругомъ его были мѣста для тетеревей и куропатокъ, которыхъ находили очень много. Послѣднія часто взлетали изъ-подъ экипажей, когда мы возвращались па отдыхъ, и пальба вновь загоралась. Мѣста эти теперь расчищены, и одно-дворцы препокойно кушаютъ хлѣбъ, собираемый на болотахъ и замѣнившій дичь. Мнѣ пришелъ на память одинъ удачный вѣстрѣлъ; мы ѣхали на длинныхъ дрогахъ, сидя по обѣ стороны. Мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ однимъ отличнымъ стрѣлкомъ, которому я обязанъ Быковскимъ ружьемъ; онъ те-

перь вторично защищаетъ отечество, сражавшись и противъ полчищъ Наполеона I въ 1813 году. Въ настоящее время онъ принялъ начальство надъ дружиной и охраняетъ въ числѣ прочихъ Перекопъ. Когда мы проѣзжали мелочами, то изъ-подъ лошадей вылетѣлъ на нашу сторону выводокъ тетеревей: мигомъ соскочили мы и убили по парѣ.... Въ другой разъ я ѣхалъ на тѣхъ же дрогахъ съ своими егерями по мелочамъ около болота; вдругъ слышу сзади шумъ взлетѣвшихъ тетеревей; соскочить съ дрогъ, взвести курки, обернуться, приложиться и повалить двухъ старыхъ чернышей однимъ зарядомъ было дѣломъ мгновеннымъ. (Тетерева не дожидались, дробь была бекасинная и дистанція огромная). Каково было ружье! Покойникъ Ваксель, пробовавши, разцѣловалъ его. Разъ также я выбилъ изъ небольшой стаи чирятъ пару на 120 шаговъ, почти не цѣлясь. Странно, что до сихъ поръ я не могу стрѣлять сидячую птицу, т. е. не могу долго цѣлиться; и вотъ примѣръ моей быстрой стрѣльбы: я шелъ по срединѣ рукава большаго болота; два егеря слѣдовали по окраинамъ его; изъ подъ каждаго, одновременно, вылетѣло по бекасу; не успѣли они вскинуть ружей какъ я уже повалилъ бекасовъ. Егеря сняли картузы и поклонились (стрѣляли они оба очень хорошо).

Многіе или немногіе любопытные, читая эти

строки, можетъ быть, скажутъ: какое дѣло намъ, скоро ли авторъ вскидывалъ рýжье, или не скоро? но какъ разсказъ мой большей частью составленъ изъ случаевъ обыкновенныхъ, то строгіе читатели, вѣроятно, не станутъ сердиться за мои воспоминанія; молодые страстные охотники, если и не найдутъ въ моемъ разсказѣ чрезвычайно любопытнаго, за то не встрѣтятъ также въ немъ и неправды, отъ которой рѣдкій охотникъ можетъ воздержаться. Есть даже французская поговорка: bon chasseur un peu menteur, т. е. хорошій охотникъ немного лгунъ; послѣдніе однако довольно рѣдки; покрайней мѣрѣ, мнѣ достается встрѣчать болѣе нахальныхъ, нежели маленькихъ лгуновъ. Говоря о стрѣлкахъ, которые стрѣляли почти постоянно хорошо, я долженъ упомянуть о слѣдующихъ: Коз....., Мол....., Кост....., Ос.....; если я говорю иногда про нѣкоторые свои выстрѣлы, то единственно какъ объ исключеніи: въ стрѣльбѣ я въ задней шеренгѣ, но билъ всегда не менѣе другихъ, потому что терпѣливо добывалъ дичь, не зналъ усталости и не покидалъ найденную птицу, покуда она не попадала въ мой яхдташъ.

Не могу исключить изъ моего разсказа одного отличнаго поля, взятаго близъ дома: разъ я неосторожно позавтракалъ, такъ неосторожно, что вынужденъ былъ послать за докторомъ; въ это время го-

стилъ у меня короткій мой пріятель, большой охотникъ; онъ отпросился еще съ двумя, также жившими у меня, стрѣлками въ нетронутое болото на вечернее поле. Тогда употреблялись еще патронташи и съ ними неразлучные кремни. Охотники дали мнѣ слово не брать на ружье болѣе 24 патроновъ,—хотя послѣ и покаялись, что взяли по 48. Тяжело мнѣ было отпустить злодѣевъ на подвигъ; я отпивался мятой, а они крошили дупелей. Къ захожденію солнца тріумвиратъ возвратился и выложилъ изъ яхдташей 78 дупелей и бекасовъ, разстрѣлявъ всѣ заряды. Зрѣлище это, какъ специфическое лекарство, исцѣлило меня мгновенно, хоть я, помнится, также какъ и скиляжникъ, называлъ это душегубствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ горѣлъ нетерпѣніемъ превзойти товарищей въ кровопролитіи. Цѣлый вечеръ прошелъ въ толкахъ о прошедшей и предстоящей охотахъ на завтра. Микстура полетѣла въ окошко, патроны набивались, кремни справлялись. На другое утро все поднялось и отправилось на вчерашнее болото: подъѣхавъ къ мѣсту, мы соскочили съ дрогъ и разровнялись по сухому, кочковатому выгону, находящемуся между двухъ селъ, видныхъ теперь съ моего балкона. Пройдя менѣе версты, мы сошлись на мельницѣ и, обревизовавъ яхдташи, нашли въ нихъ 50 дупелей, за упокой которыхъ и выпили. Когда

мы перебрались черезъ плотину и часть конопляника, то глазамъ нашимъ открылось одно изъ лучшихъ въ старину болотъ, покрытое свѣжей атавой. Мы развернули фрунтъ; я былъ на правомъ флангѣ; *Фельдманъ* мой заискалъ и шомполъ не переставалъ прибивать новые пыжи, а яхдташъ наполняться дупелями. Опять пройдено было не болѣе версты, опять собрались мы, но уже не къ мельницѣ, а къ палаткѣ и къ выѣхавшей съ обѣдомъ кухнѣ; опять осмотрѣли яхдташи, въ которыхъ оказалось еще 60 дупелей. Тутъ кафтаны полетѣли долой, бутылки зазвенѣли и отдыхъ, т. е. непрерывающійся говоръ, споръ и хвастовство были продолжительны. Обѣдъ былъ съѣденъ исправно, выпито еще лучше. Нѣкоторые товарищи отъ утомленія, а, можетъ быть, и отъ частаго употребленія тостовъ, храпѣли, добивая во снѣ улетѣвшихъ долгоносыхъ. Наконецъ, видя, что солнце уже низко, скомандовалъ я: „вставай!“ и ватага поднялась на ноги, которыя не у всѣхъ еще были тверды, но отставать никому не приходилось. И какъ ни плохо стрѣляли мы послѣ обѣда, но убили еще 26 штукъ, и съ 136 вернулись пить чай на скромномъ моемъ балкончикѣ, отъ котораго въ настоящее время не осталось и щепокъ. Болото также давно не существуетъ, и одни лишь турухтаны и нѣсколько улитъ выводятся и слетаютъ на

него въ половинѣ іюня, а въ іюлѣ по болоту поѣзжай хоть въ каретѣ. Въ это давнопрошедшее лѣто взяли мы въ немъ и на выгонѣ навѣрно паръ 200 пиневъ, большей частью дупелей. Часто также посѣщали мы другое болото, въ родѣ перваго, но въ настоящее время тоже несуществующее. Въ одинъ прекрасный день отправились мы въ него съ вѣрной надеждой на успѣхъ, иначе въ тѣ блаженныя времена и не бывало. Хоть и говорятъ, что всегдашній успѣхъ производитъ пресыщеніе, но едвали страстный охотникъ согласится съ этимъ. Прибывъ къ мѣсту, прошли мы чуднымъ, потнымъ, луговымъ бугромъ, перепрыгнули рѣчку и потянулись къ мельницѣ, принадлежащей нашему товарищу, явившемуся въ наши мѣста съ разсказами о своихъ охотничьихъ подвигахъ подъ Питеромъ, въ подтвержденіе которыхъ онъ напропалую пуделялъ. Въ послѣдствіи разскащикъ сдѣлался славнымъ стрѣлкомъ и пріятнымъ товарищемъ. На его-то мельницу взяли мы направленіе, къ ожидающему насъ обѣду. Мельница строилась, двухъ-этажный срубъ торчалъ въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ высокой плотины; извилистый узоръ молодаго дубняка окаймлялъ прудъ; двѣ большія рощи, какъ будто стражи, караулили его. Мѣстами, по берегамъ озера, росъ высокій тростникъ; дикія утки, испуганныя нашимъ появленіемъ, пере-

летали на середину воды или прятались въ тростникѣ; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ выстрѣловъ, мы ихъ оставили въ покоѣ. Собравшись около очага, надъ которымъ хлопоталъ поваръ, а лягавыя собаки облизывались въ ожиданіи подачки, полѣзли мы къ яхдташи и каждый выбросилъ свою добычу. Тутъ находился кругъ, на которомъ намѣревались устроивать мельничное колесо; одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ забавлялся раскладываніемъ на кругу дупелей, и намъ представился огромный вѣнокъ изъ нихъ, состоявшій изъ 52 штукъ, убитыхъ въ утреннее поле. Картина пріятная, особенно для молодаго охотника. Голосъ повара: „кушанье готово“ оторвалъ насъ отъ этого зрѣлища. Истребленіе обѣда продолжалось не долго, хотя остатковъ оказалось не много. Лѣнтяи начали помышлять, гдѣ бы отдохнуть; нѣкоторые предложили перебраться въ новый мельничный срубъ, къ которому вела не широкая и гибкая доска. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Не желая остаться одинъ, рѣшился и я полежать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помѣшать спать товарищамъ: но перебраться по гибкому и узкому пути не рѣшился; наконецъ я сѣлъ верхомъ на доску и кой-какъ переправился. Общій сонъ и храпѣнье нѣкоторыхъ усыпили и меня; все предалось покою, и послѣ громкихъ выстрѣловъ и охотничьихъ голосовъ послѣдовала тишина. Какъ долго

продолжалась тишина этого не могу сказать. Вдругъ чувствуемъ мы потрясеніе и слышимъ оглушительный ударъ, сопровождаемый раскатами грома; всѣ вскочили на ноги; блескъ молніи объяснилъ дѣло. Сначала намъ показалось, что ударъ упалъ въ мельницу, и потому всѣ мы, опрометью, бросились вонъ изъ сруба, и я уже перебрался по доскѣ не верхомъ, какъ прежде, а просто перебѣжалъ по ней. Насъ встрѣтилъ и освѣжилъ дождь, и мы поблагодарили Бога, что такъ дешево отдѣлались. Саженяхъ въ 50 увидали мы разщепанную молніей березу. Не помню хорошенько, охотились ли мы вечеромъ, но знаю, что, вернувшись домой, помышляли о завтрашнемъ полѣ. Давно я не посѣщаю этого болота. Случилось мнѣ и въ другой разъ поплатиться за невоздержность: отъ сильнаго индижестія валялся я на постояломъ дворѣ, изъ оконъ котораго открывалось описанное выше болото. Товарищи мои вели неумолкаемую перестрѣлку, а я страдалъ морально и физически; принесенные же 40 дупелей на этотъ разъ не излечили меня. Переѣхавъ къ пріятелю и стрѣлку, жившему по близости, я и на другой день не могъ участвовать въ охотѣ, и опять долженъ былъ глазѣть на принесенную полсотню разной дичи. Заслуженное, но несправедливое наказаніе за обжорство! Другимъ сошло же съ рукъ!

Въ прежнія времена дупеля у насъ показывались въ началѣ іюня, теперь въ концѣ іюля. Я не думаю, чтобъ измѣнилось время высыпки, и скорѣе полагаю причиной этого другія условія: выводныя мѣста почти уничтожились, и, слѣдовательно, ранняго, мѣстнаго вылета дичи нѣтъ. Относительно вальдшневъ тоже самое: прежде они вылетали какъ скоро принимались брать коноплю, теперь же лѣса истребляются и птица эта показывается въ нашихъ мѣстахъ не ранѣе 20 чиселъ сентября, когда уже начинается общій пролетъ; прежде если и найдешь, то всетаки не много. Постоянно охотиться осенью за вальдшнепами началъ я тогда, когда страсть къ псовой охотѣ стала остывать, и эта задорная птица совершенно ее доканала. Въ настоящее время, при плохомъ здоровьѣ, необходима хорошая погода для охоты. Боязнь простудиться нерѣдко отклоняетъ отъ нея, особенно когда плохъ вылетъ; безъ надежды на успѣхъ страшно рисковать здоровьемъ. Прійди такой годъ какъ 1851, то всѣ страхи и разсчеты полетятъ въ сторону, и мы не отстанемъ отъ молодежи, если доживемъ до осени.

Возвратимся къ псовой охотѣ. Разсказъ свой я началъ съ собаки, пристрастившей меня къ ѣздѣ съ борзыми. Читатели-охотники изъ этого поймутъ, что *Цальванъ* былъ крѣпко рѣзовъ. Обыкновенная со-

бака не превратила бы мою антипатію къ псовой охотѣ въ страсть.

Послѣ сильныхъ мятелей, надувшихъ страшные субои, когда и съ моей пылкой страстью помышлять о травлѣ было нельзя, прибѣжали мнѣ сказать на зарѣ, что волкъ зарѣзалъ въ околицѣ свинью. Въ то время у меня былъ той же породы злобный кобель *Пылай*, и нанималъ я тогда молодца охотника, принадлежавшаго скиляжнику. Травить было нельзя, скакать тоже, но я все таки велѣлъ сѣдлать. Мигомъ мы втроемъ очутились на коняхъ; на сворѣ было два кобеля. Лошади въ то время у моихъ охотниковъ были плохія; подо мной же находился славный донецъ. Бросились мы къ околицѣ. Вотъ открылся и волкъ; выпустилъ я коня, собаки за мной, но сѣрый другъ, позабывъ свой завтракъ, удиралъ во всѣ лопатки. Поле уподоблялось взволнованному морю: субой слѣдовалъ за субоемъ, и звѣрь безпрестанно скрывался отъ меня, какъ будто нырялъ. Псы мои, скакавъ за лошадью, не видали его. Версты три я гнался за волкомъ и не успѣлъ показать его собакамъ. Наконецъ подошли мелоча, субои стали крѣпче, и я съ конемъ загремѣлъ черезъ голову. Ушибиться отъ изобилія снѣга было нельзя. Тутъ догнали меня борзятники и, какъ слѣдовало страстнымъ охотникамъ, оставивъ барина на субояхъ, увя-

зались за волкомъ, который отъ встрѣтившагося ему обоза свернулъ съ дороги и покатилъ по болоту. Скоро все отъ меня скрылось, и я, поймавъ лошадь, потащился на постоялый дворъ. Вскорѣ подъѣхали мои сани, въ которыхъ находился сосѣдъ, подарившій мнѣ *Пальвана* и въ то время ночевавшій у меня. Что я проскакалъ три версты, что полетѣлъ черезъ голову—все это можно бы было разсказать въ двухъ словахъ; но на разсказъ пошелъ добрый часъ. А охотниковъ все нѣтъ. Какъ уѣхать, не узнавъ чѣмъ кончилось преслѣдованіе? Рѣшились дождаться. Не знаю долго ли мы ждали, но помню, что въ избу не пошли, а зябли на дорогѣ. Вдругъ съ другой стороны замелькали шапки верховыхъ. Это они! закричали мы оба; но этого было недостаточно, намъ хотѣлось знать, гдѣ волкъ: въ торокахъ или ушелъ. Сердце билось сильно. Я лупилъ глаза, потому что люди открылись только по поясъ. Ѣхать на встрѣчу и въ голову не пришло, да и страшно: ну какъ попустому? Ждемъ, не дождемся. Наконецъ видимъ, что въ торокахъ что-то виситъ, но различить предмета по дальности разстоянія не можемъ, да къ тому же и въ глазахъ затуманилось. Кто травилъ перваго волка, тотъ пойметъ это. Вдругъ товарищъ бросается мнѣ на шею, поздравляетъ, божится и кричитъ, что волкъ затравленъ, но мнѣ все кажется,

что въ торокахъ русакъ, не смѣю вѣрить даже глазамъ своимъ. Охотники же, какъ нарочно, ѣдутъ шагомъ, еще болѣе увеличивающимъ сомнѣніе. Наконецъ я сталъ кричать, чтобъ они ѣхали скорѣе, потому что положеніе мое сдѣлалось невыносимо. Пульсъ бился вдвое сильнѣе нормальнаго. Охотники поддали сколько у лошадей было силъ, и тогда уже я разглядѣлъ, что въ торокахъ находился не русакъ. Говорить охотнику, что происходило тогда внутри меня, было бы лишнимъ. Я опрометью бросился на встрѣчу къ побѣдителямъ, и явственно увидалъ сѣраго хищника, болтавшагося по обѣ стороны Астафова сѣдла. Звѣрь былъ матерѣйшій, съ одними только клыками, остальные зубы отъ старости пріѣлись. Начались распросы: какъ и что? Вотъ какъ было дѣло. Волкъ открылся кобелямъ на чистомъ болотѣ, они возрились, заловили и остановили волка. Прежде всѣхъ прискакалъ бывшій отцовскій охотникъ, съ лошади долой и ножъ въ бокъ звѣрю, но волкъ вырвался, выдернулъ зубами изъ боку ножъ и пустился было бѣжать; но одинъ изъ бывшихъ кобелей остановилъ звѣря, схвативъ за ногу. Сѣрого друга растянули и на этотъ разъ ножъ въѣхалъ уже подъ лопатку; такъ былъ затравленъ въ мою охоту первый волкъ.

Не помню, подъ конецъ зимы я куда-то уѣхалъ

(тогда уже было у меня 10 гончихъ). Возвращаюсь и вижу на стѣнѣ въ лакейской преогромную волчью шкуру. (Въ старину развѣшенныя шкуры краснаго звѣря были обыкновеннымъ украшеніемъ передникъ, хотя запахъ отъ этихъ украшеній былъ не совсѣмъ благовонный). Первый вопросъ мой былъ: что это за шкура? „Затравили!“ Кто? „Иванъ.“ Давай его сюда. Иванъ явился. Какъ было дѣло? „А вотъ, изволите видѣть, батюшка, пришелъ звѣрь озарничать, зарѣзалъ свинью, только не нашу, а Павловскую (очень нужно было мнѣ знать въ то время чья, когда я всѣхъ свиней отдалъ бы за одного волка). Сѣлъ я на лошадь, взялъ *Пылая* и *Пальвана*, да смычокъ выжлецовъ на подмогу, заѣхалъ звѣря отъ большой дороги и улюлюкнулъ.“ Волкъ бросился въ деревню, пробѣжалъ улицой и въ кусты (гдѣ теперь мой паркъ), перепрыгнулъ черезъ рѣчку, собаки за нимъ, охотникъ оборвался въ ручьѣ и не могъ черезъ него перебраться. Весь измоченный обскакалъ кругомъ села и выѣхалъ на большую дорогу къ Воронцову; но слѣдъ какъ волка, такъ равно и собакъ уже простылъ. Охотникъ началъ звать въ рогъ и, недозвавшись, вернулся домой. Часа черезъ два явились и собаки съ окровавленными щипцами. На другой день поѣхали искать волка по слѣдамъ и крови; зашли сперва на базаръ порас-

просить пріѣзжихъ сосѣдей, невидалъ ли кто изъ нихъ звѣря. Глядь, Новосельскій мужикъ продаетъ волчью шкуру. Шкура сырая, загривина и ошеекъ прокусаны, хоть пальцы суй. Охотники къ мужику: гдѣ взялъ шкуру? Это волкъ, долженъ быть, нашъ; наши собаки поймали. Отправились всѣ въ контору, и дѣло объяснилось. Продавецъ увидалъ въ полѣ, противъ своей деревни, собакъ таскающихъ что-то и подумалъ—не свинью ли теребятъ. Прибѣгаетъ и находитъ заѣденнаго волка, которымъ забавлялись побѣдители его. Онъ отогналъ собакъ, притащилъ волка домой, выпоролъ изъ него шесть волченятъ, потому что это была волчица, снялъ шкуру и на другой день отправился на базаръ продавать ее. Мужика, разумѣется, напоили водкою и дали ему денегъ, чѣмъ онъ остался совершенно доволенъ. И этотъ-то трофей встрѣтилъ меня въ передней. Многіе охотники со мной споривали, что безъ ножа одной собаки матераго волка не усыпятъ; но приведенный выше примѣръ доказываетъ, что не только могутъ усыпить, а даже и совсѣмъ загрызть. Впрочемъ и *Пылаевъ* было не много; онъ даже ѣлъ волчье мясо какъ заячье. Мертвая была на волка собака! Въ послѣдствіи у меня бывали волкодавы, можетъ быть, и ловчѣе *Пылая*, но такой продолжительной злобы я никогда не встрѣчалъ. *Пылай* былъ

совершенная мордашка. Былъ у меня еще удивительный по ловкости своей, мухортой шерсти, небольшой кобель—*Мазанъ*. Онъ иначе не принималъ волка какъ въ горло, и разъ мы, изъ любопытства, смотрѣли на часы, чтобъ узнать какъ долго будетъ онъ держать волка вдвое больше себя, и *Мазанъ* держалъ, въ одиночку, битыхъ четверть часа. Потрясетъ волка такъ, что слышно какъ зубами стучитъ, отдохнетъ немного, не покидая однакожъ горла своего врага, такъ что волкъ только болтаетъ *полѣномъ*, не дѣлая никакого сопротивленія, и опять примется трясти сѣраго. *Мазана* я купилъ за 50 р. ассиг. въ Тульской губерніи. Въ собакѣ этой злоба соединена была съ пруткостью.

Я любилъ не только травить волковъ, но и принимать ихъ: мнѣ часто удавалось прежде охотника приспѣть и всадить кинжалъ въ звѣря или зарубить его.

Я слышалъ, не знаю справедливо ли только это, что въ Воронежской губерніи существуютъ особыя правила, какъ принимать волковъ. Надо поймать звѣря за полѣно и всунуть кинжалъ въ задъ, по вынутіи котораго волкъ издыхаетъ. Правило это имѣетъ основаніемъ будто бы то, что оно безопасно, потому что, по принятому мнѣнію, волкъ не можетъ извернуться. Что касается лично до меня,

то я рѣзалъ, кололъ и рубилъ волковъ какъ попало, и промаховъ не было.

Разъ мнѣ случилось затравить волка въ лѣсу; какъ я проскочилъ сквозь сплетшіеся кусты — не знаю, потому что назадъ я не могъ пробраться и долженъ былъ объѣзжать. Когда я прибѣжалъ къ сворѣ своей, которая держала волка, онъ встряхнулся и бросился ко мнѣ въ ноги, я его хватилъ кинжаломъ по спинѣ такъ, что разсадилъ ее до половины реберъ и волкъ покатился мертвый. Въ нѣсколькихъ шагахъ находилась крѣпь—гдѣ жь тутъ было за хвостъ ловить. Систематически придуманное не всегда удается.

Я знаю одного бывшаго страстнаго охотника до краснаго звѣря. Зимой съ охотниками онъ загаивалъ, бывало, волковъ на лошадяхъ. Дѣло состояло въ томъ, чтобъ не пускать звѣря на дорогу; а какъ баринъ стоялъ на ней и не сворачивалъ, то естественно, что звѣрь бѣжалъ къ нему прямо въ ноги. Кинжалъ у барина былъ здоровенный, и всякій другой на его мѣстѣ, разумѣется, соскочилъ бы съ лошади и, еслибъ не зарубилъ звѣря, то все-таки, покрайней мѣрѣ, сбилъ бы его съ дороги; но мой П. П. далъ волку дорогу, своротивъ самъ съ дороги, и волкъ ушелъ. Когда другіе охотники спросили его: зачѣмъ это онъ сдѣлалъ, то онъ отвѣ-

чалъ: „вотъ прекрасно, а почемъ я знаю, что было у него на умѣ!“

Нашъ общій пріятель П. П. былъ страстный охотникъ; охота его была въ порядкѣ; ѣздокъ онъ былъ неутомимый, но немного безтолковый, особенно когда, бывало, мелькнетъ лисица; тутъ онъ сходилъ съ ума, скакалъ, мѣшался и терялся. Собакъ своихъ сбивалъ онъ до того, ѣздивъ безъ дневокъ, что онѣ едва таскали ноги. Изъ острова онъ отходилъ обыкновенно съ половиной стаи; другая, по его словамъ, подвалится; только и слышно, бывало, что „ношелъ!“ Сколько съ нимъ случалось смѣшныхъ происшествій. Но я пишу о своей охотѣ, да и пріятель мой переѣхалъ уже собакъ и завелъ семейство. Собаки у него были добрыя. Мы съ нимъ не разъ съѣзжались, но не разставались, какъ съ описаннымъ выше сосѣдомъ.

Но пора сказать и о Глѣбовской стаѣ, купленной мною въ концѣ 1823 года, что составило съ бывшими у меня прежде до 100 собакъ. Владѣлецъ этой стаи по нѣкоторымъ обстоятельствамъ вынужденъ былъ съ нею разстаться, и вѣрно не безъ слезъ. Мнѣ посчастливилось пріобрѣсть ее. Многіе зарились на стаю, но я предупредилъ. 48 собакъ привели мнѣ позднею осенью. Давъ имъ немного вздохнуть, всѣ со мною охотившіеся съѣхались познакомиться

съ ними. Флигель скиляжника вновь оживился. Молодая и шумная компанія собралась погарцовать въ поляхъ и островахъ. Осень стояла чудесная, и всякій жаждалъ послушать давно уже прославленную стаю. Рано утромъ мы были на коняхъ; острова подъ руками и въ звѣрѣ недостатка небыло. Слова: *поди-поди поровняйся* заставили биться сердце страстныхъ охотниковъ, а еще болѣе новаго хозяина стаи. Скоро однакожъ всякое сомнѣніе изчезло: отозвалась одна гончая, крикъ ловчаго: *къ нему, къ нему!* и стая мигомъ свалилась и пошла работа. *Упалаго* не было, все было выставлено или словлено; развѣ, иногда, норь спасала звѣря. Стая сваливалась дружно, *полазъ* у ней былъ чудесный, и было нѣсколько собакъ верхочутыхъ; не могу забыть изъ нихъ Сорочая. Всѣ собаки вообще были паратыя, вѣрныя и вѣжливыя; сколько разъ бывало, когда звѣрь прорывался въ поле, онѣ славливали его какъ борзыя. Лучшей стаи я не имѣлъ, да едвали и можно имѣть.

Однажды меня посѣтили офицеры стоящаго въ то время въ нашей губерніи корпуса; всѣ они были охотники. Время было глухое, полячь, холодъ и снѣгъ лежалъ только въ логахъ, сбитый метелями. Гости, какъ охотники неголковитые, но тѣмъ не менѣе жадные, просили меня угостить ихъ охотою,

хотя возможности для этого никакой не было. Ни съѣздки, ни гоньбы—ожидать было нельзя. Повезъ я гостей на псарный дворъ (въ то время великолѣпный). Показаны были стаи, а также и борзыя. Посѣтители любовались и собаками, и строеніемъ, впрочемъ и было чѣмъ полюбоваться.

Не могу не поговорить о затѣяхъ моей молодости—псарномъ дворѣ. Главный корпусъ былъ въ два этажа, въ верхнемъ жили охотники, въ нижнемъ находились отдѣлы для сукъ со щенками, а въ другой половинѣ такіе же для больныхъ собакъ, разумѣется не чумныхъ. Съ одной стороны главнаго корпуса тянулся на 25 сажень сарай для борзыхъ, по бокамъ котораго были устроены отдѣльныя стойла, всего на 60 собакъ, все это съ колонками, обшитое тесомъ и съ рюстикой красиваго вида. Сарай раздѣлялся досками на двѣ половины и собаки въ обычное время занимали одну изъ нихъ, пока другая освѣжалась и очищалась посредствомъ частыхъ вентиляторовъ. Съ другой стороны были выстроены, въ числѣ трехъ, отдѣлы для гончихъ. Противъ главнаго корпуса были конюшни на 40 стойлъ. Всѣ эти четыре строенія составляли квадратъ въ 25 сажень. На каждую собаку была мѣдная цѣпь и при входѣ посѣтителей, псы подымались, потягивались, привѣтствуя ихъ, кто виляніемъ хвоста,

кто голосомъ; каждый охотникъ выводилъ на дворъ, посворно, своихъ борзыхъ; потомъ выводились двѣ стаи гончихъ по очереди; въ заключеніе же вся охота проводилась по двору кругомъ зрителей въ слѣдующемъ порядкѣ: стаи гончихъ шли впереди, за ними слѣдовали своры борзыхъ. Каждый охотникъ и доѣзжачій имѣлъ по двѣ лошади и конюшня была всегда занята. Къ строенію прилегалъ большой выгонъ, обсаженный ракитами, черезъ который протекала рѣчка и въ концѣ находилась кухня съ большимъ сараемъ для кормки собакъ. Безъ рога собаки не кормились и безъ извѣстнаго *бруй* ни она изъ нихъ не смѣла броситься къ корыту; сперва кормились борзыя, потомъ гончія. При строеніи находились также особенные чуланы для сбруи, и всѣ возможныя удобства. Переводчикъ Лафонтеновыхъ басенъ, о которомъ я говорилъ выше, выдумалъ, что проѣзжавшая одна знатная особа подъѣхала однажды къ псарному двору, принявъ его за барскій домъ. Еслибъ это и было такъ, то служило бы только доказательствомъ, что эта особа не была охотникомъ, ошибиться было трудно: раскрашенная лисица торчала на высокомъ шпилѣ и служила зданію вывѣской. Кромѣ аршинныхъ палашей, охотники были снабжены свинтными рогатинами, на концы которыхъ навинчивались короткіе палаши,

что и составляло оружіе годное для пріема медвѣдя. Близь скромнаго моего домика былъ особенно красивый отдѣлъ, собственно для моей своры, состоявшей изъ 30 собакъ. На мезонинѣ этого зданія хранились тенеты разныхъ сортовъ, и находилась лѣстница, которая вела на открытую платформу, устроенную наверху строенія. На эту платформу входили иногда смотрѣть на садки, которыя дѣлались на ближайшемъ выгонѣ.

На этотъ разъ, о которомъ я говорю, сажать было невозможно, о чемъ пріѣхавшіе гости очень сожалѣли. Отцовскій доѣзжачій, какъ слуга прошлаго столѣтія, вмѣшался въ разговоры господъ и сказалъ: „баринъ, а вѣдь генераловъ можно потѣшить!“ Всѣ, естественно, придрались къ словамъ старика и со всѣхъ сторонъ послышалось: „говори какъ“! Я вынужденъ былъ сдѣлать тотъ же вопросъ. „Вотъ, извольте видѣть, батюшка, ворву за дворомъ снѣгу набило, и я тамъ видѣлъ тропу и сметки, такъ не лежитъ ли косой, позвольте потѣшить ихъ превосходительства. Вы извольте оставаться здѣсь, мы заведемъ стаю выше рва, а я пойду сходить русака, и если онъ побѣжитъ, то не минуетъ тороковъ.„ Но бывшей тогда колоти и морозу, я мало довѣрялъ словамъ охотника, но гости мои привязались къ хвастовству старика, и я долженъ былъ уступить ихъ желанію.

Лошадей мигомъ осѣдлали, Глѣбовскую стаю повели, а старикъ спустился въ ровъ и сталъ разбирать однослѣдицу. Слышимъ, вдругъ: „береги, береги!“ и матерый русакъ выкатилъ на лугъ и пустился полемъ. Стая заревѣла взрячь, доѣзжачіе выпустили лошадей и нѣсколько времени мы смотрѣли и слушали; наконецъ все скрылось изъ виду и все смолкло. Намъ осталось возвратиться въ теплый домикъ къ сытному обѣду, который насъ ожидалъ. Ѣли, пили питерскія вина, едвали тогда употребляемыя у кого-нибудь въ уѣздѣ. Обѣдъ приближался къ концу, разговоръ былъ общій, но посѣщеніе псарнаго двора навело его на охоту, вдругъ вбѣгаетъ человѣкъ и говоритъ: „пожалуйте къ окнамъ, стая ведетъ русака назадъ къ пруду“ (прудъ находился противъ моего дома). Все бросилось къ окнамъ, кто съ вилкой, кто съ стаканомъ, и глазамъ нашимъ открылась дивная охотничья картина. Вся стая, осилившая русака, не вела ужъ, а несла его *вловки*. Сдѣлано было гончими нѣсколько угонокъ въ нашихъ глазахъ и, наконецъ, половогѣгій выжлецъ унесъ русака отъ стаи разъ, два и покатился съ нимъ. Можете представить себѣ восторгъ гостей охотниковъ, а также и хозяина. „Шампанскаго!“ вырвалось у всѣхъ, „за здоровье стаи!“ и французскій нектаръ зашипѣлъ и заискрился

въ стаканахъ, переливаясь изъ нихъ въ сытые наши желудки. Потомъ пили здоровье доѣзжачихъ, и не помню сколько еще придумано было тостовъ, и день кончился шумно и весело разговоромъ о незабвенной стаѣ.

Помню я еще случай: русака заловили въ крѣпкихъ вершинахъ и перевели его въ огромную рѣдкую площадь, отдѣленную отъ вершинъ дорогой; я стоялъ на ней, ожидая лисичку, но скоро громогласная стая увела изъ слуху. Прошло нѣсколько времени. Вотъ опять приближается гоньба; борзыя мои препокойно отдыхали, одинъ кобель только, чрезвычайно вѣжливый на краснаго звѣря, стоялъ передъ лошадью. Гоньба приближалась все ближе и ближе. Несутъ молодцы косаго на чутьяхъ, ко мнѣ въ ноги. Я, не желая вырвать русака у лихой стаи, не показывалъ зайца борзымъ. Что же мнѣ открылось: косой едва бѣжитъ, а изъ ноздрей его течетъ кровь, и загоненный онъ самъ вскочилъ въ зубы моего кобеля *Погиба*, безъ котораго скоро погибъ бы въ зубахъ гонцовъ.

Сколькихъ лисицъ, осмотрѣвшихъ охотниковъ, славливали мои молодцы; они такъ бывало налегали на куму, что она не успѣвала попасть въ нору.

Для этихъ гончихъ не существовало ни засухъ, ни морозовъ — всегда гнали лихо. Кто ѣздилъ съ

этой стаей, тотъ подтвердитъ вполнѣ мои справедливыя слова. Самъ скиляжникъ даже не могъ не хвалить ее. Однажды онъ даже такъ увлекся, что надъ нимъ послѣ цѣлый вечеръ трунили.

Лѣтомъ съѣхались ко мнѣ сосѣди, и послѣ обѣда одинъ изъ нихъ попросилъ послушать гончихъ. Позвали ловчаго. Усачь явился. „Вели сѣдлать лошадей и отправляйтесь съ стаей за *бродемъ*, сказалъ я.“ „Нельзя ѣхать, собаки подмазаны,“ отвѣчалъ ловчій. Просившій не сталъ настаивать, но скиляжникъ изподтишка началъ подтрунивать: „ты, Акимушка, бестія! (Акимушка былъ ученикъ скиляжника) засуха, жарко, просто боишься осрамиться и сваливаешь на подмазку.“ Я тогда имѣлъ еще очень хорошій слухъ и мнѣ стало досадно, я хотѣлъ доказать, что старикъ вретъ, а потому и скомандовалъ: „сѣдлай и къ чистому лугу; черезъ часъ мы пріѣдемъ.“ Всѣ обрадовались, скиляжникъ тоже, надѣясь, что подмазанныя собаки и неблагопріятная погода доставятъ его завистливому характеру пищу къ подтруниванію. Вся компанія отправилась на сборный пунктъ, я захватилъ съ собой старуху — *Миловидку*. Бросили гончихъ въ сплошной лѣсъ, мы же стояли на чистомъ лугу—центрѣ лѣса и болотъ, его облегающихъ. Гончія отозвались, послышалось *къ нему* и други закипѣли. Стая увела въ глубину

лѣса и немного погодя гоньбы не стало слышно. У завистника появилась на лицѣ уже язвительная улыбка и онъ заговорилъ: „точно, отецъ, въ подмазкѣ, трудно гонять даже и твоей стаѣ“ и тому подобное. Скоро однакожъ скиляжникъ прикусилъ язычекъ; кто-то закричалъ: „слушай!“—жаркая гоньба приближалась. Всѣ смолкли. Вотъ ужь можно и голоса различать, и *Покрывай* дѣйствительно покрывалъ 60 голосовъ. Одинъ изъ племянниковъ скиляжника не выдержалъ и крикнулъ: „каково держатъ русака!“ Тутъ дядя, бывъ въ душѣ страстнымъ охотникомъ, увлекся и напустился на своего родственника: „по русаку, ахъ ты дрянь, развѣ по русаку можно такъ горячо держать, навѣрно ведутъ по лисѣ.“ Не успѣлъ онъ это выговорить—какъ стая, на хвостѣ у русака, высыпала на чистый лугъ; онъ едва бѣжалъ и *Миловидка*, не смотря на свои преклонныя лѣта, вздернула косаго какъ тряпку. Старикъ поблѣднѣлъ; къ этому еще ловчій мой напустился на скиляжника, а ловчій былъ сынъ однодворца и въ ребячествѣ жилъ у скиляжника. Отецъ этого ловчаго, ѣздивши всегда съ послѣднимъ, былъ общимъ ихъ учителемъ въ дѣлѣ охоты и дожилъ до 100 лѣтъ, а бывало какъ запорскаетъ, такъ молодыхъ за поясъ заткнетъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались насмѣшки, и мой завистливый сосѣдушка не зналъ куда дѣваться. Вслѣдъ

за русакомъ гончія загоняли барсука въ уболоти. Гоньба была вблизи насъ, звѣрь вертѣлся около норъ, и до того было жарко (отъ гоньбы), что одинъ изъ лучшихъ моихъ пріятелей, стрѣлокъ и врагъ псовой охоты, забылся до того, что въ полусапожкахъ побѣжалъ болотомъ на гоньбу и клялся, что съ подобной стаей и онъ бы сдѣлался охотникомъ: впослѣдствіи это и было, но не долго.

Отъ Глѣбовской стаи у меня довольно долго велись лихія собаки, хотя мой жадный ловчій и подмѣшивалъ къ нимъ безъ моего вѣдома постороннюю кровь. Непростительная эта ошибка послѣ 1840 года оказалась чувствительною: собаки гоняли, выставляли, мы травили много и, конечно, тѣшились, но все это было ужь не то, какъ прежде.

Впослѣдствіи я ѣзжалъ за Десну. Мѣста тамъ чудныя, лисицъ много, зайцы молодцы; по рѣкѣ чудесные угоры, отъемы тоже, мы имѣли тамъ много удовольствія; не разъ лисица уводила, чрезъ судоходную рѣку, стаю въ сплошную засѣку и вновь ставила ее назадъ—въ угоръ. Мы захватывали, бывало, даже и часть Черниговской губерніи. Куда эта кочующая жизнь, сладка была въ молодости! О домѣ, о дѣлахъ никто бывало и не вспоминалъ. Женатые какъ будто забывали свои семейства. Блаженныя времена были тогда для охотниковъ! Впрочемъ

и всѣ дѣла у всѣхъ были какъ-то лучше и въ большемъ порядкѣ нежели нынче. Какъ все измѣнилось теперь, измѣнились нужды и потребности, а съ ними и характеры. Сердца стали не нѣжнѣе, семейная жизнь не привлекательнѣе, охотничье сердце бьется въ груди все по прежнему, а между тѣмъ все не то, что было. Разсчетъ подавилъ все и завладѣлъ всѣми, или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ. Появились расходы, незнакомые прежде деревенскимъ жителямъ. Бѣдные стали тянуться за богатыми. Прежде думали объ удовольствіи, все равно гдѣ бъ его ни встрѣтить, впослѣдствіи каждый желалъ удовлетворить своему самолюбію и каждый хотѣлъ имѣть свою охоту (хоть очень часто это было и не по силамъ) и ѣздить съ ней. Расходы увеличились, а удовольствіе едвали; забота о долгахъ убивала страсть, общества разъединялись, а пикировки усиливались. Если спросить по совѣсти: веселѣе ли живемъ мы, то вѣрно всякій сознается, что скучнѣе. Жалкое самолюбіе, ни къ чему не ведущее—ведетъ очень многихъ къ продажѣ имѣній и, слѣдовательно, къ раззоренію. Много подвинулась впередъ наша Русь. Соотечественники наши успѣли во всѣхъ возможныхъ отрасляхъ наукъ, художествъ и проч., но науку отъ души веселиться они не постигли, науку эту унесли съ собою въ могилу наши дѣды. Скажутъ, пожалуй,

что прежде и удовольствія и нравы были грубы; но вѣдь и ржаной хлѣбъ—грубая пища, а ломоть его, право, стоитъ иногда нѣсколькихъ неудобоваримыхъ для человѣческаго желудка блюдъ. Дѣло въ томъ, чтобъ быть сытымъ; а то посмотришь нынче: желудокъ не варитъ то того, то другаго, а глядишь апетитъ и совсѣмъ пропалъ; и всѣ эти прихоти вмѣсто зеленой старости, какъ говоритъ французская поговорка, приносятъ для многихъ преждевременныя болѣзни и дряхлость. Прошу у читателя снисхожденія за то, что говоря объ охотѣ, я вдался въ разсужденія; но впрочемъ отчего же и не поговорить о томъ, что есть истина. Перейдемъ опять къ охотѣ.

Первое сентября, соотвѣтствующее иностранному дню Св. Губерта, празднуется у меня какъ охотничій праздникъ. Не помню въ какомъ именно году, но не болѣе 10 или 11 лѣтъ тому назадъ, съѣхалось въ этотъ день много гостей—сосѣдей и иногородныхъ. Началомъ, какъ и на всѣхъ русскихъ торжествахъ, было, разумѣется, сытное угощеніе. Поздній обѣдъ никогда не позволялъ въ этотъ день начинать охоту, и она обыкновенно откладывалась до слѣдующаго дня. На другое утро, послѣ сытнаго завтрака, все общество, включая въ то число даже и не охотниковъ, отправилось, въ ожиданіи обѣда, въ поле, послушать гончихъ. Одни изъ гостей поѣхали съ искреннимъ

желаніемъ насладиться гоньбой, другіе, чтобъ при случаѣ потрунить надъ ней и покритиковать. Отправились мы въ сплошной лѣсъ тысячи четыре десятинъ, на волю Божію, что будетъ то будетъ.

Стая изъ 60 собакъ ожидала насъ на назначенномъ пунктѣ. Нѣсколько своръ борзыхъ, по желанію нѣкоторыхъ гостей, были также захвачены, хотя въ подобной *уймѣ* онѣ были совершенно почти лишнія. Я приказалъ бросить гончихъ. Смычки долой (половина стаи состояла изъ молодыхъ собакъ)—и пѣгія и разношерстныя собаки покатили. Мы расположились на полѣ около опушки лѣса. Гоньба закипѣла; вотъ послышался и голосъ по лисѣ; стая гремитъ лихо, гоньба не прерывается: если и уведутъ на время, то скоро опять приближаются, и говоръ довольныхъ охотниковъ умолкаетъ. Не помню, долго ли мы тутъ стояли, но дѣло въ томъ, что гончія двухъ лисъ выставили въ чистое поле, а третью загнали въ норь. Стая единогласно была признана отличной, доказательствомъ чего можетъ служить то, что записные картежники и профаны въ дѣлѣ охоты, на возвратномъ пути къ дому, пристали, чтобъ я приказалъ бросить гончихъ въ мелоча и пощупать въ нихъ зайцевъ.

Стаѣ велѣно взять вправо и помегать въ мелоча близьлежащаго болота. Борзятники стали въ полѣ.

Гончія, послѣ нѣсколькихъ часовъ бывшей работы какъ будто негонявшія, понесли въ разсыпную и вскорѣ заловили русака; тутъ часто приходилось имъ гнать зайцевъ взрячь, и гоньба была такъ жарка въ тихій прекрасный вечеръ, что самый записной игрокъ и постоянный врагъ охоты не вытерпѣлъ, выскочилъ изъ тарантаса и въ спальномъ сертукѣ и такихъ же сапогахъ очутился въ кругу стаи, которая чуть-чуть не сбила его съ ногъ, выставивъ русака, попавшаго въ торока къ моему стремянному. Затравленъ былъ еще заяцъ, и вся публика вообще осталась довольна. Говору между охотниками не было и конца. Одинъ очень дѣльный охотникъ (полякъ), просто сходилъ съ ума отъ стаи и клялся, что онъ подобнаго ей ничего не видывалъ и не слыхивалъ.

Много бы я могъ привести еще подобныхъ разсказовъ, но довольно и этого. Послѣдняя стая была у меня англійская; собаки были нараты непомѣрно, но *рѣдкоскалы*. Гоньбы горячей не было и потому дурно сваливались. Красоты собаки были неописанной. Купилъ я на слово; а есть поговорка, и поговорка не дурная: я вамъ говорю не какъ охотникъ, а какъ честный человѣкъ. Стая эта окончательно отбила меня отъ псовой охоты. Припоминаю при этомъ разсказъ скиляжника о старомъ своемъ пріятелѣ, у котораго онъ торговалъ гончихъ. „Я, говорилъ, иначе

не возьму собакъ какъ съ пробы.“ „На это воля твоя“ отвѣчалъ пріятель „а я иначе не продамъ какъ изъ подъ сарая.“ Дѣло разумѣется разошлось.

Всѣхъ бывшихъ рѣзвыхъ у меня собакъ я описывать не стану; но одна изъ нихъ заслуживаетъ быть помѣщенной въ моихъ разсказахъ. Кто зналъ меня прежде, тотъ зналъ и *Любезнаго* (3-го). Онъ не отходилъ отъ меня ни на шагъ и иначе не ложился какъ глазами противъ меня, какъ будто не могъ налюбоваться мной; за то сколько разъ и я въ свою очередь любовался имъ на чистомъ полѣ. *Любезный* родился въ 1824 году, отъ *Любезнаго 1-го* и *Миловиды*. Выкормленъ онъ былъ у управляющаго въ комнатѣ. Шерсть на немъ была снѣжнаго бѣлаго цвѣта съ муругой, едва замѣтной отмѣтинкой на спинѣ и нѣсколькими пятнышками на одномъ ухѣ. Псовина была тонкая, шелковистая. Ростъ его былъ одинъ аршинъ и $^{3}/_{4}$ вершка. Наклонъ былъ небольшой со спущенными ребрами ниже локтей. Щипецъ *Любезный* имѣлъ правильный. Ноги сухія, правило серпомъ съ тонкой, длинной псовиной; глаза большіе, умные и масляные. Бывало когда онъ ихъ вперитъ въ меня, забываешь, что это смотритъ собака: столько въ нихъ было выраженія. *Любезный* былъ очень серьезенъ и не любилъ, чтобъ его ласкали, рѣдко, очень рѣдко подходилъ онъ къ кому нибудь

кромѣ меня ласкаться. Повалка у него была русачья, но когда онъ лежалъ на диванѣ или на постелѣ, то всѣ четыре ноги подымалъ кверху, лежа на спинѣ; но и въ этомъ случаѣ всегда очень граціозно.

Первую осень *Любезный* ходилъ у охотника на сворѣ; только уже по порошамъ взялъ я его съ собой. Первый русакъ, котораго онъ заловилъ, былъ матерый и пойманъ съ двухъ угонокъ. *Любезный* приспѣлъ къ нему какъ пуля, загремѣлъ черезъ голову и, опомнясь, вырвалъ русака у другой собаки, которая заловила было его. Начало хорошее! *Любезный* былъ отлично высворенъ: вѣжливѣе и послушнѣе собаки я не имѣлъ. Воспитаніе много отняло у него злобы. Мнѣ случилось однажды ѣздить съ нимъ и съ *Миловидкой*. Побѣжалъ русакъ, я закричалъ *Любезному* назадъ и онъ стоялъ все время, пока та ловила и въ виду его поймала русака. Первыя двѣ осени онъ не ловилъ и не догонялъ иначе какъ черезъ голову. Не понимаю—какъ онъ не бился при своемъ большомъ ростѣ. Потомъ онъ началъ бочить и бралъ русака по волчью, поперегъ спины. Въ немъ были соединены цругкость и сила, но послѣднее качество рѣдко нужно было ему выказывать,—бѣгу отъ него не было; если не понесъ съ первой угонки, то ужь навѣрно со второй добыча въ зу..

бахъ. Онъ имѣлъ одинъ недостатокъ (материнскій)— бережся по колоти.

Однажды ѣздили мы за Брянскомъ: со мной ѣздилъ также одинъ хохолъ зрителемъ, славный стрѣлокъ. Подходя къ одной деревнѣ, близь которой была небольшая вершинка, которую мы и не думали брать, изъ опушки ея вскочилъ русакъ; вся охота— гончія и борзыя ринулись за нимъ. Въ этомъ шумѣ собакъ и людей *Любезный* не разслышалъ моего голоса и также отправился въ компаніи сотни собакъ за проклятымъ косымъ. Доѣзжачіе бросились сбивать гончихъ, охотники за борзыми; остались только мы съ товарищемъ моимъ малороссіяниномъ ожидать конца суматохи, какъ вдругъ русакъ, обманувши борзыхъ, изломя ногу, повернулъ къ намъ въ чистыя поля одинъ одинехонекъ. Я не выдержалъ, отукнулъ *Любезному*, котораго еще было не видать, толконулъ лошадь и поскакалъ за зайцомъ; товарищъ за мной. „Вотъ если этотъ русакъ не уйдетъ, сказалъ онъ мнѣ, такъ это просто будетъ чудо.“ Поле было большое, ровное. Я безпрестанно оборачивался— не спѣетъ ли *Любезный*, наконецъ я увидалъ его; тутъ началъ я отукать во весь голосъ свой и сказалъ Г....скому: „теперь ручаюсь вамъ, что заяцъ не уйдетъ, хотя онъ ужь и далеко отъ насъ.“ Между тѣмъ соколъ мой приспѣлъ, опередилъ лихаго

моего коня, окинулъ поле глазомъ, возрился и началъ наддавать. Тутъ ужь я не травилъ, а только кричалъ товарищу: „смотрите на молодца!“ и точно было на что смотрѣть; *Любезный* пожиралъ пространство, раздѣляющее его съ зайцемъ, и русакъ, казалось, не бѣжалъ, а стоялъ на мѣстѣ. Скоро онъ заловилъ бѣглеца: я крикнулъ: бери его косаго, и точно по командѣ, *Любезный* понесъ русака, безъ угонки. Хохолъ мой соскочилъ съ лошади и принялся цѣловать моего молодца.

Сколько можно припомнить случаевъ объ этой несравненной собакѣ, привязанной ко мнѣ до того, что *Любезный*, бывало, предугадывалъ день моего возвращенія, и тогда его нельзя было отогнать отъ воротъ; и онъ не ошибался; и первый всегда обнималъ меня, кладя переднія лапы на мою грудь. Умнѣе собаки я не видывалъ. Онъ понималъ мои слова, въ доказательство чего разскажу невѣроятный случай, за достовѣрность котораго ручаюсь.

Я уже замѣтилъ, что злоба *Любезнаго* была укрощена строгимъ и внимательнымъ воспитаніемъ. Разъ мы поѣхали на выводокъ волковъ, съ которыми молодцу моему не случалось еще встрѣчаться. За мной, кромѣ *Любезнаго*, были еще двѣ суки и большой злобный кобель, но съ такимъ короткимъ щипцомъ, что онъ не могъ даже грызть толстую

кость. Собака эта была куплена заочно, была красива, злобна и рѣзва, но ужь въ лѣтахъ. Про нее я разскажу послѣ одинъ случай, какъ примѣръ смѣтливости, несвойственной четвероногому. Гончихъ пометали въ орѣховую, довольно большую котловину съ логами, гдѣ надѣялись застать волковъ. Я стоялъ лицомъ къ большой площади. Собаки погнали, послышался голосъ по волку, меня затрясла лихорадка, глаза хотѣли выскочить, такъ я ихъ пялилъ на обѣ стороны. „Баринъ! береги,—въ ноги!“ раздались голоса, и *сѣрый* выкатилъ ко мнѣ. — Собакъ спустили, заловили онѣ, и короткощипый кобель приспѣлъ къ волку, но не захвативъ въ шиворотъ— схватился съ нимъ зѣвъ въ зѣвъ: положеніе незавидное! кое-какъ кобель вырвался, но ужь не сунулся опять къ волку; суки стали пощипывать за гачи, а волкъ удирать къ острову. Любезный скакалъ сзади всѣхъ, какъ будто до него и дѣло не касалось. Положеніе мое было очень непріятно, я вышелъ изъ себя и заревѣлъ дикимъ голосомъ: „*Любезный*, ты срамишь меня!“ Можете мнѣ не вѣрить, но все-таки съ этимъ восклицаніемъ *Любезный* вылетѣлъ вонъ изъ всѣхъ собакъ и мигомъ очутился *въ волкѣ*, схватилъ его какъ русака за ногу (я зналъ одну собаку, которая зайцевъ иначе не ловила) и, поваливъ, тащилъ до тѣхъ поръ, пока я не соскочилъ съ ло-

шади, а такъ какъ волкъ находился на спинѣ, то я и приковалъ его къ землѣ кинжаломъ такъ, что видна осталась одна рукоятка. Ежели я что-нибудь прибавилъ, то пусть не увижу никогда дупелей!

Послѣдняя фраза или клятва напоминаетъ мнѣ опять скиляжника. Онъ имѣлъ привычку божиться, и обыкновенная божба его заключалась въ слѣдующихъ словахъ: лопни у меня глаза. Пріятель его однажды говоритъ: нѣтъ, братъ, скажи, чтобъ *Летай* околѣлъ, тогда повѣрю.—Что ты, что ты, воскликнулъ скиляжникъ, съ ума что ли спятилъ, развѣ я врагъ себѣ!

Разъ мы охотились въ имѣніи двухъ братьевъ, у которыхъ была также своя охота, заведенная меньшимъ. Жили между собою они не совсѣмъ ладно, какъ и часто водится на свѣтѣ. Старшій письменно пригласилъ меня отъ себя и брата своего придти съ охотою въ ихъ мѣста къ Трубчевску. Мѣста были чудныя, товарищи подобыли и мы отправились. На половинѣ дороги насъ встрѣтили оба брата, и пошла травля. Мѣстами мы дошли до ихъ селенія. Тутъ подъѣхали ихъ сосѣди и компанія составилась большая. Скоро однакожъ она раздѣлилась на двѣ партіи, хотя явныхъ непріятностей не было. У меньшаго брата былъ чернопѣгій кобель *Крылатъ*, собака рѣзвая, но когда случилось мнѣ травить съ

нимъ въ первый разъ, то *Любезный* оборвалъ его; по одному разу нельзя было однако дѣлать заключенія о рѣзвости собакъ. Одна часть охотниковъ была за *Любезнаго*, другая за чернопѣгова. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней мы брали мѣста около ихъ сосѣда (и его ужъ нѣтъ на свѣтѣ). Онъ былъ отставной морякъ, славный человѣкъ, но страшная горячка. Случилось какъ-то моимъ собакамъ вырвать у него изъ зубъ лисицу, къ тому же онъ былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ меньшимъ братомъ нашихъ хозяевъ, и морякъ перешелъ въ оппозицію противъ моего *Любезнаго*. Мы подошли къ чудесному острову и теперь еще помню его названіе: „большой Суботовскій.“ Тутъ затравили мы много зайцевъ, нѣсколько лисицъ, и, кажется, одного волка. Возвращаемся мы всѣ, кромѣ моряка, веселенькіе; онъ, какъ сказано выше, прозѣвалъ лисицу. Подходя къ дому, морякъ предложилъ компаніи взять еще вершину. Гончихъ повели логомъ, чтобъ бросить ихъ съ другой стороны. Вдругъ изъ-подъ стаи вскочилъ русакъ, ѣхали мы всѣ вмѣстѣ, и пошла суматоха: одинъ изъ товарищей, Богъ знаетъ за чѣмъ, толконулъ лошадь и увелъ за собою часть собакъ; мой умникъ *Любезный* на этотъ разъ сглуповалъ, увязавшись за сумасшедшимъ охотникомъ въ островъ;—но сглуповалъ кстати. Большая часть собакъ вернулась,

а *Любезнаго* нѣтъ какъ нѣтъ. Между тѣмъ русакъ, обманувъ собакъ, выскочилъ на нашу сторону—въ угоръ и покатилъ къ мелисинскому гусару. Сучки у него были рѣзвыя—отъ *Украсы*. Старикъ посадилъ собакъ и загоготалъ. Вся наша компанія понеслась къ нему въ поперегъ. Я придержалъ лошадь, безпокоясь о *Любезномъ*. Русакъ попался молодецъ, зелень была мягкая, не дается сучкамъ, да и только, вдругъ ему въ разрѣзъ собакъ 30, въ числѣ которыхъ былъ и чернопѣгій кобель. Все было смѣшалось, но русакъ скоро оторвался и покатилъ какъ подметенный. Въ это время изъ острова выметался и мой *Любезный*. Я заотукалъ и толконулъ лошадь. *Любезный* скоро приспѣлъ; я показалъ ему ватагу, за которой русакъ былъ не видѣнъ. Поле шло въ гору, вотъ почему русаку бѣжать было ловко. Заметался мой молодецъ и началъ доскакивать собакъ, но пробиться сквозь ихъ было невозможно, такъ онѣ скучились. Русакъ завольничалъ, но мой молодецъ заколесилъ; я, видя, что у него силы въ запасѣ есть, гаркнулъ: „смотрите на бѣлаго!“ и точно было на что посмотрѣть. *Любезный* обогнулъ всѣхъ собакъ, а русакъ—какъ будто предчувствуя сильнаго непріятеля—поддалъ, *Любезный* завладѣлъ имъ и унесъ отъ прочихъ собакъ, разъ, два и понесъ по волчью. Вся компанія поворотила лошадей и поѣхала въ противную сторону; одинъ

только ветеранъ подъѣхалъ и съ восхищеніемъ говорилъ о *Любезномъ*. Старикъ былъ правдивый и серьезный охотникъ, къ тому же и не принадлежалъ къ оппозиціи. Мы взяли тутъ еще нѣсколько русаковъ и потянулись къ дому. Побѣжденные ко мнѣ не подъѣзжаютъ. День этимъ однакожъ не кончился. Не доходя дома тянулся угоръ. Стаю вели опушкой. Вскочилъ еще русакъ и гончія закипѣли вновь. Заяцъ побѣжалъ къ деревнѣ, близь которой находилась небольшая роща, далѣе славная вершина; я выпустилъ къ ней свою лошадь; переводчикъ Лафонтеновыхъ басенъ тоже. Заскакавъ, мы остановились и стали дожидаться, что будетъ. Слышимъ, гончихъ созываютъ, а позыва, что словили нѣтъ: стало быть ихъ сбиваютъ. Я стоялъ на пригоркѣ; товарищъ около опушки. Надо полагать, что русакъ, до прибытія моего товарища, прокрался въ ровокъ, который тянулся ко мнѣ отъ рощи. Я закричалъ переводчику: „не во рву ли заяцъ?“ „Нѣтъ, не пролѣзалъ, я заскакалъ ужь давно.“ Отвѣчавшій былъ охотникъ ловкій и смѣтливый. Я подумалъ, что русакъ побѣжалъ на другую сторону и подъѣхалъ къ товарищу, чтобъ съ нимъ спуститься въ логъ и идти къ дому. Но только что мы съѣхались, какъ русакъ и шмыгнулъ изо рва, на оставленное мною мѣсто. Островъ былъ не далеко, но я не выдержалъ:

„ну, други!“ Два мои кобеля возрились и заметались къ русаку, мы за ними, выскакиваемъ и видимъ, что собаки приспѣваютъ, *Любезный* впереди. Сердце сильно забилось отъ боязни, что русакъ уйдетъ, потому что опушка была недалеко; но понадулся мой бѣлый и поставилъ русака ушьми назадъ, половой подхватилъ и на сердцѣ стало легко. Я второчилъ русака покороче и прикрылъ его полой кафтана, какъ будто предугадывая готовившуюся мнѣ встрѣчу. Когда мы подъѣхали къ дому, насъ встрѣтили враги *Любезнаго* съ веселыми лицами. Травля происходила близко и была слышна, а какъ мы позамѣшкались, то они навѣрно полагали, что я протравилъ; къ тому же мщеніе за недавнее посрамленіе чернопѣгова кипѣло еще въ груди оппозиціи. Не дали мнѣ еще хорошенько подъѣхать, какъ хозяинъ и нѣсколько другихъ охотниковъ встрѣтили меня вопросомъ: „каковы русаки, это не ваши лѣсные, видно кусаются“.—Согласенъ, господа, вы это лучше знаете, давича васъ всѣхъ перекусалъ косой, одинъ я уцѣлѣлъ съ Любезнымъ.—Хорошо, хорошо, но видно теперь попался почище давишняго, но тутъ я отвернулъ полу и, повернувъ русака къ насмѣшникамъ, сказалъ: — „посмотрите на него, но берегитесь, чтобъ не укусилъ опять.“ Эта минута была совершеннымъ тріумфомъ.

Я обѣщалъ разсказать о проживавшемъ у меня Пор.... Ш....., Онъ одну зиму, когда еще служилъ, не пропускалъ ни одной поронн и ѣздилъ всегда одинъ. Какъ-то вздумалось его брату, сумасшедшему охотнику, поѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Пор... началъ съѣзжать русака, а братъ его ѣхалъ поодаль. Вдругъ послѣдній видитъ, что братъ его вмѣстѣ съ лошадью изчезли. Поле было ровное, какъ говорится —ни сучка, ни задоринки. Бросился онъ къ тому мѣсту, гдѣ пропалъ его братъ, и видитъ небольшой провалъ; соскочивъ съ лошади, онъ нагнулся и началъ звать и спрашивать брата—живъ ли онъ; изъ ямы послышалось: «живъ, живъ, скачи скорѣй въ деревню за народомъ и за веревками.“

Вотъ какъ это случилось. На томъ мѣстѣ были дворы, ихъ снесли, а колодезь забили досками, заровняли землей и запахали. Черезъ нѣсколько лѣтъ доски, разумѣется, сгнили. Надобно было русаку пройти черезъ эту западню: охотникъ ѣхалъ по его слѣду; переднія ноги лошадь перенесла, а задними оборвалась и пошла стоймя ко дну. Покойникъ былъ молодецъ, не потерялся, схватился за шею коня; къ счастію колодезь былъ узкій, и конь опускался какъ въ футляръ, пока сталъ на заднія ноги. Хотя деревня была въ полуверстѣ, но какъ дѣло было зимнее и всѣ мужики находились при обозахъ,

то братъ провалившагося могъ собрать только одну́хъ бабъ и еще отставнаго солдата, и съ этой командой отправился на выемку своего родственника, боясь не застать его уже въ живыхъ, но, къ счастію, страхъ былъ напрасенъ. Опустили въ колодезь веревки, плѣнникъ нашъ обвязался ими, и молодца вытащили здрава и невредима. Воды въ колодцѣ не было, а конь, что очень удивительно, стоялъ смирно и не бился. Потомъ вытащили и коня, у котораго была только немного ссажена бровь. Разумѣется, что спасенный выпилъ при этомъ случаѣ достаточное количество прохладительнаго, какъ покойникъ Ваксель называлъ водку. Положимъ, что колодезь былъ не въ 10 сажень глубины, какъ увѣрялъ Ш...., но если допустить и половину, то все таки довольно замѣчательно, что полетѣвшіе въ него всадникъ и конь—остались цѣлы, и первый изъ нихъ, на другой день, гарцовалъ въ полѣ на томъ же самомъ конѣ и травилъ русаковъ.

Морякъ, о которомъ я недавно говорилъ, сначала со мной не сошелся: причиной тому были связь его съ меньшимъ братомъ Трубчовскихъ нашихъ хозяевъ, предпочтеніе старшаго брата ко мнѣ и смѣшной случай въ полѣ.

При началѣ нашей стоянки у моряка, мы охотились въ его островахъ, названіе ихъ—большая и

малая Стрѣлицы. Въ послѣдней мы захватили двухъ лисицъ. Я стоялъ въ лугу, между двухъ острововъ, выше меня—морякъ. На другой сторонѣ лога находился ротмистръ и жившій у меня извѣстный подъ названіемъ нѣмца. Гончія кипѣли, и каждый караулилъ куму. Вдругъ слышу голоса: „въ гору, въ гору“.... Первая мысль моя была: не трогаться съ мѣста, чтобъ не помѣшать хозяину: но собаки мои не были такъ деликатны и сунулись въ гору; оставаться на мѣстѣ мнѣ было ужъ невозможно, я выпустилъ лошадь и передо мной открылась слѣдующая картина: сѣропѣгій кобель моряка угопялъ лисицу; мои собаки спѣли къ ней съ попереку; а хозяинъ сѣропѣгаго, на скверной, рыжей упрямой лошадкѣ, былъ еще далеко. Кобель его разсерчалъ, понадулся, видя спѣющихъ собакъ, и загремѣлъ съ лисицей черезъ голову, но къ несчастію спустилъ; мои собаки заловили ее и потащили. Я отбилъ лису и второчилъ. Прискакалъ морякъ, съ пѣной у рта, и кричитъ: „мой кобель поймалъ!“ Поймалъ, да спустилъ, отвѣчалъ я горячему охотнику. Завязался споръ. Я предложилъ положиться на судъ охотниковъ, стоявшихъ на другой сторонѣ, которымъ все было видно; но морякъ увѣрялъ, что онъ видѣлъ все самъ, и что былъ ближе другихъ. Какимъ же образомъ, замѣтилъ я ему, я ужъ успѣлъ второчить лисицу,

а васъ еще не было. Видя, что я не уступаю, онъ ногу въ стремя и вскочилъ на сѣдло, но такъ сильно, что полетѣлъ на другую сторону его кверхъ ногами. Я не выдержалъ и расхохотался. Сначала я подумалъ, что морякъ бросится на меня съ кинжаломъ, но видно онъ стукнулся порядкомъ, потому что не замѣтилъ моего смѣха, вскочилъ опять на лошадь и ускакалъ. Только черезъ годъ сталъ онъ посѣщать мой домъ и даже гостилъ у меня по нѣскольку дней. Продавъ свое имѣніе, онъ переѣхалъ въ Смоленскую губернію. Мы съ нимъ встрѣчались въ Москвѣ съ искреннимъ всегда удовольствіемъ. Прошло лѣтъ 20, какъ случилось это смѣшное происшествіе; морякъ сидѣлъ у меня (это было за годъ до его смерти); между общимъ разговоромъ онъ вдругъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ: „давно уже мы съ тобой спорили за лисицу, а признайся, какъ честный человѣкъ, вѣдь сѣропѣгій мой поймалъ ее? „Я подтвердилъ мои прежнія слова, разсказалъ какъ было дѣло, и повторилъ, что онъ осмотрѣлся. Тутъ морякъ сознался, что онъ впродолженіи 20 лѣтъ думалъ, что я отжилилъ у него лисицу.

Перехожу къ ружью.

Одинъ изъ нашихъ отъѣздовъ, постоянно каждый годъ, бывалъ въ имѣнія, принадлежащія разнымъ владѣльцамъ и однодворцамъ; тамъ же былъ у меня

и постоялый дворъ. Болото начиналось почти отъ самаго крыльца его и тянулось, около столбовой дороги, къ отличнымъ выводнымъ мѣстамъ до р. Десны. Дворъ этотъ я посѣщалъ обыкновенно въ началѣ охоты, т. е. около Петрова дня, и всегда охотился пріятно и удачно. Болото было чудное и какъ бы безконечное, съ большими во всѣ стороны рукавами; скрывалось оно въ сплошномъ лѣсу и конца его мы не знаемъ. Когда я познакомился съ этимъ болотомъ, оно было топкое, дичи въ немъ было множество. Въ послѣдствіи лучшая часть его высохла, какъ и вообще большинство нашихъ болотъ, хотя дичь можно найдти еще и теперь. Въ 18.. году мы въ утреннее поле, начавъ охоту очень поздно, въ ужасную бурю, дувшую намъ въ затылокъ (что невыгодно для чутья собакъ), убили 100 дупелей до обѣда и 46 вечеромъ; болѣе этого мы никогда не бивали, но, кажется, достаточно и этой цифры. Еще разъ мы взяли также въ отличномъ, выводномъ болотѣ, около Десны, до обѣда 99 штукъ. Такія поля не забываются, тѣмъ болѣе, что тутъ не прибавлено даже пера. Послѣднее изъ этихъ болотъ также измѣнилось, и вотъ уже два года какъ дичи въ немъ почти нѣтъ.

Послѣ описанныхъ выше замѣчательныхъ моихъ собакъ, когда уже повелась у меня порода собакъ Извольскаго, лучшія были: *Минка*, *Бордъ*, *Листъ*,

Фельдманъ.... И на старости лѣтъ я охочусь теперь съ ихъ поколѣніемъ и другихъ не заведу. Единственный сеттеръ, съ которымъ я охотился, былъ подаренная сучка Нелли; отъ помѣси, она имѣла искъ французскихъ собакъ и верхнее чутье, но не избѣжала недостатка своей породы—пристрастія къ птичкамъ.

Отъ домашнихъ ружей я перешелъ (какъ упомянуто выше) къ иностраннымъ. Отдаю имъ справедливость въ прочности, но боемъ они ничуть не лучше тѣхъ, которыя выходили изъ-подъ сверла моего оружейника.

Товарищей поубавилось; нѣкоторые померли, другихъ обременяютъ лѣта и нездоровье, есть и такіе, которые измѣнили ружейному знамени, какъ я—псовой охотѣ, и потому не могу осуждать ихъ. Сколько ни было у меня товарищей и откуда они ни прибывали, всѣ единогласно сознавались, что мѣста около меня царскія; одни обстоятельства только разлучали меня съ охотниками.

Еще слово о сынѣ *Любезнаго* (послѣдняго) и *Украсы*. Эта собака была средняго роста, красивая, половой или розовой шерсти, къ несчастью недолго мнѣ служившая. *Милый* чуть ли былъ не рѣзвѣе отца и матери, а этого достаточно сказать для похвалы его. Въ первый разъ онъ показалъ себя за Десной. Отецъ его былъ въ то время уже осенистъ, и, слѣ-

довательно, сравнивать съ нимъ *Милаго* было нельзя. Рѣзвости его прежде я ни надъ чѣмъ не замѣтилъ. Разъ мы вышли въ поле поздней осенью; не успѣли выѣхать за деревню, какъ стало морозить и заковало. Вернуться домой не хотѣлось, потому что переходъ былъ дальній—къ Черниговской губерніи. Выѣзжаемъ мы коноплянниками къ островамъ—вдругъ покатилъ матерый русакъ: *Любезный* сунулся было не по-стариковски, но сталъ *осашиваться*; тогда стремянной спустилъ его сына. Я думалъ, что русакъ уйдетъ: вскочилъ онъ далеко, островъ былъ близко, колоть страшная; но каково же было мое удивленіе и восхищеніе, когда половой приспѣлъ къ русаку, бросилъ его ушьми назадъ, разъ, два—и покатился съ нимъ. Я разцѣловалъ молодца. Пошли далѣе; вѣтеръ повернулъ, стало отпускать; острова являлись чудные и родилось много надеждъ на удовольствіе, видѣвъ удальство *Милаго*. И точно: онъ поддержалъ свою юную славу. Я затравилъ 14 зайцевъ на свою свору, и сколькихъ онъ еще сработалъ для другихъ охотниковъ.

Находясь уже въ бѣлорусской губерніи, мнѣ попался бѣлякъ, какихъ едва-ли кто наѣзжалъ. Я стоялъ къ уболоти; гончихъ бросили въ чудную, отъемную рощу, перемѣшанную съ сосенникомъ (любимый пріютъ сѣвернаго зайца). Побѣжалъ на меня русакъ,

я затравилъ, явился другой, старики и этаго сработали безъ угонки, а *Милаго* не спускали со своры. Немного погодя, заковылялъ изъ острова шумовой бѣлякъ: я далъ ему выбраться въ поле и показалъ собакамъ. *Милый* мигомъ приспѣлъ къ нему и я уже думалъ—вотъ сожретъ безъ угонки, но не тутъ то было,—бѣлякъ наддалъ, кобель тоже и какъ пришитый не отставалъ отъ проклятаго зайца. Это продолжалось не менѣе полуверсты: старики отстали и даже остановившись, видя, что и молодому не по силамъ. Я не вѣрилъ глазамъ, бѣсился, гоготалъ, но ничто не помогало. Наконецъ половой осилилъ и поставилъ бѣляка ушьми назадъ. Охотничье сердце мое отлегло, и я думалъ: вотъ потанцитъ (голосъ я уже потерялъ); но мнѣ суждено было испытать еще пытку; опять бѣлякъ пробѣжалъ тоже разстояніе и *Милый* не могъ его осилить. Я начиналъ уже думать, проклятый заяцъ уйдетъ; наконецъ, передъ опушкой, половой озлобился, натужился и загремѣлъ съ бѣлякомъ черезъ голову. Тутъ очень кстати приспѣли отдыхавшіе старики и всѣ собаки скучились. Злодѣя прикололи; но вообразите мое огорченіе, когда *Милый* повалился и съ нимъ начались конвульсіи, которыя въ послѣдствіи—при продолжительной скачкѣ—возобновлялись. Начали *Милаго* оттирать, влили въ ротъ, за неимѣніемъ воды, кажется травнику и доб-

рыхъ четверть часа около него провозились; наконецъ мой молодецъ очнулся; но этотъ проклятый бѣлякъ, какъ я замѣтилъ выше, имѣлъ вліяніе на его здоровье.

Вотъ случай едва-ли съ кѣмъ бывалый.

Мы были около Десны. Стаю пометали въ чудныя сплошныя лозы. Поле шло въ гору и было изрѣзано кое-гдѣ рвами, кое-гдѣ сосенникомъ, первые,—пріютъ лисицъ, вторые—выводныя мѣста. Мы вытянулись по косогору длиннымъ фрунтомъ. Нѣсколько охотниковъ заѣхали къ рѣкѣ. Стая скоро отозвалась, и завязалась жаркая гоньба. Подлѣ меня стоялъ Пор.... Ш.... съ плохими суками—отродіемъ знаменитой породы въ Курской губерніи. Побѣжали вдругъ три русака, одинъ на меня, другой на товарища, третій во рвы съ соснякомъ. *Любезный* поймалъ своего безъ угонки и заметался на помощь къ Ш...., суки котораго повихивали своего зайца, но безъ успѣха: скоро *Любезный* вздернулъ и этого русака. Въ это время я увидалъ, что охотникъ заскакиваетъ въ голову рвовъ; полагая, что онъ заѣзжаетъ лисицу, которая уже показывалась на опушкѣ, я выпустилъ лошадь въ гору. Выскакавъ на возвышеніе, я увидѣлъ, что охотникъ травилъ русака, который во время нашей травли, пролѣзъ во рвы, но не задержался въ нихъ, и покатилъ въ

чистыя поля. Я подоспѣлъ къ травившему охотнику съ *Любезнымъ* и разсчетъ былъ короткій: мой молодецъ заловилъ, поймалъ и я второчилъ трехъ русаковъ, побѣжавшихъ изъ острова одновременно и въ разныя стороны, одной и той же собакой.— Согласитесь, что случай чрезвычайно рѣдкій, котораго желаю и вамъ.

Я лишился этой чудной собаки на 10-й осени. *Любезный* кончилъ жизнь подъ ножомъ хирурга, а съ *Любезнымъ*, кажется, была схоронена и страсть моя къ псовой охотѣ.

Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ случаевъ. Гончихъ бросили въ большую вершину; онѣ захватили въ ней кромѣ зайцевъ двухъ лисицъ; одну скоро выставили и ее затравили, другую держали долго, вдругъ стая смолкла, норъ не было, никто болѣе не травилъ и голоса не подавали. Я послалъ ловчаго сказать доѣзжачимъ, что не съѣду съ мѣста пока не отыщутъ лисицы, слѣзть ей некуда, островъ окруженъ. Не прошло и четверти часа, какъ ловчій прискакалъ съ докладомъ, что лисица въ торокахъ, а гоньба не возобновлялась. Вотъ какъ это случилось. Гончія смолкли близъ пасѣки. Ловчій, старый и опытный охотникъ, перелѣзъ черезъ заборъ пасѣки осмотрѣть нѣтъ-ли тамъ кумы. Видитъ онъ въ избушкѣ окошечко, пришло ему въ голову

осмотрѣть избушку. Входитъ, въ углу лежатъ ульи; старикъ началъ вглядываться, вдругъ на ульяхъ что-то блеснуло, и чтожъ: кума, прижавшись, слѣдитъ глазами за движеніями ловчаго; онъ позвалъ доѣзжачаго, къ окошку поставилъ другаго и лисицу уходили.

Нѣсколько разъ, порошами, во время легкаго черепа, у меня заганивали на однихъ лошадяхъ лисицъ. Однажды на донской кобылѣ, по бойкой порошѣ, охотникъ загонялъ матерую куму. Другой разъ двухъ лисицъ пригнали къ деревнѣ, взогнали ихъ на крыши, и тамъ убили.

Въ одно время подъ моимъ стремяннымъ былъ лихой рыжій конь. Разровнялись порошею, стремянной попалъ въ островъ, изъ подъ него вскочилъ русакъ, стремянной увязался за нимъ безъ собакъ, загонялъ и второчилъ. Конечно, честь и слава лошадямъ, но не слѣдуетъ портить лошадей изъ шкурки.

Были мы однажды съ сосѣдомъ, который такъ угостилъ меня при началѣ моей охоты, у его родственника. Я ѣздилъ по близости съ собаками, морозъ захватилъ насъ въ отъѣздѣ. Подходили именины сосѣда, у котораго я давно уже не былъ, и потому рѣшился ждать у него оттепели, или порошн; охоту оставилъ на мѣстѣ, а самъ поѣхалъ къ

милому и доброму хозяину. Соперникъ мой ѣздилъ въ его мѣстахъ, также съ собаками. Мы провели весело два дня, но къ вечеру втораго пошелъ снѣгъ и валилъ цѣлый день. Я послалъ кучера съ приказомъ, чтобъ съ борзыми выѣхали ко мнѣ на встрѣчу и остановились бы верстахъ въ семи отъ мѣста нашего пированья. Задолго до свѣту всталъ я, сѣлъ въ сани и на рысяхъ отправился къ назначенному пункту. День этотъ былъ днемъ именинъ хозяина, и я далъ слово вернуться къ позднему обѣду. Съ охотой съѣхали мы еще до зари. Дождались разсвѣта—и на коней. Пороша хотя была и снѣжная, но сухая и разъѣздъ былъ страшный. Мы прошли верстъ 15 мѣстами, затравили 25 зайцевъ и, наконецъ, наѣхали на слѣды другихъ охотниковъ; я вспомнилъ объ обѣдѣ. Скрѣпя сердце сѣлъ въ сани и вернулся къ имянинникy. Я успѣлъ выбриться, принарядиться и не опоздалъ къ именинному обѣду. Соперникъ же мой проспалъ, ѣздилъ по нашимъ слѣдамъ, и вернулся съ однимъ бѣлякомъ. Надо было видѣть его постное и вытянутое лицо.

Въ самыхъ этихъ же мѣстахъ, въ другой разъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, насъ захватила пороша и мы затравили 36 зайцевъ. Прошли эти блаженныя времена! Еще помню я поле. Мы взяли небольшую вершинку и болото, въ первой затравили 7 руса-

ковъ, а лисица ушла въ норь, которую скиляжникъ нарочно не велѣлъ забить. Пошли въ болото. Глѣбовская стая нѣсколько часовъ гоняла безъ умолку по выводку лисицъ: лисицы изъ болота не пошли и шесть изъ нихъ попали въ торока доѣзжачимъ. Скиляжникъ такъ былъ огорченъ, что одну изъ лисицъ, которую доѣзжачій, имѣвшій уже двухъ въ торокахъ, отдалъ второчить его охотнику, отжилилъ, говоря, что его охотникъ не стремянной доѣзжачаго. Смѣялись надъ нимъ много. Между тѣмъ мы разъѣзжали противъ болота по полямъ и безпрестанно отукали или выхлопывали цвѣлыхъ русаковъ, которыхъ и травили.

Одинъ изъ пріятныхъ отъѣздовъ, недолго продолжавшихся, былъ въ моей деревнѣ. Хотя звѣря было не очень много, но общество съѣхалось короткое, скиляжникъ былъ особенно въ духѣ и безпрестанно трунилъ надъ охотникомъ, незнавшимъ „что у волка на умѣ“. Охоту заключили, затравивъ въ одинъ моментъ двухъ лисицъ у самаго дома.

Другой отъѣздъ былъ продолжительнѣе. Тѣ же лица съѣхались въ мѣстахъ Апр... Мы очень забавлялись, и удачныя поля сопровождались веселыми вечерами, которые оживлялись опять-таки незабвеннымъ скиляжникомъ. Кромѣ бывшей у меня стаи купилъ я еще двѣ и свалилъ эти послѣднія въ

одну, что составило за 40 собакъ, по хуже которыхъ я не встрѣчалъ. Бравши разъ длинную уболоть, купленныя собаки гоняли цѣлый день безъ умолку, но причиной тому было множество зайцевъ, подмѣнявшихъ одинъ другаго, которыхъ и гоняли большею частью взрячь. Затравлено было 50.

За всѣ нападки скиляжника одна изъ его жертвъ славно ему отплатила. Одинъ изъ товарищей нашихъ пилъ свой настой; разъ вечеромъ, когда снѣгъ валилъ шапками и всѣ мы ожидали пороши, онъ, предупредя насъ, предложилъ скиляжнику своего травника. Старикъ, предпочитая подслащенную анисовку, не отказался и отъ чужаго травника и, выпивъ, сказалъ: ого, братъ, травничекъ твой хоть куда! дайка другую. Черезъ нѣсколько времени я спросилъ у подчивавшаго: точно-ли его настой имѣетъ свойство очищать желудокъ, что въ такомъ случаѣ и я бы выпилъ?—Увѣряю васъ, отвѣчалъ владѣлецъ травника, что лучше всякаго лекарства. Тутъ нашъ скиляжникъ вскочилъ, опрокинулся на своего пріятеля, началъ ругаться и потирать животъ, увѣряя, что послѣ другой рюмки онъ сейчасъ же почувствовалъ бурчаніе и боль. Скоро воображеніе увеличило мнимыя страданія и старикъ привязывался къ Ив..., охая и стоная. Наконецъ намъ стало жаль старика и мы сказали, что травникъ не имѣлъ никакого чи-

стительнаго свойства; но разувѣрить мнимо-больнаго было не такъ легко, и онъ не спалъ цѣлую ночь. Хохоту надъ общимъ обидчикомъ или труннлой было много. Не прошло однакожъ даромъ это Ив..... Выпала славная пороша и мы выѣхали съ разсвѣтомъ. Старикъ, которому Ив..... хвастался одной своей собакой, сказалъ: «нѣтъ, братъ, не такой у тебя носъ, чтобы завестись рѣзвой собачкой.» И точно, хотя носъ тутъ ни въ чемъ не былъ виноватъ, но собаки у него въ продолженіе многихъ осеней всегда были плохія. Скиляжникъ прибавилъ еще: «ты, братъ, будешь гоготать, а я отхолкивать.» Такъ точно и вышло: общее поле кончилось двумя десятками зайцовъ, изъ которыхъ Ив..... не затравилъ ни одного; всѣ они разными продѣлками попали въ торока къ скиляжнику и очередь смѣяться была его. Въ заключеніе веселаго и удачнаго отъѣзда назначено было судьбой тому же Ив..... всѣхъ насъ, а болѣе всѣхъ своего соперника, на прощаньи потѣшить.

Мы выѣхали съ барскаго двора на извѣстныхъ десятимѣстныхъ дрогахъ; за ними ѣхалъ описанный товарищъ съ своимъ родственникомъ въ бричкѣ, шествіе заключала телега Ив....., высоко нагроможденная его пожитками; сверху ея спдѣлъ стремянной и держалъ двухъ побѣжденныхъ собакъ. Не

помню, что испугало пару запряженную въ національный экипажъ, но только лошади подхватили, зацѣпили за что-то, и полетѣли пожитки и собаки въ разныя стороны. Всѣ мы хохотали до слезъ; а скиляжникъ, заливаясь своимъ громкимъ хохотомъ, кричалъ: ай да Ив..... одолжилъ, утѣшилъ, спасибо, братъ, спасибо, вѣкъ не забуду! Лихо кувыркались твои собачки, жаль что не съ русакомъ; и пока мы не потеряли ихъ изъ виду старикъ не переставалъ кричать и трунить надъ сконфуженнымъ охотникомъ. Оба пріятеля давно уже покоются вѣчнымъ сномъ. Старикъ однако легъ въ могилу послѣ молодаго нашего товарища, и еслибъ не скупость, то, можетъ быть, былъ бы живъ и теперь, и прочелъ бы эти строки.

Вотъ нѣсколько словъ о странныхъ выстрѣлахъ.

Ѣхавъ однажды за Брянскъ, по тяжелой, песчаной дорогѣ, я вышелъ изъ экипажа и разровнялся съ двумя егерями мелочами, прилегающими къ ней, въ надеждѣ на вальдшнеповъ. Егеря были отличные стрѣлки. Я шелъ между нихъ; всѣ мы были въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи. *Шляхтичъ* остановился на полянѣ у небольшаго куста. Я подозвалъ стрѣлковъ, которые были съ двухстволными ружьями, и скомандовалъ: „пиль!“ ни съ мѣста,—уперся мой песъ. Я принужденъ былъ его толкнуть. Загре-

мѣлъ большой выводокъ куропатокъ. Послѣдовалъ батальный огонь, но ни одной куропатки не было убито: трудно было прицуделять даже съ закрытыми глазами.

Куропатокъ нигдѣ столько не били, какъ за Десной. Въ то время ихъ находили въ островахъ и въ поляхъ.

Разъ случилось намъ найдти много бекасовъ около пруда, окаймленнаго болотомъ; они летали надъ нимъ стаями; мой товарищъ выстрѣлилъ въ одну изъ стай и вышибъ однимъ зарядомъ трехъ.

Вотъ примѣръ хладнокровной и превосходной стрѣльбы моего егеря. Я вышелъ изъ болота и послалъ Григорія къ экипажу, который находился на другой сторонѣ, за завтракомъ. Григорій, возвращаясь черезъ болото ко мнѣ, согналъ бекаса, прехладнокровно поставилъ завтракъ на кочку, взвелъ курокъ и убилъ бекаса.

Егерь этотъ былъ превосходный стрѣлокъ, отличный ходокъ, но съ собаками обращался не совсѣмъ нѣжно, и всѣ онѣ дѣлались у него глухими отъ того, что онъ часто ихъ дралъ за уши. Натаскивать и дрессировать собакъ онъ не умѣлъ. Григорій часто хаживалъ съ посѣщавшими меня стрѣлками, которые стрѣляли изъ подъ его собаки; тутъ языкъ его не отдыхалъ: онъ совѣтовалъ не торопиться, выдержи-

вать и дѣлалъ еще разныя наставленія. Кромѣ выстрѣловъ, послѣ пуделей ходившихъ съ нимъ охотниковъ, Григорью доставалось также и на чай. Преоригинальный чудакъ былъ этотъ Григорій.

Зайцевъ я никогда не стрѣлялъ; даже бросивъ псовую охоту, щажу ихъ въ своихъ мѣстахъ. Тетерекъ тоже не стрѣляю, и всегда ссорился съ своими товарищами за эту противозаконную охоту; но, увы, голосъ мой, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ — никого не убѣждаетъ.

Припоминая о лягазыхъ собакахъ, я ничего не сказалъ объ одной изъ нихъ, долго меня утѣшавшей. Одинъ изъ героевъ варшавскаго штурма прислалъ мнѣ двухъ лягавыхъ собакъ; одну я оставилъ себѣ, а другую, съ отличнымъ чутьемъ и стойкой, но безмѣрно гонявшую, подарилъ пріятелю. Выбранная мною названа была, по мѣсту своего рожденія, *Поляком*. *Поляк* былъ маленькая, бѣлая собака съ каштановыми ушами, далеко не красивая, но много меня тѣшившая. *Поляк* имѣлъ вѣрное чутье и крѣпкую стойку; послѣ онъ даже ложился передъ птицей. Для перемѣщенной дичи я не имѣлъ лучше собаки: птица гдѣ бы не укрылась сейчасъ же была отыскиваема. Однажды *Поляк* удивилъ меня. Ходилъ я весной въ крупномъ лѣсу за вальдшнепами. Собака моя пропала; зову, свищу, наконецъ является она, виляя хвостомъ, и какъ буд-

то зоветъ меня. Я рѣшился за ней слѣдовать. Прошли мы сажень 100, *Полякъ* безпрестанно оборачивался и поджидалъ меня. Вдругъ бросился онъ въ сторону и сталъ. Полетѣлъ вальдшнепъ и я убилъ его. Въ комнатѣ эта собака была презабавная, съ дѣтьми играла какъ товарищъ, возила ихъ по залѣ, дѣлала разныя штуки и навсегда оставила по себѣ память.

Одна изъ красивѣйшихъ собякъ, замѣчательная также и по тонкости верхняго чутья, былъ *Листъ*, потомокъ Сервитера, служившій 8 осеней. Неболѣе 2 лѣтъ какъ я потерялъ его; онъ былъ современникъ *Оражу*, попавшему въ печать въ «Замѣчанія Московскаго охотника.» Собака эта принадлежала Ваксель, трубившему о ней въ обѣихъ столицахъ. Но я бы не взялъ десяти *Оражей* за *Листа*. Чутье у нихъ было равное; но *Оражъ* искалъ гдѣ хотѣлъ и вернуть его очень часто не могъ даже самъ хозяинъ: *Листа* же я не отпускалъ отъ себя далеко и сейчасъ же ворочалъ, какъ скоро онъ забиралъ на чужую черту. Стрѣлялъ Ваксель чуть ли не лучше моего, а дичи билъ не болѣе. Передъ извѣстными праздниками Ваксель и Григорій (оба покойники) отправлялись, бывало, на недѣлю за дичью; одинъ съ *Оражемъ*, другой съ *Сервитеромъ* (братъ *Листа*) и результатъ ихъ полей былъ всегда оди-

наковъ, разница состояла въ одной или двухъ штукахъ. Натурально, что Ваксель выбиралъ лучшую сторону болота, ружье у него было лучше, и къ тому же онъ съ Григорьемъ не церемонился: ходилъ у него подъ носомъ и стрѣлялъ перемѣстившуюся отъ него дичь. Для охотника-промышленника, согласенъ, что *Оражъ* имѣлъ бы свою цѣну. Всѣ дѣти отъ него были пустыя собаки. Я охочусь теперь съ потомствомъ *Листа*; но плоха охота, когда нѣтъ дичи. Съ смертію Ваксель я уже не тѣшился по прежнему. 10 лѣтъ онъ былъ постояннымъ моимъ товарищемъ. Потерявъ его, отъѣзды мои какъ то не клеятся, все чего-то будто не достаетъ: прошлый годъ пропали выводки; нынѣшній—отъ холеры дичь рано слетѣла; не знаю, что будетъ въ слѣдующемъ году.

Я говорилъ много о своихъ собакахъ, но я не эгоистъ, и потому постараюсь припомнить и о чужихъ, стоющихъ этого.

У скипяжника былъ полвопѣгій кобель *Летай*, котораго я засталъ уже по 12 осени, и онъ при мнѣ, на садкѣ, оборвалъ очень рѣзвую собаку. Про *Летая* не только хозяинъ, но и всѣ видѣвшіе его въ скачкѣ разсказывали чудеса.

Еще рѣзвую собаку видѣлъ я у одного генерала, сдѣлавшагося на старости лѣтъ страстнымъ охотникомъ. Генералъ, при очень ограниченномъ со-

стояніи, заплатилъ за нее 1000 р. ассиг. Бѣгу отъ нея звѣрю не было. Это была массивная, половая съ желтиной сука *Отрави*. Поимка этой собаки была удивительна: она иначе не ловила, какъ заскакавъ зайца спереди, и это дѣлалось при прутких. собакахъ—быстрота удивительная! Породы отъ нея не было. У этого же охотника была также замѣчательная по рѣзвости мѣшаная черная сука *Манза*. Онъ, ѣздивъ однажды по порошѣ въ моихъ мѣстахъ, затравилъ двухъ зайцевъ, побѣжавшихъ одновременно, одной этой собакой.

Хорошъ былъ также статный, рѣзвый и красивый, чернопѣгій съ подпалинами, кобель *Одинокъ*, принадлежавшій пріятелю моему, незнавшему, „что у волка на умѣ.“

У лучшаго пріятеля моего К. М. Ф. были славныя, крѣпкія и рѣзвыя собаки; двухъ изъ нихъ я считаю долгомъ присоединить къ описаннымъ мною: сѣроухая сука и потомокъ ея—сѣрый кобель; обѣ собаки были одиночныя, и обѣихъ я имѣлъ случай видѣть.

Видѣлъ я также сѣрую суку—*Голубку*, принадлежавшую охотнику довольно извѣстному въ околодкѣ по охотѣ и по уголовнымъ дѣяніямъ, съ которымъ я не ѣздилъ и не велъ знакомства; суку эту видѣлъ я уже кривою и осенистою; но все-таки она была лихая собака!

Въ родѣ этихъ же собакъ у одного изъ молодыхъ моихъ товарищей—былъ чубарый кобель, котораго онъ купилъ за золотой: нахальная была собака, тоже ничему бѣгу не было, и разъ случилось, скакалъ даже на трехъ ногахъ.

У близкихъ моихъ сосѣдей и пріятелей была сѣрополовая сучка, которую въ полѣ я не видалъ, но на садкахъ, куда свозились собаки разныхъ породъ, она отличалась.

Зналъ я также рослую, бѣлую, красивую и злобную суку—*Игрушку*; она принадлежала моему хорошему пріятелю, не разъ полевавшему со мною, къ которому и теперь еще продолжаются мои отъѣзды съ ружьемъ и гдѣ, кромѣ дичи, я постоянно встрѣчаю радушный пріемъ. *Игрушка*, не говоря о ея рѣзвости, была собака замѣчательная еще тѣмъ, что брала въ одиночку волковъ.

Одинъ мой близкій родственникъ привезъ разъ изъ Тверской губерніи небольшаго, безъ всякихъ статей, но хорошо скованнаго кобеля. Собака эта была просто сумасшедшая: стоило только ухнуть, и гдѣ-бъ эта собака ни была, сей часъ-же явится, и если русакъ подержался, то ужь непремѣнно у нея въ зубахъ; мѣры она не знала и поспѣвала всюду. Когда этотъ кобель достался мнѣ, то я, не терпя подобныхъ безчинствъ, водилъ его на сворѣ,

и собаку нельзя было узнать. Она скакала наметомъ, мастерила и была удивительной рѣзвости, но только не на сворѣ.

Отъ этого кобеля и отъ сучки, о которой я забылъ упомянуть, былъ одинъ только пометъ.

Сучка принадлежала къ числу рѣзвыхъ собакъ; она родилась у меня; масти была муругопѣгой, чисто-псовая и принадлежала болѣе къ англійскимъ. Сучка эта была тоже собака одиночная; звали ее *Залеткой*. Первую осень она ходила за охотникомъ, но скоро показала себя и я взялъ ее въ свою своpу. Немало утѣшала меня эта собака. Отъ нея и *Швырка* взятъ былъ пометъ, состоявшій изъ 6 пѣгихъ щенятъ; всѣ они погодовали и съ первой же осени отлично поскакали; но погибли отъ чумы, кромѣ самаго худшаго.

Еслибы я хотѣлъ перечесть и поименовать всѣхъ своихъ рѣзвыхъ собакъ, то для этого нуженъ бы былъ цѣлый листъ.

Скажу еще объ одномъ пруткомъ, половомъ кобелѣ, отъ *Украсы* и *Любезнаго*. Я разъ спустилъ его на волка, онъ ударилъ сѣраго грудью и убилъ на повалъ.

Между забавными случаями изъ ружейной охоты припомнилъ я слѣдующій.

Одинъ мой пріятель, вовсе почти не охотникъ,

ходилъ съ моимъ егеремъ, и напали они въ одномъ небольшомъ мѣстечкѣ на кучу дупелей и бекасовъ и, не сходя съ мѣста, мой горячій пріятель разстрѣлялъ всѣ свои патроны, кажется не менѣе 30, и не убилъ ни одной птицы. Я былъ въ сторонѣ; прихожу послѣ всѣхъ и застаю всю компанію отдыхающею около чудеснаго ключа и ожидавшею меня завтракать. Пріятель мой встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями. Благодарю тебя, другъ мой, сказалъ онъ, я такъ потѣшился, что чудо: разстрѣлялъ оба патронташа. Что же ты убилъ? спросилъ я. Отвѣтъ былъ: — ничего; но все таки потѣшился, я никогда болѣе не стрѣлялъ и совершенно доволенъ и веселъ. Еслибъ это случилось со мной, то я бы дня три не опомнился отъ досады.

Въ другой разъ съ этимъ же товарищемъ охотились мы въ Черниговской губерніи, гдѣ нашли отличныя наливки, старую горѣлку и большія, но пустыя болота. Насъ водилъ его сосѣдъ, современникъ мнѣ по охотѣ, но не понимавшій гдѣ въ какое время должно отыскивать дичь. Отправились мы верстъ за 12 отъ стоянки. Тамъ владѣлецъ селенія обѣщалъ приготовить баркасъ для переправы нашей черезъ рѣку. Прибыли мы въ самый жаръ; спрашиваемъ: гдѣ баркасъ? отвѣчаютъ, что угнали. Напустился я на нашего вожаку. Послали отыскивать

и, наконецъ, баркасъ появился. Вообразите мое удивленіе. Оборванный мальчишка гналъ гнилой челнокъ, единственное средство для переправы. Не умѣя плавать, я долго не рѣшался повѣрить свое тѣло такому хилому судну. Но когда всѣ мои товарищи уѣхали, стыдно было отстать. Къ тому же экипажи были услапы за нѣсколько верстъ выше, гдѣ насъ ожидалъ, по словамъ безтолковаго вожака, мостъ. Перекрестясь и скрѣпя сердце, взобрался я въ качкій челнокъ и, благодаря Бога, благополучно переѣхалъ. Передъ нами открылись скошеные сухіе луга—мнимыя болота, но насъ увѣряли, что далѣе мѣсто пойдетъ лучше, и предложили прежде взять вправо, потомъ вернуться и ровняться около рѣки къ сборному мѣсту разстояніемъ на нѣсколько верстъ. Я не согласился, потому что было жарко. Рѣшились податься впередъ и, повернувъ, идти вдоль рѣки. Вожакъ же нашъ остался при своемъ предложеніи и ушелъ вправо. Скошеные недавно луга не обѣщали успѣха, и потому вся компанія повернула налѣво, помышляя болѣе о закускѣ и отдыхѣ, нежели о невѣрной охотѣ. Я, возрясь въ долину, вдавшуюся въ лѣсъ, рискнулъ забѣжать туда—и не даромъ. Для поддержанія чести охотниковъ я нашелъ тамъ пары четыре дупелей и убилъ ихъ. Потомъ долженъ былъ сухимъ

кочкарникомъ ломить нѣсколько верстъ попустому. Со мной былъ мальчикъ, знавшій мѣстность. Подошли мы къ рѣкѣ. Спрашиваю: гдѣ экипажи? Версты 2 далѣе, говоритъ, за деревней. Гдѣ-жъ мостъ? моста нѣтъ. Онъ дѣйствительно тутъ былъ, но ужъ нѣсколько лѣтъ какъ уничтоженъ. Осталась надежда на знакомый, скверный челнокъ. У переправы я нашелъ спящаго Григорья, краснаго, какъ ракъ. Я думалъ, что его припекло солнцемъ, забывъ, что старикъ любилъ стекло, и что мы находились въ Малороссіи. Съ той же церемоніей переправились мы на дрянномъ челнокѣ и прямо къ шинку, чуть-чуть не въ объятіе цѣлому еврейскому семейству. Промышленный народъ ожидалъ меня съ своими услугами. Первое требованіе, разумѣется, было: горѣлки! и я, не придерживающійся ея, хватилъ залпомъ двѣ чепорушки и велѣлъ поднесть прислугѣ, въ томъ числѣ и Григорью, не догадываясь, что сонъ и краснота его были ради національнаго напитка. Я заказалъ яичницу, за стульвагеномъ отправилъ мальчика и усѣлся на прилавкѣ въ ожиданіи подкрѣпленія и лошадей. Евреи засуетились и мигомъ вынесли сковороду и мягкій ситникъ; я проворно все это убралъ — и голодъ и досада съ нимъ изчезли. Глядь: тащится по той сторонѣ пріятель-вожака: челнокъ отправлялся за нимъ. Пе-

ревощикъ былъ предлинная фигура изъ духовнаго званія. Онъ усадилъ своего пассажира и отчалилъ; но какъ скоро очутился на серединѣ рѣки, которая была не глубока, потому что услужливый перевощикъ при моемъ переѣздѣ шелъ около челнока пѣшкомъ по грудь въ водѣ, я закричалъ: дьячекъ! опрокинь барина, цѣлковый за это, два, три. Оробѣлъ мой пріятель, взмолился сосѣду своему—и корысть не восторжествовала. Я встрѣтилъ пріятеля горѣлкой и все прошлое было забыто. Скоро прибылъ стульвагенъ; всѣ мы усѣлись и поѣхали къ ожидающимъ насъ товарищамъ. Тутъ только замѣтилъ я—въ какомъ духѣ былъ Григорій. Онъ схватился спорить объ охотѣ съ нашимъ пріятелемъ и задиралъ меня. Насилу я могъ узнать его. Товарищей застали мы въ палаткѣ, уже позавтракавши. Начали они всѣ благодарить нашего вожака за пріятное и успѣшное поле; одинъ мой старый товарищъ даже и нешуточками, потому что на немъ неудача оборвалась болѣе всего. Онъ заплутался и долженъ былъ отдать косцамъ складной ножъ, чтобы они перевели его черезъ рѣку и поставили на путь истинный. Денегъ съ нимъ не было, а фуляръ не прельстилъ мужиковъ. Но туча не миновала и еслибъ не Провидѣніе, то всѣ мы погибли бы. Кучеръ мой, тоже поклонникъ прохладительныхъ, покуда мы мая-

лись въ болотѣ, хлебнулъ черезъ край и этого никто не замѣтилъ. Мы усѣлись въ крытый, четверомѣстный тарантасъ и поѣхали къ дому. Я сидѣлъ съ правой стороны. Въ разговорахъ не обращали вниманія на мѣстоположеніе. Нечаянно взглянулъ я въ окошко, и сердце мое замерло. Мы ѣхали по узкой дорожкѣ надъ обрывомъ сажень въ 10; отъ колеса до обрыва много если было полъ-сажени. Кучеръ былъ не въ силахъ держать возжи: можете представить наше положеніе.... Я потихоньку сказалъ товарищамъ, что жизнь наша въ опасности и пригласилъ ихъ взглянуть на мою сторону. Краска изчезла съ ихъ лица.... Что дѣлать? повернуть нельзя: съ одной стороны бугоръ съ плетнемъ; съ другой пропасть; закричать на пьянаго кучера— дернетъ лошадь въ сторону, и все загремитъ. Къ счастію на козлахъ сидѣлъ взрослый мальчикъ, носившій по болоту за мною дичь и питье. Я велѣлъ ему потихоньку взять возжи у кучера, который сладко дремалъ, и остановить лошадей, что онъ удачно выполнилъ. Мы выпорхнули изъ тарантаса какъ птички, и шли почти полверсты, пока кончилась эта западня. Пріѣзжаемъ домой и находимъ Ваксель съ однимъ изъ нашихъ товарищей, отдыхавшимъ послѣ жаркаго разговора съ малороссійскими наливками. Покойникъ безрукій въ три поля ничего не убилъ,

за то хорошо ознакомился съ Черниговскими напитками, и не разъ напрашивался поискать въ той же сторонѣ новыхъ болотъ. Но послѣ столькихъ неудачь мы ту сторону совсѣмъ бросили. Будь я помоложе, можелъ быть, попытался бы пошарить, и на вѣрно мѣста есть хорошія. Къ тому же далеко, и проѣзды отымаютъ много времени: дай Богъ силъ и на свои мѣста, да побольше дичи. Два раза мы были въ той сторонѣ и оба неудачно—не отъ мѣстъ, но отъ неумѣнья вожатаго выбирать ихъ по времени года. Насъ потѣшили только два болота; оба они находились на большой дорогѣ, а не по выбору вожака, которому я все таки остаюсь благодаренъ за желаніе его доставить намъ удовольствіе и за его снисхожденіе къ моимъ выходкамъ.

Чуть я не забылъ сказать объ одной изъ красивѣйшихъ борзыхъ собакъ. Пріятель скиляжника вывезъ породу собакъ изъ Твери (*Миловидка* была этой породы по матери). *Озарной* былъ полвопѣгій кобель, аршинъ и полтора вершка росту, псовый, верхъ имѣлъ колесомъ, ребры ниже локтей, правило серпомъ, щипецъ длинный, тонкій, глаза черные, навыкатѣ. Собака была въ совершенныхъ статяхъ и къ этому чрезвычайно прутка.

Въ послѣдствіи я купилъ у ловчаго сына *озарнаго Лѣшаго*, красиваго, рослаго, псоваго, полова-

го кобеля; но онъ къ веснѣ околѣлъ чумой. Собака эта принимала славно волка, а русаковъ не только ловила, но и приносила ихъ какъ лягавая—въ поноскѣ; была рѣзва и имѣла передній рыскъ.

Припомнилъ я также о первой дочери *Украсы и Любезнаго*. Сучка эта была красавица и непомѣрной прутости. Она ходила съ матерью и *Миловидкой* въ одной сворѣ, и на короткѣ вырывалась изъ нихъ. На другую осень, поймавъ русака, она переломила себѣ ногу и, признаюсь, я плакалъ.

Видѣлъ я также одну собаку двухъ вершковъ въ наклонѣ, довольно красивую, но обыкновенную по рѣзвости. Эту породу мнѣ суждено было имѣть. Въ сосѣднемъ городѣ служилъ старый охотникъ, собаки котораго славились. Послѣ его смерти семейство продавало охоту. Ко мнѣ привели для продажи 4 псовыхъ собакъ, двухъ кобелей и двухъ сукъ, цѣна имъ назначена была 300 р. ассигнаціями. Такъ какъ я не нуждался въ борзыхъ, то она мнѣ показалась высока: я однакожъ посадилъ собакъ и остался ими доволенъ. Черезъ недѣлю я получилъ изъ полка жалованье, на которое не разсчитывалъ, и сей часъ-же на эти деньги были куплены выше сказанныя собаки. Сѣропѣгая сука *Повѣса* вышла собака одиночная; рыскала она за моимъ стремяннымъ, предобывчивымъ, мальчикомъ. Разъ ему слу-

чилось наѣхать въ поляхъ 7 русаковъ — и *Ловлса* всѣхъ переловила.

Въ продолженіи всей моей охоты я травилъ, по порошѣ, только одного чернаго русака. Онъ ушелъ съ угонокъ въ нору, и достать его было невозможно.

Самый матерый русакъ, котораго мы свѣсили, вытянулъ съ небольшимъ 20 ф. Я разъ затравилъ въ порошу 7 русаковъ матерыхъ; одинъ изъ нихъ былъ такъ великъ, что я подобнаго не видалъ. Но день былъ праздничный и свѣсить русака забыли, а навѣрное въ немъ было не менѣе 25 ф. Я слышалъ отъ старика, заслуживающаго довѣрія, что въ Бѣлевскомъ уѣздѣ былъ убитъ бѣлякъ въ 32 ф.

Разъ я затравилъ лисицу съ бѣлыми какъ снѣгъ подпалинами на ногахъ; на щицѣ также была бѣлизна. Это мнѣ напоминаетъ убитаго въ моихъ мѣстахъ вальдшнепа съ чисто-бѣлыми крыльями и дупеля бланжеваго цвѣта.

Былъ у меня также совершенно черный какъ смоль волкъ, вынутый изъ гнѣзда съ дружкой— сѣрымъ (изъ Тульской губерніи); онъ жилъ у меня 2 года на псарномъ дворѣ и околѣлъ отъ чумы. Считаю также рѣдкостью купленную мною борзую суку, чисто багряной масти, въ завиткахъ. Я видѣлъ много собакъ разныхъ шерстей, но подобной не видывалъ.

Вотъ еще два случая; одного я очевидецъ самъ, о другомъ мнѣ сообщилъ скипяжникъ. Разъ ѣздилъ я по порошѣ съ одной борзой сучкой. Пороша была бойкая. Мы отправились на луга. Охотники заровнялись болотомъ, я ѣхалъ по окрайку его. Лошадь моя подкована была по осеннему и, слѣдовательно, скакать по льду было опасно. Изъ подъ охотниковъ побѣжалъ русакъ; по направленію ихъ скачки, потому что дѣло было въ кустахъ, я ожидалъ зайцевъ къ себѣ. Я тронулъ слегка лошадь и сталъ переѣзжать, но недовольно быстро, чтобы съѣхаться съ русакомъ; онъ попросился къ сосновой рощѣ, гдѣ мы часто обѣдывали послѣ удачныхъ полей на болотную дичь. Не успѣлъ косой показаться въ полѣ, какъ явился еще неожиданный врагъ его— ястребъ (черняй, одинъ изъ самыхъ большихъ въ нашихъ мѣстахъ) и подхватилъ русака на сажень къ верху, но, пролетѣвъ нѣсколько шаговъ, выпустилъ его изъ когтей; скоро ястребъ опять справился и, подхвативъ вторично свою добычу, поднялся съ ней вдвое выше. Сука моя возрилась и бросилась къ мѣсту борьбы. Пернатый хищникъ опять не удержалъ свою добычу, косой вновь былъ на свободѣ и половая моя уже подбиралась къ нему, но роща укрыла русака отъ грозы.

Со скипяжникомъ былъ подобный же случай, про-

исходившій между орломъ и лисицей. Скиляжникъ ѣздилъ тоже по порошѣ, и равнялся въ чистыхъ поляхъ съ тремя своими охотниками. Кто то изъ нихъ увидалъ издалека лисицу и орла, сидящихъ другъ противъ друга въ нѣсколькихъ шагахъ. Послѣ совѣщанія охотники начали заѣзжать куму съ разныхъ сторонъ, не теряя съ глазъ сидящихъ непріятелей. Наконецъ кума, замѣтивъ новыхъ враговъ, рѣшилась побѣжать; но не успѣла она сдѣлать нѣсколькихъ прыжковъ, какъ царь пернатыхъ, схвативъ ее мощными когтями, поднялъ на нѣсколько аршинъ кверху. Этотъ маневръ открылъ собакамъ лисицу и они бросились къ мѣсту со всѣхъ сторонъ. Орелъ при этой неожиданной атакѣ, выпустилъ курятницу изъ когтей и она попала въ торока къ скиляжнику.

Послѣ первоначальныхъ отъѣздовъ въ мѣста Г. Г. К.,...., когда скиляжникъ меня изъ нихъ вытѣснилъ, познакомился я, правда дорогой цѣной, съ мѣстами К. Л....., которыя граничатъ съ курской губерніей. Мѣста обширныя (на протяженіи слишкомъ 30 верстъ) и отличныя. Тамъ, кромѣ изобилія зайцевъ, мы имѣли отличныя стоянки—въ господскихъ домахъ, и многочисленную и пріятную компанію. Главный двигатель этихъ поѣздовъ былъ знакомый всѣмъ моимъ сотоварищамъ К. Е. Л.....

Много осеней мы тѣшились въ этихъ мѣстахъ,

и притомъ съ должнымъ комфортомъ для охотниковъ не первой молодости. Всѣ мѣста, принадлежащія К. Л....., отданы были въ полное мое распоряженіе это были не острова, а просто сады. Вотъ примѣръ изобилія зайцевъ. Въ одну осень мы сдѣлали два поля, начиная отъ господскаго дома по обѣимъ сторонамъ рѣчки, выходя въ 10 часовъ, возвращаясь въ 5, и затравили 87 русаковъ и нѣсколько лисицъ. Разъ мы въ одномъ чудномъ отъемѣ (Малиновомъ) взяли 25 русаковъ, и травля была видна всѣмъ. Въ другой разъ брали мы два острова (Мѣловой и Борисовъ) и затравили въ нихъ до обѣда 48 зайцевъ. Помню, что мы принуждены были однажды уѣхать съ поля, затравивъ слишкомъ 50 русаковъ, потому что борзыя отъ утомленія не могли скакать. До конца моей охоты я посѣщалъ эти мѣста, но въ послѣдніе годы умножились лисицы, зайцы же вывелись.

Заключаю мою рукопись разсказомъ о двухъ русакахъ, ушедшихъ, какъ говорится, не изъ зубъ, а изъ мѣшковъ и экипажа. Оба зайца были выкопаны изъ норъ. Я велѣлъ посадить ихъ въ исподнее платье и отвезти на нашу стоянку. Двое изъ товарищей, у которыхъ были молодыя собаки, изъявили сожалѣніе, что зайца не посадили ихъ сворамъ. Я велѣлъ подать голосъ. Посланный вернулся, и жад-

ные охотники отъѣхали въ поле пробовать своихъ собакъ. Узникъ былъ выпущенъ, собаки спущены и раздались дикіе крики барчуковъ, но дѣло кончилось однимъ шумомъ: молодецъ ушелъ безъ угонки въ тотъ же островъ, гдѣ былъ пойманъ, и я не велѣлъ тревожить его вторично. Другаго зайца посадили въ мѣшокъ и привезли на квартиру въ собачей качкѣ. Послѣ поля въ эту же качку была посажена также моя свора, и они ѣхали вмѣстѣ верстъ 10. На квартирѣ собакъ выпустили, а про зайца забыли. Напившись чаю, я вспомнилъ о немъ и спросилъ бывшаго тутъ ловчаго. Усачь бросился за врагомъ своимъ, потому что онъ, хотя и съ угонокъ, но протравилъ зайца. Отворивъ качку, ловчій схватилъ мѣшокъ, но мѣшокъ былъ пустъ. Сначала подумали, что мѣшокъ развязался и заяцъ находился въ качкѣ. Ночь была темная, дворъ обнесенъ крѣпкимъ заборомъ, ворота были заперты. Ловчій, пошаривъ въ качкѣ, ощупалъ русака, но тутъ, въ другой разъ, онъ ему не дался въ руки и шмыгнулъ въ дверцу на дворъ. Взяли фонари и начали отыскивать бѣглеца, но къ счастію его калитка была несовершенно притворена, и онъ, не смотря на темноту, ушелъ въ нее.

Вотъ перечень всего истребленнаго въ продолженіи сорока-лѣтней моей охоты.

По охотѣ ружейной: съ 1815 года по 1856 застрѣлено разной болотной, лѣсной и полевой дичи 60,606 штукъ. Если продлитъ Богъ дни стараго стрѣлка, надѣюсь увеличить эту громадную цифру.

По охотѣ псовой сдѣлались добычей: 2 медвѣдя, 1 рысь, 29 барсуковъ, 70 волковъ, 605 лисицъ и 12,903 зайца.

Самый добычливый годъ для ружейной охоты былъ 1850. Убито 2,490 штукъ, въ числѣ которыхъ было 300 вальдшнеповъ.

Въ самое удачное поле убито было 146 штукъ.

Для псовыхъ охотниковъ самая счастливая осень была въ 1822 году. Убито изъ подъ гончихъ 2 медвѣдя, 1 рысь и нѣсколько барсуковъ; затравлено 6 волковъ, 42 лисицы и болѣе 900 зайцевъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Охота на другаго медвѣдя описана, какъ я уже сказалъ, въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ, общимъ нашимъ знакомымъ; но подробности эпизода изъ нея выкинуты, вѣроятно для того, чтобъ не утомить читателей. Но я пишу лишь для товарищей по охотѣ, и если эти подробности ихъ не пугаютъ, то прошу слушать, особенно тѣхъ, которые не читали печатный разсказъ.

Это было въ 1822 году, 3 ноября, когда въ моемъ селеніи, гдѣ я, по милости Бога, такъ долго наслаждаюсь охотами, день во имя Св. Георгія ознаменовывается престольнымъ праздникомъ.

Сосѣдній лѣсничій, привлеченный ярманкой, встрѣтился съ однимъ изъ моихъ охотниковъ въ пріютѣ, украшающемся елкою.

За шкаликомъ въ рукахъ, лѣсничій сообщилъ моему цсарю, что онъ, обходя свой участокъ лѣса, утромъ, въ 9 верстахъ отъ мѣста, ихъ теперь привлекшаго, видѣлъ медвѣжій слѣдъ.

Снѣгъ въ то время былъ самый мелкій, но довольно ровный.

При такой пріятной вѣсти, охотникъ мой пожертвовалъ веселой бесѣдой и явился ко мнѣ съ докладомъ, въ близь находившееся мое жилище.

Общество въ то время было многолюдное и большею частью состояло изъ охотниковъ.

Новость эта принята была съ восторгомъ; нѣкоторые предложили было сей часъ-же сѣдлать лошадей, но какъ уже вечерѣло, то и ограничились одними разспросами, литьемъ пуль и планомъ атаки на слѣдующее утро.

Вѣстника, напоивъ и наградивъ, отпустили домой. Толки о предстоявшей охотѣ не прерывались. Каждый выбиралъ себѣ оружіе. Одинъ мой хорошій пріятель, служившій тогда въ кирасирахъ, А. О. Л., богатырскаго складу, не на шутку вздумалъ оттачивать старинный прадѣдовскій бердышъ, приложенный къ ружью. Пріятель этотъ стрѣлкомъ тогда еще не былъ, но посягалъ войдти съ мохнатымъ пришлецомъ въ рукопашную.

Всѣ приготовленія были сдѣланы, фузеи вычи-

щены и заряжены, даже два пистолета не были забыты. Стая, изъ 60 собакъ, была въ исправности, охотники вооружены длинными ножами и кистенями. Всѣ мы ожидали разсвѣта будущаго дня съ нетерпѣніемъ. Сосѣдъ мой, скиляжникъ, разумѣется, отъ компаніи не отсталъ, хотя на медвѣдя не посягалъ и не долюбливалъ заряженныхъ ружей, особливо пулями.

Рѣшено было взять на всякій случай четырехъ волкодавовъ, которые были уже всѣ ветераны.

И такъ 1822 года, 4 ноября на утренней зарѣ всѣ мы были на ногахъ. Часть господъ, охотниковъ, сѣла на коней, другіе—въ сани съ заводными лошадьми. Поѣздъ тронулся до восхожденія солнца къ лѣсу, называемому Жулино. Лѣсничій ожидалъ насъ при въѣздѣ въ оный и повелъ на слѣдъ, видѣнный имъ наканунѣ. Стая и стрѣлки остались до изслѣдованія на опушкѣ. Одинъ стрѣлокъ и ловчіе отправились съ караульщикомъ въ вершину, начинавшуюся отъ опушки.

Слѣдователи скоро вернулись съ извѣстіемъ, что мужикъ не совралъ, и что даже видѣли старое логово.

Послѣ кратковременнаго совѣщанія отправлены были въ разныя стороны охотники отыскивать свѣжую тропу, съ которой миша, какъ и заяцъ, для ночнаго успокоенія, дѣлаетъ также сметки.

Нашли еще логово: медвѣдь вышелъ въ поле и ночевалъ въ близъ лежащей вершинкѣ, откуда побрелъ полями въ другой огромный лѣсъ, верстахъ въ 7 отъ перваго.

Отрядъ нашъ весь потянулся по пятамъ миши.

Прибывъ къ вышеозначенному лѣсу, принадлежащему, съ этой стороны, В. М. Т., раздѣленному просѣками на равные участки, сдѣлано было новое распоряженіе объѣхать крайніе участки. Нашли выходъ въ глубь лѣса. Проѣзжавшіе мужики попытались было насъ обмануть, увѣряя что они видѣли, какъ медвѣдь вышелъ изъ лѣсу; но мы своимъ глазамъ вѣрили болѣе, чѣмъ ихъ разсказамъ. Положено было окончательно разровняться по лѣсу, охотникамъ съ ружьями и безъ оныхъ, а стаѣ слѣдовать сзади, въ центрѣ, за съѣзжавшими медвѣдя, и когда кто наѣдетъ на медвѣдя или гонный слѣдъ, то чтобъ подалъ голосъ и называлъ на горячаго.

Я отправился на правый флангъ съ двухъ-стольнымъ ружьемъ и со скиляжникомъ, который разсчитывалъ, что гдѣ баринъ, тамъ и помощь вѣрнѣе. Къ нему я прикомандировалъ еще, для большаго успокоенія, моего стремяннаго съ рогатиной.

Вся линія тронулась съ должной тишиной. Вдругъ раздается пистолетный выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ звонкій голосъ ловчаго сталъ называть на горячій

слѣдъ. Стая двинулась рысью, но какъ удержать съ лежки жадныхъ собакъ при знакомой имъ темѣ. Понеслись гонцы въ голоса, скоро свалились и закипѣли по звѣрю.

Условлено было, что какъ подбудятъ звѣря, то стрѣлкамъ переѣзжать его и угощать чѣмъ кто гораздъ.

Звѣрь попросился къ болоту и протекавшей въ немъ рѣчкѣ. Скакать было опасно, потому что лошади были подкованы не на шипахъ, а по лѣтнему. Снѣгу было мало и бойко. Загремѣть для охотника не страшно, но сломать ружье больно, и потому я изъ рыси не выходилъ.

Медвѣдь сначала покатилъ быстро, и еслибъ не лихой сѣропѣгій конь молодца Астафа, то охота кончилась бы неудачно; но лихой доѣзжачій и рѣзвый конь разстроили планы мишки. Астафъ заскакалъ звѣря и, не помышляя объ опасности, бросился къ нему съ однимъ ножомъ. Миша, удивленный такимъ пріемомъ, поднялся на дыбы и облапилъ коня сзади. Доѣзжачій отвѣсилъ ему ударъ палашомъ, но попалъ не по переносицѣ, а ниже глаза. Въ это время подоспѣла стая и приняла мишу въ гачи. Сконфуженный такимъ привѣтствіемъ и, можетъ быть, отуманенный ударомъ, крякнувъ не одинъ разъ, побѣжалъ онъ назадъ, своимъ слѣдомъ, оставивъ знакъ на ляжкѣ у коня, содравъ ему кожу вершка на три.

Гоньба при свиданіи съ звѣремъ оживилась. Два раза просился онъ черезъ большую дорогу; еще два молодца доѣзжачихъ топтали его лошадьми и вернули назадъ. Вѣрные и злобные псы не дали ему расправиться съ помѣшавшими ему перебраться въ глубь лѣса.

Первый выстрѣлъ по звѣрю сдѣлалъ Григорій на полянѣ, въ дальнюю дистанцію и оцарапалъ ему только ступню. Кровь стала примѣшиваться къ слѣду, и гоньба сдѣлалась жаркая. Погода стояла тихая. Прибавьте къ этому улюлюканье нѣсколькихъ голосовъ, и если вы истинный охотникъ, то не для чего и говорить, что я ощущалъ тогда.

Наконецъ стали слышны выстрѣлы; сердце замирало отъ зависти; но продолжавшаяся гоньба успокоивала меня на счетъ здоровья звѣря. Разумѣется, поспѣшая въ сторону гоньбы, я прибавилъ рыси. Скиляжникъ былъ у меня на хвостѣ. Вдругъ увидалъ я впереди меня бѣжавшаго мужика съ ружьемъ черезъ просѣку, по которой я ѣхалъ. Гей, молодецъ, видѣлъ медвѣдя? закричалъ я ему. „Не только видѣлъ, отвѣчалъ бѣжавшій, даже стрѣлялъ по немъ, да промахнулся.“ Скиляжникъ спросилъ: А что, братъ, великъ ли медвѣдь? Да съ баринова мерина будетъ. Голосъ замеръ у старика, послышалось: тпру, тпру..,.. и товарищъ мой поѣхалъ шагомъ. Тутъ мы съ нимъ разстались, онъ измѣ-

нилъ свой планъ, увелъ моего стремяннаго и примкнулъ къ охотѣ, гдѣ ему можно было оставаться однимъ лишь свидѣтелемъ. Но скиляжнику суждено было встрѣтить моего егеря Григорья, который, переломивъ пополъ, вырѣзалъ сучекъ и забилъ имъ ружье, но вытащить самъ назадъ не могъ. Увидя скиляжника, Григорій упросилъ его выдернуть его прутъ; старикъ, думая, что ружье не заряжено, согласился и помогъ стрѣлку; но когда, по возвращеніи домой, онъ узналъ, что въ стволѣ была пуля, то чуть-чуть не упалъ въ обморокъ. Но возвратимся къ медвѣдю. Слышны были еще выстрѣлы, но какъ они сдѣланы были плохими стрѣлками и стрѣляли съ лошадей, то стая продолжала кипѣть еще сильнѣе. Звѣрь утомился и его стали пощипывать. Разъ онъ попросился было изъ лѣсу, но его встрѣтилъ одинъ изъ волкодавовъ и вцѣпился въ горло. Стая приняла мишу опять за гачи, а то, вѣроятно, волкодавъ былъ бы задушенъ.

Часа два продолжалось это охотничье наслажденіе. Мнѣ были слышны не только гоньба и улюканья, но даже и ревъ звѣря, когда его сильно пощипывали. Я задувалъ по дорожкѣ, опушкой лѣса. Охота была близко, стало быть и развязка тоже. Быковское ружье было у меня въ рукахъ, въ каждомъ стволѣ двѣ пули.

Вдругъ черезъ дорожку высыпала стая безъ медвѣдя. Я закричалъ: сбивай собакъ, но молодцы мои скоро справились сами и повели опушкой лѣса ко мнѣ на встрѣчу. Послышался еще выстрѣлъ и, мнѣ показалось, пуля просвистала мимо моихъ ушей. Я только помню, что закричалъ, чтобъ не стрѣляли и тѣмъ далъ знать, что я противъ охоты. Предостереженія мои были напрасны потому, что всѣ стволы были уже разряжены.

Лѣсъ былъ рѣдкій. Но вотъ и вся картина открылась мнѣ. Миша впереди всѣхъ утомленный, за нимъ стая, пощипывавшая его, за псами фрунтъ доѣзжачихъ и охотниковъ. Я принялъ влѣво и взвелъ курки. Вся ватага готовилась прокатить мимо меня. Какъ скоро миша былъ въ нѣсколькихъ шагахъ, я соскочилъ съ лошади; вотъ и онъ поровнялся, но я стрѣлять не могъ: гончія окружали присужденнаго къ смерти; я принужденъ былъ нѣсколько шаговъ пробѣжать за нимъ, и когда стая немного раздалась, я хватилъ его въ крестецъ двумя пулями. Несчастный миша загремѣлъ черезъ голову, хотѣлъ приподняться, но я пустилъ двѣ другія пули въ правую лопатку и звѣрь растянулся съ тѣмъ, чтобъ никогда не вставать.

Эта минута была одна изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни. Я помню, что когда всѣ съѣхались,

то жившій у меня старикъ, иностранецъ — чудный человѣкъ, цаловалъ меня, и поздравлялъ, рыдая. Онъ въ душѣ былъ охотникъ. Но къ счастью моему, что онъ и другіе хорошіе стрѣлки были въ саняхъ, а то бы могли вырвать у меня добычу изъ зубъ.

Мишу взвалили на сани и управляющій мой А. С. С., свидѣтель побѣды, засѣлъ на побѣжденнаго какъ на мягкій пуховикъ.

Вся ночь проведена была въ толкахъ объ убитомъ, и за упокой его выпита была не одна бутылка.